Asiate. Königsberg!

АЗІАТЪ.

Русское Правительство передъ судомъ Европы

„Кенигсбергскій процессъ."

Выпускъ I.

Берлинъ 1905.

Изданіе Ф. ГОТТГЕЙНЕРА, Берлинъ-Шарлоттенбургъ II.

FRIEDR. GOTTHEINER's Verlag, Berlin-Charlottenburg II.

3956
24

Предисловіе.

Настоящее изданіе сокращенныхъ протоколовъ знаменитаго кёнигсбергскаго процесса составлено по нѣмецкому сборнику, изданному подъ редакціей Курта Эйснера подъ заглавіемъ „Тайный союзъ царя“ (Der Geheimbund des Zaren. Der Königsberger Prozess wegen Geheimbündelei, Hochverrat gegen Russland und Zarenbeleidigung vom 12 bis 25 Juli 1904. Nach den Akten und stenographischen Aufzeichnungen mit Einleitungen und Erläuterungen — herausgegeben von Kurt Eisner. Mit Illustrationen. Berlin, 1904. Verlag der Expedition der Buchhandlung Vorwärts, Berlin S.W. 68). Пользованіе этимъ нѣмецкимъ сборникомъ было намъ предоставлено въ силу положительнаго согласія г. Эйснера. Насколько намъ извѣстно, никакому другому лицу подобнаго права предоставлено не было.

Самый переводъ и сокращеніе протоколовъ процесса взялъ на себя г. П. Катенинъ, который и снабдилъ книжку своими примѣчаніями. Мнѣ принадлежитъ только самая общая редакція и частичныя исправленія нѣкоторыхъ выраженій технико-юридическаго характера.

Азіатъ.

Берлинъ, въ апрѣлѣ 1905 г.

Первый день.

Вторникъ 12-го іюля н. ст.

Процессъ открывается при большомъ скопленіи публики. Передъ столомъ, за которымъ засѣдаютъ судьи, лежатъ тюки конфискованной литературы. Часть ея обернута бумагой, другая въ мѣшечный холстъ. Судебная коллегія состоитъ изъ предсѣдателя, директора земскаго суда (Landgerichts-Direktor) Шуберта, ландгерихтсрата Пошмана, ландгерихтсрата Кошорека, ландгерихтсрата Люблина и судебнаго ассессора Зеельмана.

Защитникомъ Петцеля состоитъ Гуго Гейнеманъ изъ Берлина, Карлъ Либкнехтъ защищаетъ Эренфорта, Шварцъ-Кенигсбергъ Кугеля и Клейна, всѣхъ остальныхъ обвиняемыхъ Гуго Гаазе изъ Кенигсберга.

Представителями обвиненія являются юстицратъ Шютце (Schütze) и штатсанвалтсратъ Д-ръ Каспаръ.

Въ началѣ процесса предсѣдатель суда дѣлаетъ нѣсколько сообщеній, изъ которыхъ мы отмѣчаемъ здѣсь лишь одно, по которому свидѣтель Скуббикъ, находившійся въ то время въ рижской тюрьмѣ, былъ нѣмецкими властями приглашенъ въ судъ, но русскія власти отказались до-

ставить его туда. Послѣ этого отказа судъ 2 іюля 1904 постановилъ допросить его внѣ суда и просилъ объ этомъ судебнаго слѣдователя при рижскомъ военномъ судѣ. Когда состоится допросъ — неизвѣстно.

Предложенному защитникомъ Гейнеманомъ свидѣтелю г. Мандельштаму было послано приглашеніе; послѣднее, однако, вернулось обратно недоставленнымъ. Штатсанвалтсратъ Каспаръ обращаетъ вниманіе на то, что этотъ свидѣтель, какъ и всѣ другіе, былъ приглашенъ черезъ посредство консульства, которое его не нашло, а также и посредствомъ заказного письма, судьба котораго еще пока неизвѣстна. Среди свидѣтелей, списокъ которыхъ уже установленъ, находятся приглашенные защитой Аксельродъ, Плехановъ и д-ръ Вечеславъ.*)

Допросъ обвиняемыхъ.

Обвиняемый Новагроцкій виновнымъ себя не признаетъ. Свою дѣятельность онъ рисуетъ слѣдующимъ образомъ: Въ январѣ 1902 года пріятель его, бывшій часовщикъ Квессель (Quessel), учившійся тогда въ Цюрихѣ, прибылъ въ Кенигсбергъ на похороны своего брата. Во время разговора о партійныхъ дѣлахъ, Квессель спросилъ его мимоходомъ, не согласится ли онъ оказать услугу одному русскому пріятелю, взявъ на себя хране-

*) Изъ этихъ свидѣтелей лишь г. Плехановъ прислалъ письмо, въ которомъ выражаетъ сожалѣніе, что не можетъ явиться изъ опасенія быть выданнымъ русскимъ властямъ. Остальные не явились безъ объясненія причинъ, но безъ сомнѣнія по тѣмъ же мотивамъ. Кат.

ніе нѣсколькихъ брошюръ. Онъ согласился при категорически выраженномъ условіи, что дѣло идетъ не объ анархическихъ, а исключительно соціалдемократическихъ брошюрахъ. Квесселъ самымъ рѣшительнымъ образомъ увѣрилъ его, что брошюры будутъ исключительно соціалдемократическаго характера. Въ сентябрѣ 1903 года онъ получилъ изъ Цюриха открытое письмо, подписанное именемъ Скуббика, въ которомъ послѣдній просилъ о сохраненіи литературы, одновременно сообщая о высылкѣ нѣсколькихъ пакетовъ.

Спрошенный президентомъ, обвиняемый заявляетъ, что на приходившихъ затѣмъ пакетахъ, каждый разъ фигурировали въ качествѣ отправителей новыя лица, что его, однако, ничуть не смущало. Далѣе онъ говоритъ, что изъ приходящей литературы одинъ экземпляръ всегда оставался въ таможнѣ. Остальныя открыто оставались тамъ по нѣскольку дней, потомъ онъ ихъ уносилъ домой и пряталъ за перегородкой. Разъ какъ-то пришли къ нему криминалкомиссары Вольфроммъ и Шеффлеръ, забрали нѣсколько брошюръ и спросили объ ихъ происхожденіи. Относительно остальныхъ экземпляровъ комиссаръ сказалъ, что онъ, Новагроцкій, можетъ поступить съ ними, какъ ему угодно, однако, было бы желательно знать, гдѣ они будутъ находиться.

Нѣсколько дней послѣ этого — разсказываетъ далѣе Новагроцкій — я получилъ изъ Мемеля открытое письмо отъ Клейна (одинъ изъ обвиняемыхъ), въ которомъ упоминалось имя Скуббика, а затѣмъ выражалась просьба прислать оставшуюся у Новагроцкаго литературу по прилагаемому адресу. Новагроцкій просьбы не вы-

полнилъ, ибо Клейнъ былъ ему неизвѣстенъ, письмо было скверно написано, да, вдобавокъ, Скуббикъ писалъ ему раньше, что явится самъ за литературой. Къ этому еще нужно добавить, что нѣсколько дней передъ этимъ къ нему явился какой-то господинъ, выдававшій себя за русскаго эмигранта, но производившій впечатлѣніе русскаго полицейскаго агента. Этотъ господинъ также просилъ у него литературу и получилъ отказъ. Новагроцкій полагалъ, что мнимый Клейнъ и помянутый шпіонъ одно и то же лицо.

Однажды, въ то время, какъ Новагроцкаго не было дома — въ качествѣ массажиста ему часто приходится по цѣлымъ днямъ отсутствовать — жена его получила отъ обвиняемаго Брауна открытое письмо, въ которомъ послѣдній сообщалъ, что былъ въ Мемелѣ и что Клейнъ проситъ Новагроцкаго прислать ему, наконецъ, литературу. Жена выполнила просьбу, при чемъ по недосмотру оставила двѣ небольшихъ брошюры. Нѣсколько дней послѣ этого пришелъ къ нему комиссаръ Вольфромъ еще съ двумя мужчинами и хотѣлъ конфисковать оставшіеся послѣ перваго обыска экземпляры.

Предсѣдатель. Вы тогда отказались указать, кому были отправлены эти брошюры. — Обвиняемый. Я не желалъ доносить на Клейна. — Пр. Вы знали, значитъ, что подлежите судебному преслѣдованію? — Обв. Нѣтъ, но комиссаръ сказалъ, что я буду имѣть непріятности, если не назову адресата. Я желалъ избавить другихъ отъ непріятностей, — отъ обысковъ и т. д. — Пр. Вы сказали раньше, что на адресахъ пакетовъ были написаны фиктивныя имена. Какимъ образомъ

Вы это узнали? — Обв. Имя отправителя и мѣсто отправки постоянно мѣнялись. — Пр. Вы не хотѣли назвать имя отправителя. Вы сказали, что это повредитъ ему въ Россіи. Но, вѣдь, Скуббикъ проживалъ обыкновенно въ Швейцаріи. — Обв. Я думалъ, что въ томъ случаѣ, если онъ поѣдетъ въ Россію, онъ будетъ имѣть непріятности. — Пр. При допросѣ Вы, однако, же сказали, что лицо, которое послало литературу, находится, вѣроятно, въ Россіи. Вы удивительнымъ образомъ стали ужъ очень близко къ правдѣ. — Обв. Я не знаю, какъ это случилось. — Пр. Вы сказали еще, что не желаете подвергать отправителя, какъ русскаго подданнаго, опасности ссылки въ Сибирь. Вы знали, значитъ, что онъ подлежитъ преслѣдованію? — Обв. Конечно! Я зналъ изъ партійной прессы, что въ Россіи соціалдемократы ежеминутно ссылаются въ Сибирь. — Пр. Странно, почему Вы не обратились за справками къ Квесселю, когда девять мѣсяцевъ послѣ разговора къ Вамъ вдругъ обратился какой-то незнакомецъ. Вѣдь, Вы не имѣли никакихъ гарантій, что отправитель именно то лицо, о которомъ Вамъ говорилъ Квессель. — Обвиняемый. Я знаю Квесселя, какъ очень честнаго и хорошаго человѣка. — Пр. Вы можете опредѣленно сказать, что отказались хранить анархическія и нигилистическія сочиненія? Нигилистическія также? — Обв. Относительно анархическихъ могу сказать съ полной увѣренностью; говорили ли мы о нигилистическихъ, я въ настоящее время сказать не могу. — Пр. Вы сказали на предварительномъ слѣдствіи, что дѣло идетъ о латышскихъ прокламаціяхъ? — Обв. Тамъ было нѣсколько отдѣль-

ныхъ листковъ. Кромѣ того, человѣкъ, котораго я посчиталъ русскимъ шпіономъ, спрашивалъ о „латышскихъ прокламаціяхъ“. — Пр. Разскажите, пожалуйста, еще что-нибудь о „русскомъ визитѣ“. — Обв. Если рѣчь идетъ о тѣхъ двухъ россіянахъ, которые меня посѣтили, тогда я не желалъ бы давать отвѣта. — Пр. Это Ваше доброе право. Однако, Вы должны примириться со всѣми выводами, которые судъ сдѣлаетъ изъ Вашего отказа. — Обв. Одинъ эмигрировалъ, чтобы избѣжать военной службы, другой потому, что распространялъ соціалдемократическія прокламаціи. Тотъ, что повыше ростомъ, былъ парикмахеромъ, что пониже — кожевникомъ. Они прибыли изъ Мемеля и просили о поддержкѣ. Они получили отъ меня лично 30 мар., отъ адвоката Гаазе 60 мар. Своихъ именъ они мнѣ не назвали. — Пр. Дали Вы имъ прочесть находящіяся у Васъ брошюры? — Обв. Нѣтъ. Я вообще не интересовался ихъ содержаніемъ, потому что моей задачей было не распространеніе, а только храненіе ихъ. Я лично не знакомъ ни съ русскимъ ни съ латышскимъ языкомъ, а оставлять этихъ людей однихъ у себя на квартирѣ я не хотѣлъ. — Пр. При извѣстныхъ обстоятельствахъ Вы, значитъ, можете быть очень недовѣрчивымъ? Я констатирую, что Вы не освѣдомились о содержаніи брошюръ, хотя имѣли случай сдѣлать это совершенно безплатно. — Обв. Русскіе пробыли здѣсь лишь нѣсколько часовъ. — Пр. Знаете Вы, какія цѣли преслѣдуетъ нѣмецкая соціалцемократія? — Обв. Нѣтъ, для этого я еще мало вышколенный соціалдемократъ. — Пр. Можете ли Вы указать намъ различія между нѣмецкой и русской соціалдемократіей? Знаете Вы что-нибудь

о союзѣ между нѣмецкой и русской соціалдемократіей? — Обв. Нѣтъ. — Пр. Вы, однако, категорически отказались отъ нигилистическихъ брошюръ! Знаете Вы что-нибудь о терроризмѣ или нигилизмѣ? — Обв. Ничего опредѣленнаго! Знаю только, что соціалисты-революціонеры (въ текстѣ стоитъ просто Revolutionäre. К.) хотятъ нѣчто подобное тому, чего желаютъ наши анархисты, а именно, насильственнаго переворота всего существующаго. — Пр. Знаете ли Вы, что въ анархическихъ произведеніяхъ раздаются прямые призывы къ убійству коронованныхъ особъ? — Обв. Я никогда не читалъ анархическихъ сочиненій. — Пр. Вы, однако же, были подвергнуты наказанію за оскорбленіе величества и знаете, что въ нѣмецкой соціалдемократической прессѣ находятся многочисленныя оскорбленія германскаго императора и русскаго царя! Развѣ это не требовало быть особенно осторожнымъ! — Обв. Мое осужденіе состоялось во время господства исключительнаго закона о соціалистахъ. Осудили меня за распространеніе прокламацій. Я полагалъ, что послѣ паденія исключительнаго закона это наказаніе въ счетъ не идетъ....

Прочитывается приговоръ отъ 2 іюня 1881 г., изъ котораго видно, что Новагроцкій былъ присужденъ за оскорбленіе величества къ шести мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Послѣ этого разыгрывается крайне характерная сценка, изъ которой видно, что въ кенигсбергскомъ процессѣ дѣло не обошлось безъ своего рода „секретнаго досье“. Защитникъ Гаазе вноситъ предложеніе о прочтеніи инкриминированной прокламаціи. Предсѣд. возражаетъ, что при дѣлѣ находится только приговоръ; прокламаціи при дѣлѣ нѣтъ. Защита въ

лицѣ Гаазе и Шварца заявляетъ, что она крайне изумлена, что при дѣлѣ находится приговоръ; у нихъ, у защитниковъ, этого приговора нѣтъ. — Пр. Онъ находился въ особомъ сверткѣ. *(Движеніе.)* Я не желаю касаться теперь содержанія найденныхъ у Васъ брошюръ. Впервыя конфискованныя у Васъ брошюры были: „Возрожденіе революціонизма“ и 4-й № „Народовольца“. Защитникъ Гаазе: Въ теченіе всего слѣдствія ни обвиняемымъ, ни защитѣ не было сообщено не только содержаніе, но даже заглавія инкриминируемыхъ сочиненій, хотя по § 136 уг. суд. это необходимо было сдѣлать. — Пр. Это невозможно. Вѣдь, это должно было быть сдѣлано.... Обвиняемые подтверждаютъ сообщеніе защитника, что вызываетъ сильное движеніе въ публикѣ. Пр. Пока это заявляютъ обвиняемые. Послѣ мы выслушаемъ судебныхъ слѣдователей.

Защита проситъ опубликовать переписку между германскимъ вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ и германскимъ посломъ въ Петербургѣ, въ чемъ судъ, однако, отказываетъ. Послѣ этого отказа и слѣдующаго затѣмъ дополнительнаго допроса Новагроцкаго, слѣдуетъ допросъ втораго обвиняемаго, завѣдывающаго кассою (Kassenrendant) Брауна изъ Кенигсберга.

Браунъ заявляетъ: я рѣшительно оспариваю свою виновность въ томъ смыслѣ, какъ это утверждаетъ обвинительный актъ. Я ничего не знаю о тайномъ сообществѣ. Въ концѣ сентября я отправился въ Мемель на собраніе областнаго избирательнаго комитета (Provinzial - Wahl - Komitees). Тогдашній довѣренный (Vertrauensmann) Клейнъ просилъ меня мимоходомъ сказать Новагроцкому относительно присылки литературы. Воз-

вратившись домой, я написалъ Новагроцкому извѣстное открытое письмо. Больше я ничего не дѣлалъ въ этомъ отношеніи. Рѣчь шла о литературѣ и я думалъ, конечно, о соціалдемократической. Все дѣло я разсматривалъ, какъ одно изъ мелкихъ порученій, которыя получаешь дюжинами. Я былъ поэтому крайне изумленъ, когда меня втянули въ это дѣло и, оторвавъ отъ моихъ занятій, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ держали въ подслѣдственномъ заключеніи. — Пр. Знаете ли Вы, какія цѣли преслѣдуетъ нѣмецкая соціалдемократія? — Обв. Конечно; это ясно изложено въ эрфуртской программѣ.*) — Пр. Я желалъ бы, однако, услышать объ этомъ отъ Васъ. — Обв. Соціалдемократія исходитъ изъ сознанія, что причиною соціальнаго зла является частная собственность на орудія производства. Она стремится поэтому къ тому, чтобы перевести всѣ средства производства въ общее владѣніе. Общество должно само руководить производствомъ. Мы желаемъ этимъ освободить угнетенный рабочій классъ отъ его бѣдствій. Цѣли этой мы хотимъ достичь легальными путями. Въ парламентахъ и въ муниципальныхъ управленіяхъ мы пользуемся каждымъ случаемъ, чтобы облегчить страданія угнетенныхъ и улучшить положеніе рабочаго класса. Наша дѣятельность протекаетъ при самой широкой гласности. Соціалдемократія вообще является пар-

*) „Эрфуртская программа“ — принятая въ 1891 г. на съѣздѣ въ Эрфуртѣ программа германской соціалдемократіи. Она дѣйствуетъ и въ настоящее время. Комментаріемъ къ ней служитъ извѣстная брошюра Каутскаго, русскій переводъ которой изданъ подъ заглавіемъ: „Эрфуртская программа“. Кат.

тіей съ наибольшей гласностью. — Пр. Знакомы Вы съ тѣмъ, къ чему стремится русская соціалдемократія? — Обв. Благодаря своей профессіи, мнѣ пришлось въ послѣдніе годы заниматься большей частью въ области соціальной политики и у меня не было возможности ближе знакомиться съ соціалдемократическимъ движеніемъ другихъ странъ. При этомъ положеніе дѣлъ въ Россіи не такое ясное, какъ у насъ, потому что рабочее движеніе подвергается тамъ жестокому преслѣдованію. Но поскольку я могъ прослѣдить по газетамъ, я могу сказать, что россійская соціалдемократія исходитъ изъ той же программы, что и нѣмецкая.*) — Пр. Полагаете ли Вы, что достиженіе вашихъ цѣлей возможно при абсолютномъ монархѣ? — Обв. Раньше, чѣмъ станетъ возможнымъ политическая свобода, абсолютизмъ, разумѣется, долженъ пасть въ Россіи, какъ онъ уже палъ въ Германіи. Устраненія абсолютизма требуетъ въ Россіи и либеральная партія. — Пр. Извѣстно ли Вамъ, что въ Англіи и Швейцаріи печатается литература, которая, несмотря на запрещеніе, распространяется въ Россіи? — Обв. Да, это всѣмъ извѣстно. — Пр. И литература, которая призываетъ къ убіенію коронованныхъ особъ? — Обв. Нѣтъ, такая литература мнѣ неизвѣстна. — Пр. Не можете ли Вы сказать, какимъ путемъ ввозится въ Россію эта запрещенная литература? — Обв. Я объ этомъ никогда не спрашивалъ. Знаю только, что неле-

*) Браунъ совершенно правъ. Въ общемъ программа россійской соц.-дем. партіи отличается отъ германской лишь тѣмъ, что, не ограничиваясь требованіями въ пользу фабричныхъ рабочихъ, она выставляетъ еще нѣсколько требованій въ пользу крестьянъ. Кат.

гальнымъ путемъ, ибо легально такую литературу доставлять невозможно. — Пр. Извѣстно ли Вамъ, что нѣмецкіе соціалдемократы принимаютъ участіе въ перевозкѣ литературы? — Обв. Что русскіе соціалдемократы обращаются за услугами къ нѣмецкимъ товарищамъ — разумѣется само собой. Однако, я не знаю, чтобы существовала для этого спеціальная организація.

Обвиняемый Клейнъ изъ Мемеля заявляетъ: Во время майскаго праздника 1902 года, одинъ русскій спросилъ, нѣтъ ли у меня русскихъ книгъ. Когда я отвѣтилъ отрицательно, онъ сказалъ, что пришлетъ мнѣ таковыя для распространенія среди русскихъ, живущихъ въ Мемелѣ. Однажды, меня позвали въ полицію, но я послалъ туда свою жену. Послѣдняя должна была вскрыть полученный тамъ пакетъ, послѣ чего пакетъ былъ задержанъ. Въ концѣ концовъ его выдали и жена получила его. Кѣмъ этотъ пакетъ былъ посланъ — я совсѣмъ и не видѣлъ. Осенью прибылъ ко мнѣ Скуббикъ... Пр. Откуда онъ Васъ зналъ? — Обв. я былъ довѣреннымъ лицомъ партіи въ Мемелѣ. — Пр. Онъ пришелъ къ Вамъ какъ къ довѣренному соціалдемократической партіи? — Обв. Скуббикъ просилъ меня вытребовать литературу отъ Новагроцкаго. — Пр. Получили ли Вы отъ Новагроцкаго пакетъ? Вы утверждали, вѣдь, что не знаете его вовсе. — Обв. Я не посмотрѣлъ, кто былъ отправителемъ, такъ какъ ожидалъ полученія только одного пакета. — Пр. Вѣдь, могъ получиться пакетъ и изъ Швейцаріи и съ анархической литературой? — Обв. Нѣтъ, тогда его на таможнѣ конфисковали бы. *(Громкій смѣхъ въ публикѣ.)* — Пр. Что произошло дальше? — Обв. Литература

лежала въ моей квартирѣ. Затѣмъ прибыли два русскихъ еврея и спросили о литературѣ. — Пр. Это были тѣ самые люди, которые пришли потомъ къ Новагроцкому и просили о помощи? — Обв. Нѣтъ, то были другіе. Тѣ были и у меня, и я, какъ соціалдемократическій довѣренный, отправилъ ихъ въ Кенигсбергъ. Тѣ двое, о которыхъ я говорю, выбрали себѣ нѣсколько брошюръ и ушли. — Пр. Вы, значитъ, отдали брошюры безъ всякихъ разговоровъ? — Обв. Да. — Пр. А куда дѣвался остатокъ? — Обв. Его конфисковали. — Пр. Гдѣ? — Обв. Въ моей квартирѣ и на чердакѣ. Я отнесъ литературу на чердакъ, потому что въ квартирѣ она мнѣ мѣшала. — Пр. Находились ли при литературѣ и рисунки? — Обв. Да. — Пр. Вы не позаботились узнать содержаніе брошюръ, хотя Вы знали, что литература пришла изъ-за границы? — Обв. Литература пришла черезъ таможню, и я полагалъ, что запрещенныхъ вещей тамъ нѣтъ. — Далѣе обвиняемый разсказываетъ, что онъ часто получалъ письма отъ Скуббика. На основаніи послѣднихъ онъ получилъ отъ Трептау чемоданъ Скуббика и послалъ послѣднему. Онъ отрицаетъ фактъ совмѣстной съ Кугелемъ упаковки литературы и т. п. Обвиняемый былъ убѣжденъ, что рѣчь идетъ о соціалдемократической литературѣ, потому что русскіе были соціалдемократы. Издержки по отправкѣ онъ ставилъ на счетъ партіи; только изъ процесса онъ узналъ, что литература была запрещенная, террористическая. Русскихъ соціалдемократовъ онъ безъ всякихъ разсужденій считалъ партійными товарищами и думаетъ, что они преслѣдуютъ тѣ же цѣли, что и нѣмецкіе соціалдемократы.

Предсѣдатель показываетъ обвиняемому одинъ изъ найденныхъ у него рисунковъ. Рисунокъ изображаетъ висѣлицу, на которой болтаются четыре трупа (трое мужскихъ, одинъ женскій). Вокругъ висѣлицы груда ужаснаго вида труповъ. Передъ висѣлицей стоитъ человѣкъ съ короной на головѣ. На лѣвой рукѣ у него ребенокъ, другого онъ держитъ правой рукой. Русская надпись гласитъ: „Николай II: отнынѣ я могу жить съ своимъ народомъ въ мирѣ.“ Пр. Вы распространяли этотъ на рѣдкость омерзительный рисунокъ! Кто вотъ этотъ человѣкъ? — Обв. Вѣроятно, полицейскій. — Защ. Либкнехтъ: Развѣ этотъ рисунокъ не изъ „Симплициссимусса“? (Симплициссимусъ — названіе извѣстнаго сатирическаго журнала въ Германіи. К.) — Защ. Гаазе: Конечно! Это изъ нашего „Симплициссимусса“! (*Большое веселье.*) — Пр. (*смущенно*): Изъ нѣмецкаго „Симплициссимуса“?.... Обвиняемый! Кто этотъ человѣкъ? — Обв. Вѣроятно, полицейскій. — Пр. Полицейскій съ короной? Развѣ это не царь? Вы видите, вѣдь... Защ. Гаазе: Было бы желательно, чтобы обвиняемый самъ высказалъ свои эстетическія воззрѣнія (*обращаясь къ обвиняемому*), почему этотъ человѣкъ не можетъ быть русскимъ царемъ? — Обв. (*убѣжденно*): Царь, вѣдь, не станетъ самъ тащить своего ребенка. (*Бурный хохотъ.*)

Послѣ этого прочитываются конфискованныя у Клейна письма. Въ одномъ письмѣ отъ 24 февраля Скубикъ отвѣчаетъ на письмо обвиняемаго. Рѣчь идетъ о конфискаціи первой посылки. Онъ спрашиваетъ сколько брошюръ отправлено уже въ Либаву. Далѣе въ письмѣ говорится: „Что дѣла-

ется теперь въ Мемелѣ и на границѣ? Часто ли встрѣчаются шпіоны и прочіе мерзавцы? А нѣмецкія власти? Продолжаютъ ли онѣ оказывать шпіонскія услуги русскимъ кровопійцамъ?“ Въ другомъ письмѣ отъ 17 августа 1903 Скуббикъ пишетъ:

„На этихъ дняхъ пришлю Вамъ немного свѣжей литературы. Моряки уже были у Васъ? Попытайтесь установить хоть одинъ правильный путь. Мы готовы, какъ я уже Вамъ своевременно писалъ, платить даже до двухъ марокъ за каждый килограммъ, если только они люди надежные и не болтливые. Само собою разумѣется, что и тѣ расходы, которые Вамъ приходится дѣлать на пиво и т. п. при сношеніяхъ съ этими людьми, мы охотно покроемъ. Къ какой русской гавани они отправятся — для насъ одинаково. У насъ всюду находятся товарищи, которые могутъ получить. Какъ только Вы установите путь, я пришлю Вамъ изъ Германіи соотвѣтственное количество литературы. Въ письмѣ укажите, сколько они или Вы сможете взять. Я тогда буду знать, сколько посылать. Было бы хорошо, если бы Вы получали литературу не на свой, а на подставной адресъ.“

По прочтеніи писемъ прокуроръ указываетъ на противорѣчія между показаніями Клейна на судѣ и на предварительномъ слѣдствіи, послѣ чего начинается допросъ обвиняемаго Кугеля.

Кугель разсказываетъ, что однажды какой-то незнакомецъ поставилъ, не спросясь, къ нему въ кузницу мѣшокъ съ литературой. При переѣздахъ, сначала въ Ниммерзаттъ, потомъ въ Мемель, онъ этотъ мѣшокъ бралъ съ собой. Однажды при-

шелъ другой незнакомецъ и хотѣлъ получить литературу. Незнакомецъ, однако, не былъ въ состояніи легитимировать себя и потому онъ литературы не получилъ.

Предсѣдатель дѣлаетъ предположеніе, что, вѣроятно, Кугель знаетъ русскій языкъ, ибо онъ прожилъ въ Полангенѣ $4^1/_2$ года. Кугель заявляетъ, что съ русскимъ языкомъ онъ почти незнакомъ. Ему приходилось имѣть дѣло лишь съ евреями, а послѣдніе, какъ и контрабандисты, говорятъ по-нѣмецки. Нѣсколько русскихъ буквъ онъ знаетъ.

Предсѣдатель спрашиваетъ его затѣмъ о его сношеніяхъ съ рестораторомъ Файнштейномъ и крестьяниномъ Кароломъ alias Шлипперникомъ.

Предсѣдатель разсказываетъ объ уличающихъ Кугеля показаніяхъ Карола. Кугель, перебивая, ломаннымъ языкомъ: „онъ лжетъ; я не желалъ бы, чтобы когда-либо народился такой дурной человѣкъ, какъ этотъ.“ Вмѣстѣ съ Кароломъ обвиняемый получилъ однажды отъ одного господина нѣсколько тюковъ въ желтой бумагѣ и 110 руб. Каролъ получилъ у него пакеты и 104 рубля за переправку черезъ границу. Можетъ случиться, что онъ угощалъ его разъ въ ресторанѣ Файнштейна. Невѣрно, однако, будто онъ постоянно угощалъ его или какихъ-нибудь другихъ контрабандистовъ. Онъ работалъ въ качествѣ кузнеца, а не контрабандиста. У Файнштейна же контрабанда была, какъ у себя дома. *(Большое веселье.)* Послѣдній былъ однажды арестованъ за это въ Россіи. Полицейскаго Скубика въ Полангенѣ обвиняемый не знаетъ. Черезъ посредство соціалдемократическаго

довѣреннаго Трептау Кугель получилъ однажды 50 марокъ поддержки. Жена его, отправившаяся изъ Ниммерзатта въ Полангенъ въ церковь и къ сестрѣ, была, несмотря на паспортъ, на границѣ задержана и $11^1/_2$ мѣсяцевъ провела въ заключеніи. Какъ онъ узналъ потомъ, причиной было подозрѣніе въ соучастіи при переправкѣ запрещенной литературы. Отъ Скуббика онъ не получилъ ни одного пфенига. Если Скуббикъ писалъ Клейну, что онъ, Кугель, получилъ 60 мар., то это ложь.

На вопросъ относительно стремленій и цѣлей русской соціалдемократіи обвиняемый отвѣчаетъ, что ничего въ этомъ не понимаетъ. — Пр. Слышали Вы, живя въ Россіи, о покушеніяхъ на царя? — Обв. Нѣтъ. — Защ. Либкнехтъ: Это вполнѣ естественно. О покушеніяхъ въ Россіи ничего нельзя писать. — Защ. Гаазе: Еще и понынѣ крестьяне ничего не знаютъ (?!) объ этихъ покушеніяхъ. Одинъ знакомый, работающій теперь надъ словаремъ Брокгауза, предназначеннымъ для Россіи (т. е. надъ нѣмецкимъ изданіемъ Брокгауза, предназначеннымъ для продажи въ Россіи. К.), разсказывалъ мнѣ недавно, что въ словарѣ должно быть сказано, что всѣ убитые цари умерли естественною смертью. — Пр. Развѣ Вы никогда не читали въ газетахъ о покушеніяхъ? — Обвин. Лишь по возвращеніи въ Германію я читалъ раньше всего „окружную газету“, потомъ берлинскую „утреннюю газету“, кенигсбергскую „народную трибуну“ и „Vorwärts“. — Пр. Умѣете ли Вы писать? — Обв. Плохо. — Пр. Правда ли, что Вы уговаривали Анзеля Чуичеля (Szuiszel) стать соціалдемократомъ? — Обв. Откуда онъ это взялъ? Это прямая ложь. — Пр. Но Вы то, вѣдь, соці-

алдемократъ? — Обв. Былъ! Теперь, послѣ того, какъ благодаря соціалдемократіи я получилъ такую массу непріятностей, я пересталъ быть соціалдемократомъ. *(Веселье.)*

Обвиняемый Трептау рѣшительно оспариваетъ свою виновность. Около трехъ лѣтъ тому назадъ, говоритъ онъ, одинъ русскій товарищъ запросилъ его письмомъ, не согласится ли онъ получать вмѣсто него почтовыя посылки. Нѣсколько позже этотъ товарищъ, назвавшій себя Скуббикомъ, посѣтилъ меня, и изъ разговора съ нимъ я узналъ, что онъ соціалдемократъ. Помянутыя посылки должны были быть забираемы людьми, приходящими съ паролемъ „S“. Черезъ нѣкоторое время Скуббикъ поѣхалъ въ Россію и оставилъ у меня чемоданъ съ бѣльемъ и литературой. Вернувшись въ Швейцарію, онъ просилъ меня потомъ выслать ему этотъ чемоданъ, чего я не сдѣлалъ, не желая тратиться на почтовые расходы. —

Пр. Вы соціалдемократъ и были довѣреннымъ лицомъ въ Партіи. Знаете ли Вы о цѣляхъ германской соціалдемократіи? — Обв. Да. — Пр. Знаете Вы также, къ чему стремится россійская соціалдемократія? — Обв. Нѣтъ. — Пр. И, несмотря на это, Вы способствуете этимъ стремленіямъ? Ну, а если россійскіе соціалдемократы преслѣдуютъ совершенно иныя цѣли? — Обв. Я, вѣдь, разговаривалъ съ Скуббикомъ и у меня осталось впечатлѣніе, что онъ мыслитъ, какъ нѣмецкій соціалдемократъ. — Пр. Знаете ли Вы, что въ Россіи существуютъ также и революціонныя теченія? — Обв. Нѣтъ. — Пр. Это, однако, странно. Вы, вѣдь, читаете соціалдемократическія

газеты? Развѣ Вамъ не встрѣчались сообщенія о томъ, что въ Россіи происходятъ политическія убійства и что послѣднія выставляются въ Вашей прессѣ, какъ геройскіе поступки? — Обв. Да, лишь недавно былъ убитъ одинъ изъ высшихъ чиновниковъ Финляндіи (Бобриковъ. Кат.). Изъза чего это произошло — я не знаю. — Пр. Вы должны были бы также знать, что одинъ изъ русскихъ императоровъ былъ насильственно умерщвленъ и что въ Россіи существуетъ сильное теченіе, поставившее себѣ цѣлью насильственное низверженіе абсолютизма. — Обв. Въ Vorwärts'ѣ я читалъ, что Александръ III имѣлъ касательство къ покушенію на жизнь болгарскаго князя. — Пр. *(непріятно пораженный неожиданнымъ отвѣтомъ)*: Тогда Вы должны также знать, что та же пресса, если въ Россіи случается политическое убійство, приводитъ о немъ детальныя свѣдѣнія и указываетъ причины такого дѣянія? — Обв. Это дѣло не мое. — Пр. Никто этого и не утверждаетъ. Я спрашиваю лишь, читали ли Вы объ этомъ? — Обв. Со стороны буржуазной печати такія дѣла всегда стараются использовать во вредъ нашей партіи. — Пр. Если Вы это знаете, значитъ, Вы знаете также, что такія дѣянія совершались въ Россіи. — Объ. Но, вѣдь, не нѣмецкими товарищами? — Пр. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, знаете ли Вы о существованіи такихъ теченій въ Россіи. Раньше Вы это отрицали, теперь Вы, кажется, признаете. — Защитн. Либкнехтъ: Я позволю себѣ замѣтить, что понятіе „революціонный“ очень спорное и что въ соціалдемократической прессѣ оно употребляется въ совершенно опредѣленномъ смыслѣ. — Пр. Трептау, что понимаете Вы подъ

словомъ „революціонный“? — Обв. Преобразованіе современнаго общества. — Пр. Насильственнымъ путемъ? — Обв. Нѣтъ, легальнымъ. — Пр. Тогда, по Вашему, стремленія нѣмецкой соціалдемократіи также революціонны? — Обв. молчитъ. — Пр. Согласны Вы съ тѣмъ, что въ нѣмецкой соціалдемократической прессѣ часто встрѣчаются оскорбленія величества и что редакторы подвергаются за это штрафу. — Обвиняемый. Что именно соціалдемократическая пресса часто повинна въ оскорбленіи величества, мнѣ неизвѣстно. Газеты всѣхъ партій подвергаются за это штрафамъ. — Пр. Но соціалдемократическая пресса не особенно ласково обходится съ россійскимъ царемъ. — Защ. Либкнехтъ. Либеральная пресса поступаетъ точно такъ же. — Пр. Пожалуйста, это Вы можете изложить въ своей защитительной рѣчи.

Обвиняемый Трептау подвергается послѣ этого допросу относительно происхожденія направленныхъ по его адресу посылокъ. Онъ допускаетъ, что получалъ ихъ не только изъ Шарлоттенбурга, но и изъ другихъ мѣстъ Германіи.

Послѣ этого прочитываются нѣкоторыя письма къ Трептау, изъ которыхъ для русскаго читателя особый интересъ имѣетъ лишь письмо Скуббика, писанное имъ въ вагонѣ по пути изъ Россіи въ Швейцарію. Письмо помѣчено датой: 6 мая 1902 и гласитъ: „Милый другъ! Наконецъ-то, я могу вздохнуть свободно! Что это означаетъ, знаетъ лишь тотъ, кто болѣе трехъ мѣсяцевъ принужденъ былъ находиться въ постоянномъ страхѣ быть схваченнымъ какимъ-нибудь „охранителемъ“ и богъ вѣсть на сколько времени быть водвореннымъ на казенной квартирѣ. Все-таки, несмотря на всю

мою усталость и безпокойную жизнь, я очень доволенъ своей поѣздкой, ибо вижу, что моя и моихъ товарищей работа не пропадаетъ даромъ, что она пала на хорошую почву. Говорю тебѣ, дружище, что въ современной Россіи происходитъ теперь еще невиданная жизнь и движеніе: повсюду — отъ береговъ балтійскаго моря до Кавказа, отъ Польши до далекихъ снѣжныхъ полей Сибири — повсюду кипитъ и бродитъ, какъ въ настоящемъ революціонномъ котлѣ. Въ вагонѣ я слыхалъ даже отъ стариковъ, что дальше такъ идти не можетъ, что крушеніе должно наступить неизбѣжно. И, дѣйствительно, и намъ, близко знакомымъ со всѣмъ происходящимъ, кажется, что Россія стоитъ предъ глубокими преобразованіями. Въ послѣднее время даже крестьяне, которыхъ не считали уже способными къ возмущенію (ибо сотни тысячъ изъ нихъ уже много лѣтъ голодаютъ и безропотно умираютъ съ голоду), заразились духомъ революціи и такъ бунтуютъ, что у „высокихъ“ господъ въ Петербургѣ поджилки трясутся отъ страху. Конечно, мы знаемъ, что это не сознательные товарищи или революціонеры. Но это неважно, ибо даже въ очень прогрессивныхъ западно-европейскихъ государствахъ лишь часть (и часто какъ разъ меньшая) соціалдемократической арміи состоитъ изъ дѣйствительно сознательныхъ, убѣжденныхъ товарищей, въ то время какъ другая рекрутируется изъ людей, недовольныхъ современнымъ режимомъ и правительствомъ. И если бы только можно было заполучить этихъ недовольныхъ на свою сторону, то они могли бы для осуществленія нашихъ идеаловъ сдѣлать не меньше, чѣмъ убѣжденные товарищи (хотя бы даже и безсознательно),

такъ какъ ихъ милліоны. А чтобы недовольство у нихъ не прекращалось, объ этомъ заботливо хлопочетъ царь-голодъ.“ Далѣе письмо заканчивается разными мало-интересными дѣловыми порученіями и вопросами. Изъ дальнѣйшихъ писемъ устанавливается фактъ, что Трептау опускалъ въ ящикъ письма по порученію жены редактора-издателя „Освобожденія“, г-жи Н. А. Струве.

Среди конфискованныхъ у Трептау предметовъ находился также рабочій календарь (Arbeiter-Notiz-Kalender) на 1900 г. По поводу этого календаря председатель обращается къ Трептау съ замѣчаніемъ: „Въ календарѣ, въ числѣ памятныхъ дней часто встрѣчаются дни убійствъ.“ — Обв. Трептау указываетъ, что календарь отпечатанъ въ Германіи. — Защ. Гаазе: Вношу предложеніе прочесть весь календарь; защита ни въ коемъ случаѣ не можетъ допустить, чтобы здѣсь были прочитаны отдѣльныя мѣста, невѣрно передающія характеръ цѣлаго. — Защ. Либкнехтъ: Присоединяюсь къ предложенію; календарь отмѣчаетъ лишь убійства, имѣющія историческое значеніе. — Пр. Но русскія убійства являются преобладающими. — Либкнехтъ: Это потому, что въ Россіи больше всего происходило такихъ убійствъ.

Слѣдуетъ допросъ обвиняемаго Мертинса. Въ апрѣлѣ или мартѣ 1902 г. — говорилъ Мертинсъ — ко мнѣ пришелъ русскій товарищъ изъ Берлина съ очень хорошими рекомендаціями. — Пр. Кто былъ этотъ товарищъ? — Обв. Я отказываюсь давать показанія относительно его личности, не потому, что опасаюсь суда, а потому, что не хочу подвергать товарища всяческимъ непріятностямъ. Русскій товарищъ спросилъ меня,

не можетъ ли онъ оставить у меня русскую литературу. Принявъ во вниманіе его рекомендаціи, я согласился и потомъ, въ теченіе 2 лѣтъ, получалъ литературу, которую забирали крестьяне, приходившіе въ сопровожденіи помянутаго товарища. — Пр. Онъ былъ всегда при этомъ? — Обв. Нѣтъ, послѣ приходили и другіе, но постоянно такіе, съ которымъ товарищъ меня раньше знакомилъ. — Пр. Знали ли Вы, какая это была литература? — Обв. Главнымъ образомъ это была газета „Искра“. — Пр. Посылки эти приходили съ обозначеніемъ „произведенія печати“? — Обв. Да, часто такъ. — Пр. Однако, странно, что эти вещи объявлялись на почтѣ также и какъ „сапожный товаръ“. — Обв. Я думалъ, что русскіе товарищи дѣлаютъ это изъ осторожности. — Пр. Вы, значитъ, предполагали, что нарушаете законъ? Обв. Ничуть. Я думалъ, что русскимъ товарищамъ это можетъ причинить непріятности со стороны русскаго правительства. — Пр. Странно, однако, что какой-то В. Петцель нѣсколько разъ посылалъ Вамъ изъ Берлина сапожный товаръ. — Обв. Да, но только съ цѣлью замести слѣды не отъ взоровъ нѣмецкой, а русской полиціи. — Пр. Что говорили Вы по этому поводу съ русскими товарищами? — Обвиняемый. Всякое слово не упомнишь. — Предсѣдатель. Былъ ли у Васъ разговоръ о томъ, откуда приходитъ литература? — Обвиняемый. Возможно, что да. — Пр. Вамъ сказали, что она получается изъ книжнаго магазина „Vorwärts“? — Обв. Да. — Пр. Совпадаютъ ли цѣли русской соціалдемократіи съ цѣлями соціалдемократіи германской? — Обв. Да. Организація „Искры“ стремится къ тому же, къ чему стремимся и мы. Я

говорилъ также, что готовъ помочь лишь той организаціи, которая стоитъ на почвѣ германской соціалдемократіи. Потомъ Скуббикъ писалъ ко мнѣ и просилъ позволенія пользоваться моимъ адрѣсомъ. Я говорилъ по этому поводу съ моими русскими друзьями и тѣ посовѣтовали мнѣ отклонить эту просьбу, такъ какъ Скуббикъ ихъ противникъ и сторонникъ другихъ пріемовъ борьбы. — Пр. Болѣе рѣзкихъ? — Обв. Конечно. — Пр. Вы сказали, что Вамъ извѣстны также представители либеральнаго и террористическаго направленія и назвали Петра Струве. — Обв. Да, какъ представителя либеральнаго направленія. Однажды я получилъ посылку отъ Нины фонъ-Струве съ письмами, которыя я долженъ былъ отправить. Письма я отправилъ, во всякой-же другой помощи отказалъ. — Пр. Вы, значитъ, держитесь того мнѣнія, что товарищи, съ которыми Вы имѣете сношенія, не принадлежатъ къ террористическому направленію? — Обв. Да. — Пр. Не было ли возможности, чтобы вмѣстѣ съ Искрой провозилась и другого рода литература? — Обв. Нѣтъ, это невозможно. — Пр. Вы думаете, что міровоззрѣніе лицъ, присылавшихъ Вамъ литературу, достаточно гарантировало отъ присылки литературы революціонеровъ? — Обв. Да, конечно.

Защ. Гаазе: Мы услышали здѣсь нѣчто совершенно новое. Русскіе друзья отсовѣтывали Мертинсу входить въ сношенія со Скуббикомъ, потому что послѣдній принадлежалъ къ болѣе крайнему направленію. — Защ. Либкнехтъ: Не говорилъ ли Вамъ русскій пріятель, что Скуббикъ принадлежитъ къ латышской соціалдемократіи? — Обв. Я не придавалъ этому дѣлу большого значенія. Я

показалъ письма моимъ русскимъ пріятелямъ и, когда послѣдніе сказали: „это нашъ противникъ“, то вопросъ для меня былъ рѣшенъ.

Обвиняемый Эренфортъ говоритъ: По просьбѣ одного русскаго студента, Габріеля, съ которымъ я встрѣтился на одномъ партійномъ собраніи, я согласился дать свой адресъ для полученія литературы. — Пр. Получилось ли что-нибудь? — Обв. Вскорѣ я получилъ пакетъ. Мнѣ нужно было уѣхать и я просилъ ресторатора Вебера получать пакеты и передавать ихъ Габріелю. Одинъ пакетъ онъ получилъ и передалъ. Когда прибылъ другой, то полиція тотчасъ же его конфисковала. — Пр. Какимъ образомъ это произошло, что русскіе пользовались Вашимъ адресомъ? — Обв. Не знаю. Вѣроятно, потому, что у меня жило множество русскихъ. Я не имѣлъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній. — Пр. Вы должны были бы, однако, знать объ этомъ, ибо Вашимъ адресомъ пользовались также и для полученія писемъ. — Обв. Можетъ быть, но тогда молодежь, вѣроятно, заблаговременно отбирала ихъ. Я ничего не замѣтилъ. — Пр. Что это были за люди, которые жили у Васъ? — Обв. Все честные, приличные и славные люди. — Пр. У Васъ жило поразительно много русскихъ. Съ 1896 года у Васъ перебывало не менѣе 36 чел. — Обв. Я никогда не спрашивалъ о національности. — Защ. Либкнехтъ: У обвиняемаго Эренфорта жили также и нѣмцы. При этомъ нужно замѣтить, что по всей Kantstrasse живетъ множество русскихъ. — Пр. Къ какому направленію Вы принадлежите? — Обв. Я соціалъ-демократъ. — Пр. Однако, Вы получали также и анархическій еженедѣльникъ „Neues Leben“. — Обв. Да. Я читалъ его для информаціи.

Вслѣдъ за этимъ обвиняемый на вопросъ предсѣдателя заявляетъ, что онъ настолько знакомъ съ русскими дѣлами, что опредѣленно можетъ утверждать, что русская соціалдемократія стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, что и нѣмецкая. —

Обвиняемый Петцель: Однажды явились ко мнѣ двое русскихъ товарищей съ рекомендаціей отъ Аксельрода. Это имя имѣетъ для соціалдемократа такое же значеніе, какъ имя Бебеля или Либкнехта въ Германіи. Люди, приходящіе съ такими рекомендаціями, пользуются безусловнымъ довѣріемъ. — Пр. Вы хотите, слѣдовательно, сказать, что Аксельродъ пользуется въ россійской соціалдемократіи тѣмъ же уваженіемъ, какимъ въ германской пользуется Бебель и Либкнехтъ? — Обв. Да, весь образованный міръ знаетъ это имя. — Пр. Образованный міръ сюда не относится. Чего хотѣли отъ Васъ россіяне? — Обв. Они спросили, не можетъ ли книжный магазинъ получать для нихъ нужную имъ русскую литературу. Я выразилъ свою готовность, но прибавилъ, что для того, чтобы не вышло въ магазинѣ путаницы, было бы желательно, чтобы литература получалась на мое имя. Я позволилъ имъ также пользоваться моимъ именемъ въ качествѣ отправителя. У меня не было при этомъ никакихъ сомнѣній или колебаній, ибо я полагалъ само собою разумѣющимся, что дѣло идетъ о соціалдемократической литературѣ. Къ моему удивленію, я узналъ потомъ отъ полиціи, что ящики къ Мертинсу отправлялись подъ видомъ сапожнаго товара. Я не повѣрилъ бы этому, если бы не видѣлъ накладной. Я заявляю, однако, что, если бы меня спросили о позволеніи, я бы согласился, ибо

вполнѣ понимаю эту мѣру предосторожности, чтобы русскіе шпіоны не узнали, куда направляются посылки. Я прекрасно знаю, что за ними наблюдаютъ полчища шпіоновъ. — Пр. Извѣстно ли Вамъ, откуда приходили посылки? — Обв. Конечно, отъ Блюменфельда или отъ Ульянова изъ Женевы. Все это были посылки отъ Аксельрода. — Пр. Куда посылки отправлялись? — Обв. Въ подвалъ экспедиціи Vorwärts'а, а оттуда, замѣчу мимоходомъ, русскій императорскій придворный экспедиторъ отправлялъ ихъ дальше. Книжный магазинъ не имѣлъ ничего общаго съ посылками.

Обвиняемый Кегстъ разсказываетъ, что хранилъ пакеты, получая за это по маркѣ, и переносилъ ихъ контрабандистамъ, получая за эти услуги по рублю съ пакета. Однажды контрабандисты вернули ему взятый ими раньше пакетъ. Онъ отвезъ его потомъ на границу и тамъ одинъ незнакомецъ продалъ его русскому офицеру за 20 рублей. Этимъ кончается допросъ обвиняемыхъ. Изъ свидѣтельскихъ показаній мы пропускаемъ здѣсь показанія г-жи Новагроцкой, Юліана Борхардта, столяра Линде, ничего новаго и для русскаго читателя интереснаго не давшихъ.

Третій день.

Комиссаръ Вольфромъ изъ Кенигсберга показываетъ: въ сентябрѣ прошлаго года полицейскія власти получили нѣкоторое количество русской литературы, предназначенной для Новагроцкаго. Литература была подвергнута просмотру, и было установлено, что одна изъ брошюръ трактуетъ объ убійствѣ русскаго царя. Я отправился къ

Новагроцкому и арестовалъ брошюру. Я арестовалъ 93 экземпляра. Въ наличности было около 20 пакетовъ, которые я и просмотрѣлъ. Литературу я передалъ прокуратурѣ и этимъ пока кончается моя дѣятельность. Спустя дней восемь или десять я снова отправился къ Новагроцкому, чтобы установить наличность другихъ брошюръ. Новагроцкій заявилъ мнѣ, что его жена уже отправила въ это время всѣ оставшіеся пакеты. Я спросилъ г-жу Новагроцкую и она подтвердила заявленіе своего мужа. На мой вопросъ, куда она отправила литературу, г-жа Новагроцкая отвѣтила, что не желаетъ отвѣчать до тѣхъ поръ, покуда не посовѣтуется съ юристомъ. На другой день г-жа Новагроцкая сказала мнѣ, что уже совѣтовалась съ юристомъ и теперь отказывается дать отвѣтъ на помянутый выше вопросъ.

Въ третій разъ я былъ у Новагроцкихъ 3-го ноября. Мнѣ было поручено сдѣлать обыскъ и мы нашли открытое письмо отъ Квесселя и двѣ брошюры на русскомъ языкѣ. — Пр. Послѣ того, какъ Вы арестовали 93 брошюры, много ли еще осталось у Новагроцкаго литературы? — Свид. Я полагалъ, что осталось тысячи двѣ. Тамъ было около 20 пакетовъ. — Защитн. Гаазе: Было ли Вамъ или другимъ лицамъ извѣстно до полученія литературы Новагроцкимъ, что таковая ему отправлена? — Свид. Нѣтъ. Я читалъ лишь въ „Allgemeine Zeitung“, что въ Мемелѣ лежитъ большое количество русской литературы.

Свидѣтель комиссаръ Шеффлеръ изъ Кенигсберга на вопросъ защитника Гаазе: „Помнитъ ли свидѣтель, чтобы Новагроцкій разсказывалъ о томъ, что у него былъ русскій, выдавав-

шій себя за эмигранта и служившій на почтѣ?“ отвѣчаетъ: я вспоминаю, что Новагроцкій говорилъ о человѣкѣ, который былъ у него и котораго онъ принялъ за шпіона. — Защ. Гаазе: Извѣстно ли Вамъ, что такой человѣкъ дѣйствительно былъ у Новагроцкаго? — Свид. Нѣтъ. — Защ. Либкнехтъ: Находится ли германская полиція въ какой-нибудь особой связи съ русской полиціей? Пользовалась ли здѣшняя полиція услугами шпіоновъ или членовъ русскаго консульства въ Цюрихѣ? — Свид. Не знаю. — Либкнехтъ: Знаете ли Вы кого-нибудь изъ членовъ русскаго консульства, который выполняетъ полицейскую службу? — Свид. Не знаю.

Свидѣтель Квесселъ въ своемъ показаніи высказываетъ мнѣніе, что Плехановъ и Аксельродъ, къ партіи которыхъ принадлежитъ и Скуббикъ, являются рѣшительными противниками террористовъ. — Предс. Но Плехановъ, однако, занималъ раньше другую позицію. — Либкнехтъ: Говорятъ, что двадцать лѣтъ тому назадъ онъ нѣсколько разъ выразился въ террористическомъ смыслѣ; защита, однако, рѣшительно оспариваетъ это. — Свид. Квесселъ. Я знаю только, что Плехановъ въ своемъ сочиненіи „Анархизмъ и соціализмъ“ высказался противъ терроризма въ такой рѣзкой формѣ, что даже члены его собственной партіи упрекали его за эту рѣзкость. Когда однажды онъ пожелалъ прочесть рефератъ въ Цюрихѣ, то группа террористовъ помѣшала ему въ этомъ своимъ крикомъ. — Предс. Въ какомъ же смыслѣ высказался Плехановъ въ томъ собраніи? — Свид. Онъ никакъ не высказался. Группа скандалистовъ (?) шумѣла, пока онъ не ушелъ.

Прокуроръ Каспаръ спрашиваетъ свидѣтеля Квесселя: Вы различаете у русскихъ соціалдемократовъ и террористовъ? — Свидѣтель. Да. Партія Искры соціалдемократическая. — Предс. Террористическая группа въ Цюрихѣ держится въ сторонѣ отъ сторонниковъ Плеханова? — Свид. Раздоръ между соціалдемократами и террористами настолько великъ, что часто они другъ съ другомъ не желаютъ встрѣчаться. Разсылка литературы и сборъ денежныхъ средствъ производятся вполнѣ обособленнымъ образомъ. Я не допускаю, чтобы Скуббикъ отправлялъ литературу различныхъ направленій. Скорѣе возможно, что Скуббикъ, бывшій на дрезденскомъ партейтагѣ, далъ кому-нибудь адресъ Новагроцкаго, а тотъ злоупотребилъ имъ. На дрезденскомъ партейтагѣ было много русскихъ. — Пр. Кто эти лица, имена которыхъ выставляются на корреспонденціи въ качествѣ отправителей? — Свид. Это квартирохозяева. Обыкновенно студенты не спрашиваютъ своихъ квартирохозяевъ и пользуются ихъ именами безъ нхъ предварительнаго согласія. — Пред. Но зачѣмъ нужны въ Швейцаріи фальшивые адреса и частыя перемѣны квартиръ? Вѣдь, распространеніе подобной литературы въ Швейцаріи ненаказуемо! — Свид. Господинъ предсѣдатель, шпіоны, вѣдь, и тамъ существуютъ, а быть заподозрѣннымъ въ Россіи вещь непріятная. Что же касается перемѣны квартиръ, то они производятся не изъ опасенія шпіоновъ, а изъ любви къ перемѣнамъ.

На разспросы прокуратуры и защиты свидѣтель показываетъ еще, что органомъ соціалдемократіи является не „Революціонная Россія“, а „Искра“. Подъ словомъ „революціонный“ въ

Россіи понимается все, что является „нелегальнымъ“, т. е. все, что не дозволено цензурой. — Защити. Либкнехтъ: Какова тенденція „Револ. Россіи“? — Пред. *(перебивая)*: Свидѣтель, вѣдь, не можетъ этого знать, ибо не знаетъ по-русски. Вообще всѣ эти свидѣтельскія показанія не имѣютъ никакой цѣнности. — Свидѣт. Я обращаю Ваше вниманіе на то, что моя жена россіянка и что русскіе студенты раздѣляютъ мой взглядъ на надежность Скуббика.

Свидѣтель комиссаръ Вольфромъ, отказавшійся ранѣе отвѣчать на нѣкоторые вопросы безъ особаго на то разрѣшенія со стороны своего начальства, заявляетъ теперь, что онъ таковое разрѣшеніе получилъ. На вопросъ о томъ, отъ кого или откуда полиція узнала о литературѣ, Вольфромъ заявляетъ, что послѣдняя получена въ полиціи изъ таможни. Это происходитъ при всѣхъ подозрительныхъ случаяхъ, особенно, когда подозрѣвается литература порнографическаго характера. Выборъ брошюръ былъ сдѣланъ начальникомъ таможни, г. Сеттомъ, который отчасти передалъ ихъ полиціи лично. Переводъ былъ сдѣланъ русскимъ консульствомъ. Рѣчь шла лишь о приблизительномъ изложеніи содержанія. — Либкнехтъ: Извѣстно ли Вамъ, что изложеніе содержанія, полученное Вами отъ русскаго консульства, въ прессѣ и въ рейхстагѣ квалифицировалось, какъ сознательная ложь? — Пр. Этого вопроса я не могу допустить. Свидѣтель, вѣдь, можетъ знать объ этомъ лишь изъ газетъ. — Первый прокуроръ, г. Шитце: Дѣло шло исключительно объ освѣдомленіи о томъ, нужно ли начать дѣло. При необходимой скорости ошибка является вполнѣ возможной. — Либкнехтъ:

Дѣло шло, вѣдь, о документахъ, на основаніи которыхъ люди должны были быть на мѣсяцы брошены въ тюрьму. Въ такомъ дѣлѣ нельзя быть настолько поспѣшнымъ.

Свидѣтель издатель и депутатъ рейхстага Дитцъ: Русскіе соціалдемократы просили меня взять на себя изданіе соціалдемократическаго журнала „Заря“. Я согласился, ибо редакторъ, мой пріятель Плехановъ, котораго я давно знаю, какъ разсудительнаго и спокойнаго человѣка, вполнѣ принимающаго программу германской соціалдемократіи, пользовался моимъ полнымъ довѣріемъ. Журналъ выдержалъ только четыре нумера. Вѣроятно, благодаря „Зарѣ“, я сталъ извѣстенъ русскимъ писателямъ. Послѣ этого множество русскихъ писателей обращалось ко мнѣ съ просьбой издавать ихъ сочиненія, между прочимъ и писатель либеральнаго направленія, г. Струве. Я хотѣлъ отказать ему въ его просьбѣ, ибо издаю почти исключительно соціалдемократическую литературу. Однако, я согласился издавать „Освобожденіе“, такъ какъ Струве сообщилъ мнѣ, что либеральныя издательства отказали ему. Ради изданія „Освобожденія“ и примыкающей къ нему литературы мнѣ пришлось устроить особое русское отдѣленіе. Моему служащему Ценнеру я нѣсколько разъ подчеркивалъ, чтобы онъ безъ моего предварительнаго просмотра (г. Дитцъ знакомъ съ русскимъ языкомъ. Будучи наборщикомъ онъ, говорятъ, былъ въ Россіи, гдѣ набиралъ, между прочимъ, Русское Слово. Кат.) ничего не принималъ на складъ и не пускалъ въ продажу. Въ августѣ 1903 мы безъ всякаго съ нашей стороны запроса получили 20 экземпляровъ бурцевской брошюры.

Я просмотрѣлъ ее и увидѣлъ, что содержаніе ея нѣкоторымъ образомъ нелѣпо и безсмысленно. Брошюра была отложена въ сторону и потомъ уничтожена.

На вопросъ защитника Гаазе свидѣтель заявляетъ: въ спеціальномъ органѣ книгопродавцевъ „Buchhändler-Börsenblatt“ часто появляются списки книгъ, отчасти или совсѣмъ запрещенныхъ русской цензурой. Въ этихъ спискахъ заключаются всѣ (?) политическія и большинство историческихъ сочиненій. Книгопродавцы принуждены прибѣгать въ этомъ случаѣ къ контрабандѣ.

Среди т. н. революціонныхъ изданій, печатаемыхъ въ Англіи, находятся также сочиненія Кропоткина и Толстого. Бурцевъ и Надеждинъ не имѣли за собою никакой партіи. Ихъ инкриминированныя здѣсь сочиненія представляютъ собою полнѣйшую глупость и могутъ быть объяснены лишь съ патологической (?) точки зрѣнія. Впрочемъ, и тотъ и другой написали также нѣсколько хорошихъ произведеній. Между прочимъ Бурцевъ сидѣлъ $1^1/_2$ года въ англійской тюрьмѣ*). Въ теченіе этого времени журналъ его не выходилъ, что, въ свою очередь, доказываетъ, что у него нѣтъ никакой партіи. Съ покушеніями послѣднихъ лѣтъ онъ ничего общаго не имѣетъ, ибо всѣ они являются актами отдѣльныхъ лицъ (Русскій читатель знаетъ, что это не совсѣмъ точно. Кат.).

На вопросъ защитника Гейнемана Дитцъ замѣчаетъ: редактируемая Плехановымъ „Искра“ (Искра редактируется не однимъ Плехановымъ, а

---

*) За изданіе 3-хъ №№ „Народовольца“. Кат.

цѣлой коллегіей, куда входятъ еще гг. Аксельродъ, Засуличъ, Старовѣръ и Мартовъ. Кат.) стоитъ на точкѣ зрѣнія германской соціалдемократіи. Противъ террористовъ она ведетъ рѣзкую борьбу.

Четвертый день.

Продолжается допросъ свидѣтелей. Изъ цѣлаго ряда свидѣтельскихъ показаній, мы регистрируемъ здѣсь лишь показаніе свидѣтеля бывшаго владѣльца типографіи г. Воска, въ которомъ онъ свидѣтельствуетъ, что ежегодно черезъ русскую границу провозится около 20000 (двадцати тысячъ) литовскихъ молитвенниковъ. Почему? Потому, что русское правительство предписываетъ пользоваться лишь русскимъ алфавитомъ, а населеніе не желаетъ подчиниться этому предписанію.

Комиссаръ Выненъ приглашенъ для того, чтобы показать объ отношеніяхъ между соціалистами-революціонерами и соціалдемократами и ихъ связей съ заграницей. Выненъ разсказываетъ: Въ Россіи революціонная пропаганда можетъ быть ведена главнымъ образомъ путемъ печати. Такъ какъ, однако, изданіе революціонныхъ сочиненій въ Россіи наказуемо и строго преслѣдуется властями, то большая часть нужныхъ для агитаціи сочиненій провозится контрабаднымъ путемъ изъза границы. Главными центрами для изготовленія революціонныхъ произведеній печати являются Лондонъ, Женева, Парижъ и Нью-Іоркъ. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ и въ соотвѣтственныхъ странахъ находятся русскіе революціонеры, поста-

вившіе себѣ задачей печатаніе и транспортъ революціонныхъ сочиненій на родину.

Въ Лондонѣ находится союзъ подъ названіемъ „Comitee-Russian-Press-Found", спеціальная цѣль котораго печатаніе и транспортировка въ Россію революціонныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ. Во главѣ этого союза находится г. Ф. Волховской. Органомъ этого союза является журналъ „Free Russia".

Другой соціалистической организаціей, имѣющей цѣлью просвѣщеніе россійскаго пролетаріата, является находящійся въ Лондонѣ „Заграничный союзъ польской соціалдемократіи", въ большомъ количествѣ ввозящій въ Россію свой органъ „Przedswit". Издателемъ этого журнала является Іосифъ Каніовскій, 67 Colworth Road Leytenstone N. E. London.

Для еврейскихъ революціонныхъ элементовъ, которыхъ въ Россіи особенно много, предназначенъ выходящій въ Лондонѣ на т. н. жаргонѣ журналъ „Arbeiterstimme" (Рабочій Голосъ) и „Послѣднія Извѣстія", издателемъ которыхъ является А. Натанзонъ: 17 Monten Road Forest Hill S. E. London.*) У него же выходитъ и „Glos Robotniczy", органъ соціалдемократической партіи Польши и Литвы.

Для распространенія среди латышскихъ соціалдемократовъ предназначается выходящій въ Лондонѣ латышскій органъ „Latweschu Stradneeks", издателями котораго являются Ф. Весманъ, Ф. Ро-

*) Къ тому времени, когда показывалъ Выненъ, издательство Бунда, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, уже переѣхало въ Женеву, гдѣ находится и теперь. Кат.

зинъ, жившіе въ 1899 по 43 Girdlestone Road Highgate N.

Рядомъ съ этими довольно правильно появляющимися органами въ Лондонѣ печатается множество прокламацій и брошюръ для русскаго революціоннаго движенія. Нужно при этомъ замѣтить, что часто русскія революціонныя изданія носятъ ложную помѣтку „Лондонъ“ для того, чтобы затруднить наблюденіе за ними властей.*)

Послѣ Лондона большую роль въ снабженіи русскаго пролетаріата партійной литературой играетъ Швейцарія, главнымъ образомъ Женева. Составленіемъ и распространеніемъ выходящихъ въ Швейцаріи изданій, какъ напр., „Искра“, „Революціонная Россія“, „Красное знамя“ (это изданіе теперь не выходитъ. Всего вышло 3 №№ Кат.), „Студентъ“ (и это изданіе, повидимому, прекращено. До сихъ поръ вышло 3 №№ Кат.), „Хлѣбъ и Воля“ (органъ заграничныхъ анархистовъ. Кат.) и „Народоволецъ“ (не выходитъ. Кат.) занимаются преимущественно Плехановъ, Засуличъ, Блуменфельдъ, Бурцевъ и Краковъ**). Послѣдніе два суть

*) Поскольку намъ извѣстна нелегальная литература, показаніе Вынена въ этомъ пунктѣ не точно. Русскіе революціонеры лишь въ рѣдкихъ случаяхъ даютъ невѣрныя указанія относительно мѣста изданія. Главнымъ образомъ въ этомъ повинны гг. мародеры революціонной литературы, главное гнѣздо которыхъ находится, кажется, въ Берлинѣ. Кат.

**) Намъ, конечно, не нужно пояснять русскому читателю, что изданіемъ „Революц. Россіи“, „Хлѣба и Воли“ и т. д. Плехановъ, Засуличъ и Блуменфельдъ заниматься не могутъ. Какъ видно, комиссару Вынену неизвѣстно ни одно лицо, имѣющее какое-либо отношеніе къ издательствамъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и анархистовъ. Кат.

издатели „Народовольца“ и недавно были высланы союзнымъ совѣтомъ изъ Швейцаріи за напечатаніе и распространеніе въ Женевѣ сочиненій, въ которыхъ революціонеры призываются къ убіенію царя и высшихъ чиновниковъ и въ которыхъ даны совѣты о томъ, какъ это совершить.

Въ Парижѣ, находится „Societé nouvelle de Librairie et d'Edition“, на rue Cujas 17, которое вмѣстѣ съ типографіями „Libertaire“ rue d'Orsel 15, и „Temps nouveaux“, rue Broca 4, занимается издательствомъ и транспортировкой печатныхъ произведеній въ Россію.

Въ Америкѣ русско-еврейскіе рабочіе, главнымъ образомъ группа „Arbeiterstimme“, руководителями которой являются д-ръ Болотаревъ, д-ръ Гинсбургъ и Яновскій, издаютъ и транспортируютъ въ Россію партійную литературу.

Относительно организаціи транспортировки литературы Выненъ говоритъ слѣдующее: Для контрабандной перевозки литературы служатъ склады въ Германіи, устраиваемые при редакціяхъ соціалдемократическихъ органовъ, у соціалдемократическихъ довѣренныхъ лицъ, у экспедитора Шаренберга въ Шарлоттенбургѣ, затѣмъ у шарлоттенбургскихъ соціалдемократовъ: Эренфорта, Вебера и Бухгольца. Существуетъ предположеніе, что для выполненія этой задачи служитъ спеціальная группа транспортеровъ. Во всѣхъ важныхъ пунктахъ находятся лица, проживающія подъ чужимъ именемъ, которыя поддерживаютъ связи съ нѣмецкими соціалдемократами. У этихъ постоянныхъ жителей даннаго пункта время отъ время появляются какія-то личности, эмиссары, привозящіе съ собою особо важныя произведенія

или пріѣзжающіе съ спеціальными порученіями. Эти эмиссары получаютъ возможность прожить въ данномъ мѣстѣ болѣе или менѣе долгій срокъ безъ всякой прописки. Какъ обнаружилось въ дѣлѣ Щеколдина и Красикова, германскіе соціалдемократы играютъ въ этой организаціи важную роль. Въ различныхъ случаяхъ обнаружилось также, что русскіе имѣютъ очень оживленныя сношенія со служащими Vorwärts'а. У Попова alias Щеколдина нашли корреспонденцію, адресованную на имя Петцеля (служащаго при Vorwärts'ѣ), на которой въ качествѣ отправителя былъ указанъ Аксельродъ. У Красикова была найдена таблица съ цѣлымъ рядомъ именъ лицъ, живущихъ въ пограничныхъ мѣстахъ. Во время обыска Красиковъ бросилъ эту таблицу въ ведро съ водою, вслѣдствіе чего большую часть именъ нельзя было потомъ прочесть. Среди этихъ адресовъ находился также и адресъ Мертинса.

Свидѣтель — русск. генеральный консулъ статскій совѣтникъ г. Выводцевъ разсказываетъ, что однажды онъ получилъ отъ полиціи болѣе 25 брошюръ съ просьбой немедленно ихъ просмотрѣть. Отъ перевода послѣднихъ онъ категорически отказался и на все это дѣло взглянулъ, какъ на простую любезность по отношенію къ полиціи. Въ брошюрѣ „Возрожденіе революціонизма“ онъ наткнулся на сомнительныя мѣста и сообщилъ ихъ.

Либкнехтъ: Гдѣ находится указанная Вами на 37 стр. фраза: „Объединенные въ центральный комитетъ (Die Vereinigung der Socialisten-Revolutionäre in ein Zentrales Komitee) соціалисты-революціонеры должны пропагандировать среди рус-

скихъ революцію, посредствомъ террора они должны произвести переворотъ и вынести смертный приговоръ всѣмъ лицамъ,осужденнымъ комитетомъ".

Свид. ст. сов. Выводцевъ не можетъ найти этой фразы.

Либкнехтъ: Во всей брошюрѣ нѣтъ такой фразы. Гдѣ находится мѣсто, въ которомъ говорится: „Ничто не можетъ избавить тронъ Николая II отъ той судьбы, которая постигла Александра II; кровавое дѣло должно совершиться и ничто не спасетъ его отъ ярости народа"? Какъ показываетъ экспертъ, о Николаѣ II здѣсь вообще нѣтъ рѣчи, дѣло идетъ исключительно объ абсолютизмѣ. — Свид. Я никогда не утверждалъ, что представилъ переводъ. Я далъ лишь бѣглое изложеніе. — Либкнехтъ: Странно, однако, что „въ поспѣшности" Вы не только не пропустили ни одного кровожаднаго выраженія, но еще повсюду прибавили фразы, отъ которыхъ вѣетъ кровью. Согласитесь, что это довольно односторонняя поспѣшность. — Выводцевъ: Я отрицаю это. — Либкнехтъ: Были ли Вы раньше знакомы съ брошюрами Бурцева? — Выводцевъ: Нѣтъ. — Либкнехтъ: Имѣли ли Вы по поводу этого дѣла сношенія съ русской полиціей? — Свид. *(возмущено)*: Я, вѣдь, состою консуломъ въ Германіи! — Либкнехтъ: Отвѣчайте, пожалуйста, на вопросъ, да или нѣтъ! — Выв. По этому поводу нѣтъ. — Либкнехтъ: А по другимъ поводамъ того же характера? — Выв. Отказываюсь отвѣчать на этотъ вопросъ! Прокуроръ Шитце: Вѣрно ли я Васъ понялъ, г. защитникъ, что Вы говорили объ односторонней поспѣшности? — Либкнехтъ: Я рѣшительно настаиваю на этомъ упрекѣ. Искаженный переводъ далъ

поводъ имперскому канцлеру, министрамъ Шенштедту и Гаммерштейну, къ самымъ тяжкимъ обвиненіямъ противъ соціалдемократовъ. — Предсѣдатель *(перебивая)*: Рѣшающими моментами въ этомъ дѣлѣ являются совершенно другія сочиненія. — Либкнехтъ. Въ общественномъ мнѣніи и въ парламентѣ главную роль играли именно эти мѣста. — Предсѣдатель. Это не наше дѣло. Я думаю, дѣло исчерпывается тѣмъ обстоятельствомъ, что свидѣтель имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь короткое время для просмотра и не имѣлъ намѣренія тщательно просмотрѣть брошюры. — Защ. Шварцъ: Меня удивляетъ, однако, что свидѣтель, обладая столь малымъ временемъ, нашелъ, однако, возможнымъ прибавить слова. — Предс. *(раздраженно и рѣзко)*: Я протестую противъ этой инсинуаціи. Не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы свидѣтель преднамѣренно прибавилъ что-нибудь. — Шварцъ: Я этого не говорилъ. — Предс. Но таковъ былъ смыслъ Вашихъ словъ.

Приватъ-доцентъ д-ръ П. Ростъ сообщаетъ общія свѣдѣнія относительно русскаго революціоннаго движенія: Большинство революціонныхъ изданій—соціалдемократическаго направленія и стоитъ на почвѣ эрфуртской программы; вслѣдствіе русскихъ условій движеніе имѣетъ, однако, нѣсколько болѣе революціонный характеръ.

Если не считать нѣсколькихъ отдѣльныхъ маленькихъ группъ, то мы будемъ имѣть дѣло лишь съ двумя главными теченіями, — одно изъ нихъ, т. н. искровское, органомъ котораго является „Искра“ „Красное знамя“ (?) и главными представителями котораго являются г. г. Аксельродъ и Пле-

хановъ. Вторая организація называетъ себя партіей соціалистовъ - революціонистовъ и издаетъ органъ „Революціонная Россія“. Обѣ организаціи отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что искровцы хотятъ быть исключительно рабочей партіей, въ то время какъ соціалисты-революціонеры желаютъ привлечь къ себѣ и другіе слои, особенно крестьянство. Искровцы относятся къ террору вполнѣ отрицательно и ожидаютъ перемѣны лишь отъ будущаго(?). Соціалисты-революціонеры признаютъ условный терроръ, но желаютъ, чтобы руководство имъ находилось въ рукахъ партіи. Для этой цѣли основана „боевая организація“, которая имѣетъ на своей совѣсти цѣлый рядъ убійствъ, какъ напр., убійство министра внутр. дѣлъ Сипягина.

Въ послѣднее время Бурцевъ и Краковъ дѣлали попытки вызвать къ жизни чисто революціонную партію „Народной Воли“ (въ текстѣ: Volksbeglücker. Кат.). Это направленіе совершенно было заглохло, пока въ 1897 году (1894?) Николай II не объявилъ, что онъ ни на волосъ не отступитъ отъ той позиціи, которую занимали его предшественники. Съ тѣхъ поръ въ органахъ партіи (?) констатируется фактъ роста движенія. Среди конфискованной литературы сочиненій этого направленія было найдено очень немного.

Либкнехтъ возражаетъ эксперту и указываетъ, что Балмашевъ дѣйствовалъ на собственный страхъ. Краковъ и Бурцевъ, а также недавно умершій Надеждинъ*) стояли совершенно одиноко.

---

*) Распространившійся было слухъ о смерти г. Надеждина оказался невѣрнымъ. Г. Надеждинъ живъ и

— Либкнехтъ: Транспортируютъ ли различныя группы изданія другихъ направленій? Работаютъ ли онѣ вмѣстѣ? Экспертъ Ростъ: Это имѣло мѣсто въ одномъ случаѣ. Одинъ майскій листокъ имѣетъ сверху надпись: „Партія соціалистовъ-революціонеровъ и соціалдемократовъ“. — Либкнехтъ: Это, вѣдь, очень неясно. Находятся ли имена подъ этимъ воззваніемъ? — Ростъ: Нѣтъ! — Либкнехтъ: Листокъ былъ напечатанъ въ типографіи соціалистовъ-революціонеровъ и составляетъ приложеніе къ „Революціонной Россіи“. Очевидно, что этотъ листокъ ничего общаго не имѣетъ съ Россійской соціалдемократической Рабочей Партіей.

Литовская и латышская литература.

Переводчикъ для литовскаго и латышскаго языка проф. Беценбергеръ получилъ для перевода 4 произведенія печати. Два изъ нихъ, по его мнѣнію, совершенно невиннаго характера, остальныя же написаны „страстнымъ языкомъ“. Защита не находитъ нужнымъ прочитывать эти произведенія, ибо они не носятъ террористическаго характера. Проф. Беценбергеръ возражаетъ и приводитъ слѣдующія питаты изъ одного сочиненія:*) „Но наша буржуазія продолжаетъ идти по тому же пути. Никогда еще она не была проникнута такимъ рабьимъ чувствомъ, какъ въ настоящее время. Во время празднествъ по поводу годовщины своихъ ферейновъ они пьютъ шампан-

---

недавно началъ вновь издавать органъ подъ названіемъ: „На родной сторонѣ“. Кат.

*) „Posts unkasazene Ratijâ.“

ское съ тѣми же жандармами, которые преслѣдуютъ латышскую будущность, латышскаго рабочаго и латышскій прогрессъ.“

„Когда пуля настигла того, кто не мало бѣдъ причинилъ латышскимъ рабочимъ, по слову котораго множество латышей было брошено въ тюрьму, тогда пресса латышской буржуазіи проливала жалостливыя слезы и обдавала грязью самоотверженнаго героя, пуля котораго вынесла справедливый приговоръ. Латышская буржуазія, совмѣстно съ литовскимъ жандармомъ возложила вѣнокъ на могилу Сипягина. Стыдъ и отвращеніе охватываютъ всякаго латыша, видѣвшаго все это.“

„Пушки, ружейныя пули и нагайки — вотъ то тріединство, на которое опирается русское правительство.“

„Россія торжествуетъ (?). Куда не глянешь, всюду господствуетъ тиранія. Жизнь бьется въ груди и взываетъ къ свободѣ, но ложь и клевета снова сковываютъ ее. Удивительно ли послѣ этого, что человѣкъ при такихъ условіяхъ обращается къ орудію насилія? Годъ тому назадъ пуля лишила жизни одного изъ тѣхъ россійскихъ негодяевъ, который и на насъ, латышей, насылалъ палачей. Министръ россійскихъ жандармовъ и городовыхъ былъ убитъ за все то, что онъ сдѣлалъ противъ угнетеннаго народа . . .“

„Нашимъ кличемъ является: Долой полицейскій тронъ. Долой блестящихъ тунеядцевъ, загоняющихъ насъ въ казармы для того, чтобы насъ тамъ учили, какъ убивать своихъ братьевъ! . . . .“

„Что для насъ престолъ? Престолъ въ нашей жизни — это кулакъ городового, это брань пристава, клоповникъ тюрьмы. Именемъ престола

поглощаются наши горькимъ трудомъ заработанные гроши; по царскому приказу казаки гоняютъ насъ туда и сюда. Царское правительство — это нашъ позоръ . . .“

Профессоръ Беценбергеръ приводитъ еще цѣлый рядъ подобныхъ выдержекъ, которые, по его мнѣнію, должны показать террористическій характеръ латышскаго движенія. Либкнехтъ, однако, находитъ, что такъ какъ данное произведеніе опирается на комунистическій манифестъ Маркса и Энгельса, то, слѣдовательно, оно должно быть антитеррористическимъ. По его мнѣнію, тенденція литературы, о которой здѣсь идетъ рѣчь, ясно видна изъ слѣдующей фразы: „хотя и въ Германіи еще находится государь, однако же властъ его ограничена парламентомъ. Такого института желаетъ также и вдумчивая часть русскаго народа, русскіе революціонеры, бунтовщики.“

Переводчикъ приватъ-доцентъ д-ръ Баллодъ-Берлинъ въ своей экспертизѣ различаетъ двѣ группы: научную, марксистко-соціалдемократическую, стоящую на почвѣ эрфуртской программы, и „Соціалистическую библіотеку“. Лишь мимоходомъ встрѣчается здѣсь — въ брошюрѣ „Куда идутъ наши деньги?“ — фраза въ родѣ слѣдующей: Николай Романовъ слабый, болѣзненный человѣкъ, слабоумный и малосмысленный; онъ не понимаетъ, что онъ игрушка въ рукахъ своихъ министровъ“.

Гораздо рѣзче представляется журналъ „Sozialdemokrats“. Сперва онъ появлялся въ Лондонѣ (съ 1900 г.) и нерегулярно. Съ 1903 онъ выходитъ ежемѣсячно въ Бернѣ. Послѣдній изъ найденныхъ нумеровъ вышелъ въ ноябрѣ 1903 г.

Кромѣ теоретическихъ вопросовъ соціализма, журналъ занимается злобою дня, содержитъ отчеты о положеніи балтійскихъ фабрикъ и заводовъ, о стачкахъ, безпорядкахъ, политическихъ демонстраціяхъ и высказывается относительно русскихъ революціонныхъ теченій. Прямого призыва къ цареубійству или убіенію высшихъ государственныхъ дѣятелей въ журналѣ найти нельзя. За то почти въ каждомъ нумерѣ встрѣчаются оскорбленія русскаго царя и указанія на энергичную соціалистическую агитацію, стачки и демонстраціи, какъ на средства къ увеличенію силы рабочаго класса. Конечною цѣлью является революція, достиженіе конституціи на возможно болѣе демократической основѣ (со всеобщимъ избирательнымъ правомъ).

Въ №№ 8, 9 и 10 (Августъ—Ноябрь 1902) содержится полемика о терроръ.

Въ № 8 поведеніе харьковскаго губернатора Оболенскаго, высѣкшаго возставшихъ крестьянъ, охарактеризовано какъ безчеловѣчное, но въ то же время осуждается покушеніе на Оболенскаго, совершенное членомъ „боевой организаціи“ Качурой, такъ какъ соціалдемократическое движеніе страдаетъ отъ покушеній. Покушенія Карповича, Балмашева, Леккерта вполнѣ понятны, какъ акты отчаянія отдѣльныхъ личностей противъ угнетателей, и нельзя отказать имъ въ нашемъ уваженіи, но, какъ боевое средство, терроръ не годится. Нужно стремиться, наоборотъ, къ просвѣщенію массъ, къ организаціи.

Въ № 10 той же газеты какой-то авторъ письма въ редакцію обращается противъ вышеуказаннаго, по его мнѣнію, черезчуръ рѣзкаго осужденія покушеній. Въ римской и греческой

исторіи можно встрѣтить, что убійцы чествовались, какъ герои. Въ Россіи возникновеніе террористическаго движенія въ 80-хъ (70-хъ?) гг. исторически обосновано. Русское правительство такъ жестоко преслѣдовало русскую интеллигенцію, посвятившую себя соціалистической агитаціи, что послѣдняя въ концѣ концовъ оказалась вынужденной прибѣгнуть къ репрессаліямъ, и произвела цѣлый рядъ покушеній, кончившихся убійствомъ Александра II. Въ настоящее время, однако, совершенно справедливо, что терроръ не является подходящимъ средствомъ для низверженія абсолютизма. Но лица, совершившія покушенія, все же заслуживаютъ того, чтобы ихъ признали героями и не осуждали рѣзко. Несправедливо также и то, что дѣятельность террористовъ вредитъ росту соціалдемократіи. Когда убили Сипягина, то, объ этомъ толковали во всѣхъ прибалтійскихъ губерніяхъ, рабочіе стали вдумываться въ положеніе вещей и въ концѣ концовъ въ большомъ количествѣ вступили въ соціалдемократическую организацію. Покушеніе Леккерта противъ Валя дало поводъ еврейскому „Бунду“ распространить много тысячъ прокламацій, въ которыхъ были обрисованы насилія г. Валя и изложены цѣли соціалдемократіи. Въ концѣ концовъ терроризмъ является неизбѣжнымъ историческимъ явленіемъ. На совѣсти Валей, Оболенскихъ и другихъ лежатъ тысячи убійствъ и было бы странно, еслибы не нашелся мститель за всѣ эти позорныя дѣянія. Совсѣмъ другое дѣло, когда въ Бельгіи соціалистъ Вандервельде рѣзко высказался противъ покушеній на бельгійскаго короля. Въ Бельгіи человѣческая жизнь не топчется ногами, какъ въ Россіи. Пишущій ничуть не желаетъ осно-

ванія террористическихъ боевыхъ организацій, но, по его мнѣнію, нельзя усмотрѣть ничего дурного въ томъ, что существуетъ россійская „боевая организація.“ — Защ. Гаазе: Но въ томъ же нумерѣ находится резолюція южнорусской группы, которая требуетъ самой рѣзкой борьбы противъ терроризма. — Д-ръ Баллодъ: Да, хотя эта резолюція прямого отношенія къ этой статьѣ не имѣетъ. На послѣднюю отвѣчаетъ редакція лишь въ слѣдующемъ нумерѣ. — Гаазе: Но напечатаніе резолюціи показывало уже въ томъ же нумерѣ мнѣніе редакціи.

Резолюція переводится и прочитывается. Она гласитъ: „Россійск. Соц.-Дем. Раб. партія, признавая единственнымъ средствомъ ниспроверженія существующаго въ Россіи политическаго строя революціонную борьбу массъ, тѣмъ самымъ исключаетъ изъ своей программы - тактики терроръ, какъ средство борьбы. Не устраненіе того или иного прдставителя власти, не запугиваніе правительства является въ ея глазахъ средствомъ осуществленія ея политической задачи, но противопоставленіе силѣ правительства другой силы, болѣе грозной и могучей, силы сознательныхъ революціонныхъ массъ и общественныхъ слоевъ. Нигдѣ въ Зап. Европѣ терроръ не сыгралъ роли средства осуществленія государственнаго переворота. Поэтому, въ самомъ появленіи террора въ программахъ русскихъ революціонеровъ группа видитъ признакъ слабости и невольное признаніе неподготовленности почвы для политическаго переворота. Если масса и общество подготовлены условіями историческаго развитія къ выполненію ихъ исторической миссіи, если они доросли до пониманія необходимости для

нихъ политической свободы, то они ее завоюютъ, если же они не въ состояніи оправдать возлагаемыхъ на нихъ надеждъ, то никакіе террористическіе акты не могутъ помочь дѣлу революціи. Удачный выстрѣлъ можетъ напугать малодушнаго самодержца, но не самодержавіе, которое опирается на силу, слишкомъ серьезную, чтобы его можно было вспугнуть бомбами. Сила эта кроется, главнымъ образомъ, въ опредѣленномъ складѣ сознанія массъ. Преобразовать это сознаніе въ его противоположность, превратить вѣрноподданныхъ въ враговъ самодержавія — вотъ средство борьбы съ нимъ.

„Но отрицая за терроромъ значеніе средства непосредственной борьбы, мы тѣмъ самымъ его вовсе исключаемъ изъ программы-тактики, такъ какъ побочной роли въ дѣятельности какой-бы то ни было партіи онъ играть не можетъ. Терроръ — слишкомъ чрезвычайное средство; онъ, какъ признаютъ сами сторонники его, „противенъ человѣческой природѣ“ (см. рѣчи Желябова, Балмашева, прокламацію „боевой организаціи отъ 3-го апрѣля 1902 г.) и, поэтому, примѣненіе его можетъ быть оправдано лишь крайней необходимостью, безвыходностью и отсутствіемъ какихъ-либо другихъ мѣръ, а это исключаетъ возможность введенія террора въ программу, какъ побочнаго, второстепеннаго средства (эксцитативнаго, воспитательнаго и пр.) Кромѣ того, по самой своей сущности, терроръ долженъ дезорганизовать всякую партію. Доступный лишь незначительному меньшинству избранниковъ, онъ принижаетъ дѣятельность всѣхъ остальныхъ революціонеровъ, такъ какъ въ сравненіи съ геройской, смѣлой и само-

отверженной борьбой террориста, происходящей у всѣхъ на виду, всякая иная революціонная дѣятельность представляется жалкой, мелкой и ничтожной. Это приводитъ къ тому, что лучшія силы уходятъ въ эту бездонную пропасть, а всѣ остальные виды революціонной работы, гораздо болѣе важные и необходимые, постепенно падаютъ, глохнутъ и исчезаютъ. Вниманіе всѣхъ всегда сосредоточивается на кучкѣ борцовъ, водворяется атмосфера фантастическихъ мечтаній, подрывающая энергію работниковъ повседневной, упорной и самой главной революціонной работы. Послѣ сказаннаго группа считаетъ лишнимъ критиковать пригодность террора для тѣхъ побочныхъ цѣлей, для которыхъ онъ рекомендуется.

„Но терроръ защищается еще, какъ естественная реакція противъ приниженія человѣческаго достоинства, приниженія, съ которымъ революціонеру приходится встрѣчаться особенно часто въ послѣдніе годы. По мнѣнію группы, въ такой постановкоѣ вопроса кроется глубое недоразумѣніе. Революціонеръ, прежде всего человѣкъ и на униженіе своего достоинства и достоинства близкихъ ему лицъ отвѣчаетъ, какъ всякой человѣкъ, т. е. согласно степени сознанія своего достоинства, темпераменту и условіямъ момента. На истязанія Сигиды карійцы отвѣчаютъ самоубійствомъ, на наказаніе розгами Боголюбова В. Засуличъ отвѣчаетъ выстрѣломъ. Могутъ быть самыя разнообразныя формы отвѣта, никакая партія не можетъ вносить въ свою программу пунктъ, обязывающій отвѣчать именно на всякое частное проявленіе насилія опредѣленнымъ образомъ, никакая „организація“ (будь это „боевая орган.“ или „исполн.

ком.“) не можетъ взять на себя исключительную роль мстителя за попранную личность революціонера. Здѣсь, скажемъ, раздѣленіе труда и предварительный уговоръ противны человѣческой природѣ; здѣсь мы находимся исключительно въ области аффекта, не допускающаго никакой регламентаціи.

„Въ виду всѣхъ приведенныхъ соображеній, группа рѣзко и категорически высказывается противъ террора, признаетъ вредными всякія попытки къ возрожденію его и призываетъ организацію „Искры“ и „Зари“ и всѣ прочія соц.-дем. организаціи открыто высказаться противъ террора и всѣми возможными средствами бороться противъ него...“

Въ 11 № редакція отвѣчаетъ на „письмо въ редакцію“ въ замѣткѣ подъ заглавіемъ: „терроръ и соціалдемократическая борьба“. „Боевая организація“ позволила себѣ отвратительную рекламу, назвавъ Балмашева заднимъ числомъ (?), послѣ удачнаго покушенія на Сипягина, своимъ членомъ. Ни Балмашева ни Карповича нельзя назвать террористами въ собственномъ смыслѣ этого слова. Они явились мстителями за насилія самодержавія, пожертвовавъ для этого своей собственной жизнью. Необходимо стремиться къ расширенію и укрѣпленію соціалдемократической организаціи для того, чтобы такія жертвы стали излишними. Противъ „боевой организаціи“ нужно вести систематическую пропаганду. Прообразомъ нашей тактики должна служить тактика герм. соц.-дем. во время дѣйствія исключительнаго закона о соціалистахъ. Утвержденіе, что покушенія давали соціалдемократіи случай распространять прокламаціи, является для соціалдемократіи тяжкимъ обвиненіемъ. Не поку-

шенія, а жестокость, съ которою Валь и Оболенскій обращались съ демонстрантами, послужили поводомъ къ распространенію прокламацій. Утвержденія террористовъ, что мирныя демонстраціи, стачки и распространеніе соціалдемократической литературы никакой пользы не приносятъ и что необходимо нагнать страху на правительство, являются ничѣмъ не обоснованными. Необходимо внѣдрить въ сознаніе массы, что нельзя надѣяться на геройскіе поступки отдѣльныхъ лицъ и что исключительно массовое соціалдемократическое движеніе можетъ принудить правительство къ уступкамъ. Россія уже объята революціей. Всюду нужно вести систематическую агитацію, особенно въ войскахъ. Когда массы повсюду будутъ организованы, тогда и борьба придетъ къ концу, тогда вопросъ о томъ, что сдѣлать съ царемъ, „повѣсить-ли его, или сослать въ Сибирь или допустить спокойно отправиться въ Англію открывать тамъ въ Уайтчепелѣ селедочную лавку“ будетъ неважнымъ побочнымъ вопросомъ.

Такимъ же неважнымъ вопросомъ является и то, будетъ-ли все войско на нашей сторонѣ или нѣсколько полковъ до послѣдняго дня будетъ стоять за нагайку, крестъ и Романовыхъ. Во всякомъ случаѣ мы приложимъ всѣ силы къ тому, чтобы пролить по возможности меньше крови. Партія ни въ коемъ случаѣ не должна одобрять терроръ“.

Предсѣдатель *(резюмируя дискуссію о терроръ)*: Всякій, значитъ, можетъ взять то, чего ему хочется. *(Большое движеніе среди защитниковъ и на скамьѣ подсудимыхъ)*.

Д-ръ Баллодъ: Въ № 15 „Sozialdemokrats'a“ рекомендуются массовыя демонстраціи. Не слѣдуетъ,

однако, стрѣлять въ солдатъ. Можно допустить еще палки, чтобы проучить „наглаго полицейскаго“, если тотъ первый начнетъ нападеніе. При современномъ состояніи техники противъ войска ничего не подѣлаешь; необходимо поэтому революціонировать самихъ солдатъ.

Въ № 12 содержится проектъ программы латышской соціалдемократической рабочей партіи. Этотъ проектъ совпадаетъ съ эрфуртской программой. Раньше всего указывается, однако, что соціалдемократическая рабочая организація должна стремиться къ низверженію самодержавія и къ основанію демократической республики.

Переводчикъ нереходитъ затѣмъ къ содержащимся въ „Sozialdemokrats'ѣ оскорбленіямъ величества. Въ № 1 (августъ 1900) въ статьѣ, трактующей о занятіи Россіей Манджуріи, сказано: „европейскій комедіантъ Николай II облачился въ дурацкое платье и выполнилъ танецъ мира для того, чтобы глаза всего свѣта отвернулись отъ Портъ-Артура и обратились къ Гаагѣ. Въ то время, какъ батюшка-царь выкидывалъ со своей идеей мира глупыя штуки, слуги его занимали деньги. Для постройки новыхъ военныхъ кораблей выброшены въ воду сотни милліоновъ, добытыхъ отъ еврейскихъ банкировъ подъ залогъ 130 милліоновъ подданныхъ.

Въ № 9, статья: „слабая флейта могучаго человѣка“ начинается слѣдующими словами: „Николай, сынъ Александра Романова, не причисляется, какъ извѣстно, къ высоко-развитымъ въ моральномъ отношеніи людямъ. Есть у него всякія слабости и недостатки. На его совѣсти лежитъ даже такое большое преступленіе, какъ нарушеніе присяги.“

Либкнехтъ: Это относится къ нарушенію финской конституціи!

Баллодъ: Далѣе утверждается, что Николай является игрушкой въ рукахъ своихъ министровъ Витте и ф.-Плеве и медіума Филиппа. ф.-Плеве сталъ временщикомъ, который заставилъ царя конкуррировать съ Вильгельмомъ въ краснорѣчіи, что ему, однако, не удалось.

Въ № 12: Если бы даже на россійскомъ тронѣ сидѣлъ мужчина, а не кукла, то и тогда нельзя было бы ожидать чего-нибудь.

Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ подобныхъ же цитатъ, среди которыхъ между прочимъ, попадаются такія, гдѣ Николай II называется „палачемъ“, „вампиромъ“ и т. д. Либкнехтъ указываетъ на историческіе факты, лежащіе въ основаніи этихъ рѣзкихъ нападокъ. Абсолютный произволъ въ области судопроизвоества, потопленіе 20.000 китайцевъ въ Амурѣ при Благовѣщенскѣ и т. д. Въ концѣ защитникъ проситъ экспертовъ удостовѣрить, что въ прибалтійскихъ провинціяхъ до 1889 года всѣ гимназіи были нѣмецкими, а дерптскій университетъ оставался таковымъ даже до 1893 г. и что съ тѣхъ поръ нѣмецкій элементъ подвергается тамъ всяческимъ утѣсненіямъ.

Пятый день.

Защ. Гаазе: Вполнѣ довѣряя правильности перевода русскаго уголовнаго уложенія, сдѣланнаго посольствомъ въ Берлинѣ, защита вчера отказалась отъ всякой провѣрки его. Теперь же намъ сообщаютъ, что переводъ въ существенныхъ мѣстахъ неправиленъ *(Большое движеніе)*.

Раньше всего посольство оставило насъ въ неизвѣстности относительно того, что оскорбленіе величества предусмотрѣно инымими параграфами, въ то время какъ параграфъ, приведенный въ обвинительномъ актѣ, имѣетъ въ виду исключительно оскорбленіе дѣйствіемъ и другіе виды государственныхъ преступленій. Далѣе важно отмѣтить, что въ § 260, который трактуетъ о взаимности, опущено главное мѣсто, а именно, что взаимность должна быть гарантирована особымъ трактатомъ или „обнародованнымъ узаконеніемъ“. *(Снова сильное движеніе).*

Послѣ этого защ. Гейнеманъ болѣе подробно анализируетъ отдѣльные параграфы. По §§ 241 и 242 русскаго уложенія о наказаніяхъ „всякое злоумышленіе и преступное дѣйствіе противъ жизни, здравія или чести царя“ наказывается смертью.

Коментарій къ русскому уголовному уложенію устанавливаетъ, что здѣсь имѣются въ виду поступки дѣйствіемъ (körperliche Angriffe). § 245 предусматриваетъ оскорбленія величества посредствомъ составленія и распространенія письменныхъ или печатныхъ сочиненій или изображеній, а § 246 оскорбленія величества словами. Оба эти проступка наказываются тюремнымъ заключеніемъ и въ обѣихъ статьяхъ гарантированная въ § 260 взаимность между Германіей и Россіей не упоминается.

Послѣ этого президентъ дѣлаетъ распоряженіе перевести §§ 241, 252, 245, 246, 249 и 260.*)

Защ. Гаазе: Въ официально составленномъ 16 ноября 1903 года русскимъ императорскимъ консульствомъ въ Кенигсбергѣ переводѣ, на осно-

*) См. Приложеніе.

ваніи котораго русскій посланникъ возбудилъ преслѣдованіе, въ § 260 недостаетъ рѣшающаго мѣста: „или обнародованныхъ о томъ узаконеній“. Генеральный консулъ перевелъ слѣдующимъ образомъ: „противъ иностраннаго государства, съ которымъ на основаніи трактатовъ или какъ-нибудь иначе постановлена надлежащая въ семъ отношеніи обоюдная взаимность.“ Въ этомъ объясненіи не сказано также, что взаимность не относится къ оскорбленіямъ величества; послѣднія предусматриваются §§ 245 и 246, въ то время какъ выраженіе „противъ чести“ въ § 241 означаетъ не оскорбленіе величества, а „насиліе“ противъ него. По отношенію къ оскорбленіямъ величества взаимность такимъ образомъ не гарантирована!

Эксперты-переводчики, д-ръ Ростъ и д-ръ Баллодъ, устанавливаютъ, что указанныя слова: „или обнародованныхъ о томъ узаконеній“ находятся въ русскомъ уложеніи о наказаніяхъ и что словесныя и письменныя оскорбленія величества предусмотрѣны совершенно другими параграфами, нежели тѣ, которые указаны русскимъ консульствомъ и обвинительнымъ актомъ. *(Большое, продолжительное движеніе.)*

Шестой день.

Защ. Гаазе: Позавчерашніе дебаты относительно русскаго уголовнаго уложенія побудили защиту изучить весь отдѣлъ русскаго уложенія о наказаніяхъ, въ которомъ трактуется вопросъ о бунтѣ противъ верховной власти и оскорбленіи величества. Къ величайшему изумленію оказалось, что

существуетъ еще одинъ важный параграфъ, § 251, въ которомъ предусматривается возбужденіе къ бунту и который также не гарантируетъ никакой взаимности. И этотъ параграфъ также былъ скрытъ отъ насъ русскимъ посольствомъ.

Защ. Либкнехтъ: § 252 также важенъ. Мы вносимъ предложеніе о переводѣ обоихъ параграфовъ. — Прокуратура въ свою очередь проситъ перевести еще §§ 250 и 252. Переводчикамъ, д-ру Баллоду и д-ру Росту, поручается ихъ переводъ.

Слѣдуетъ допросъ свидѣтелей.

Защита предлагаетъ пригласить въ качествѣ свидѣтеля и эксперта профессора Михаила Андреевича Рейснера и судъ постановляетъ соотвѣтственно предложенію защиты.

Профессоръ М. Рейснеръ изучалъ право въ гейдельбергскомъ, тюбингенскомъ и мюнхенскомъ университетахъ, былъ затѣмъ профессоромъ государственнаго права въ Томскѣ. Въ настоящее время находится въ отставкѣ, 36 лѣтъ, православнаго вѣроисповѣданія.

Защ. Либкнехтъ показываетъ распространенныя въ Россіи лубочныя картины о войнѣ съ Японіей и спрашиваетъ эксперта, извѣстно ли ему, что такія отвратительныя картины, значительно болѣе жестокія, чѣмъ рисунокъ изъ Симплициссимуса, однако далеко не такія художественныя, распространяются въ Россіи съ разрѣшенія цензуры. — Проф. Рейснеръ отвѣчаетъ утвердительно. — Защ. Либкнехтъ: Извѣстно ли Вамъ, г. экспертъ, что деревенское населеніе Россіи часто считаетъ японцевъ не за людей, а за обезьянъ и

паразитовъ (Ungeziefer)? — Проф. М. Рейснеръ въ состояніи показать лишь, что японцы разсматриваются, какъ низшая человѣческая раса. Относительно русскаго уголовнаго уложенія экспертъ дѣлаетъ слѣдующія сообщенія: это лишь часть всего дѣйствующаго Свода Законовъ, громаднаго труда на историческомъ фундаментѣ (eines grossen Werkes auf historischer Grundlage), въ которомъ впослѣдствіи все устарѣвшее было изъ текста устранено и замѣнено новыми частями. Въ примѣчаніяхъ указано время совершенныхъ измѣненій. Уголовное уложеніе не представляетъ собою единаго закона, а собраніе изданныхъ въ различное время предписаній закона (Gesetzesvorschriften).

Если § 241 (статья о бунтѣ) трактуетъ о жизни, здравіи и чести царя, то подъ выраженіемъ „посягательство противъ чести“ слѣдуетъ понимать покушеніе дѣйствіемъ (tätlicher Angriff). Напротивъ въ §§ 245 и 246 (оскорбленіе величества) выраженіе „неуваженіе“ (Nichtachtung) должно распространить и на „оскорбленіе“ (Missachtung). Въ качествѣ секретаря Окружного суда свидѣтель присутствовалъ при судебныхъ процессахъ, гдѣ судьи выносили приговоры польскимъ крестьянамъ, виновнымъ въ оскорбленіи (Beschimpfung) царя, не по 241 §, по которому слѣдуетъ смертная казнь, а по §§ 245 и 246. Буквальный смыслъ русскаго уложенія о наказаніяхъ соотвѣтствуетъ этому пониманію. Еслибы онъ и противорѣчилъ, то и это ничего не доказывало бы, ибо все уложеніе образовалось изъ различныхъ кусковъ, такъ что извѣстные проступки вообще не предусмотрѣны закономъ. Вслѣдствіе этого, напр., уличныя демонстраціи наказываются, какъ оскорбленія величества.

§§ 241, 245, 246 происходятъ еще съ 1845 г.; послѣдніе же два, предусматривающіе оскорбленіе величества, были измѣнены въ 1863 и 1885 гг. Параграфъ 260 (о взаимности) возникъ лишь въ 1858 г. и требуетъ опубликованнаго въ Россіи закона или государственнаго договора. Требованіе это является для Россіи вполнѣ естественнымъ, ибо помимо уложенія о наказаніяхъ тамъ существуютъ еще тайные указы уголовнаго, административнаго и церковно-правоваго характера, изъ которыхъ до сихъ поръ лишь немногіе были опубликованы проф. Коркуновымъ, оберъ-прокуроромъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ и самимъ экспертомъ. Какъ было доказано нѣмецкой юридической наукой и подтверждено большинствомъ русскихъ юристовъ, въ абсолютныхъ государствахъ вообще, а въ Россіи въ особенности разницы между закономъ и указомъ не существуетъ. Тайнымъ административнымъ путемъ были опредѣлены наказанія — болѣе высокія чѣмъ въ опубликованныхъ законахъ, — для сектантовъ; въ послѣднее время урегулированы такимъ же образомъ религіозныя и отчасти гражданскія права прежнихъ греко-уніатовъ (griechisch unierten Christen); два года тому назадъ были высѣчены крестьянскими массами на основаніи тайныхъ указовъ. Вслѣдствіе такихъ правовыхъ условій § 260 категорически требуетъ опубликованнаго закона или государственнаго трактата. Насколько мнѣ извѣстно, не существуетъ ни того ни другого. — Прокуроръ д-ръ Каснаръ: Но вообще Вы не станете, вѣдь, отрицать, что указъ имѣетъ такую же правовую силу, что и законъ? — Защ. Либкнехтъ: Г. экспертъ! Вы знаете, что возстаніе противъ верховной власти представляетъ

собою проступокъ противъ правовыхъ благъ. Правовыя блага въ Германіи и Россіи по моему мнѣнію настолько различны, что взаимность вообще не можетъ быть гарантирована. — Предс.: Объ этомъ вѣдь, и г. экспертъ ничего не съумѣетъ сказать. — Либкнехтъ: Извѣстно ли г. профессору, что въ литературѣ часто указывается на то, что фактическая самостоятельность царя устранена бюрократіей и что правительственная власть перешла изъ его рукъ въ руки чиновничества? — Проф. Рейснеръ: Абсолютизмъ старыхъ нѣмецкихъ государствъ также подвергался, какъ извѣстно, этой опасности. Въ Германіи однако, существовало прочно установленное служебное право (Beamtenrecht), которое нѣкоторыми учеными характеризовалось какъ своего рода конституція абсолютнаго государства; фактически тамъ по крайней мѣрѣ было признано судебное право; въ Россіи же царь совершенно безсиленъ и чиновники пользуются неограниченною властью. Одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ профессоровъ государственнаго права*) говоритъ: „Сверху водворяется господство оффиціальной лжи, а внизу царитъ полнѣйшій произволъ“. Низшихъ чиновниковъ онъ называетъ „пашами“. Даже очень консервативные писатели, какъ, напр., Карамзинъ, указывали на это, какъ на послѣдствіе министерской системы. Существуютъ еще и другія особыя причины, дѣлающія царя безсильнымъ, а бюрократію всемогущей. Раньше всего это недостатокъ прочнаго служебнаго права. Чиновники могутъ быть уволены по произволу, разъ только они въ чемъ либо заподозрѣны. Это

*) Чичеринъ, Курсъ госуд. науки. Ч. 3, стр. 142.

знаменитый третій пунктъ 788 статьи третьяго тома свода законовъ. Затѣмъ, чиновники не несутъ никакой уголовной отвѣтственности, разъ только начальство не даетъ своего разрѣшенія на уголовное преслѣдованіе. Даже въ вопросахъ частнаго права ихъ отвѣтственность очень сомнительнаго свойства. И въ этомъ случаѣ они подвергаются суду, состоящему преимущественно изъ чиновничества. — Либкнехтъ: Какія основныя права гражданина существуютъ въ Россіи? — Пр. Рейснеръ: Въ Россіи не существуетъ никакой свободы вѣроисповѣданія. Такъ, напр., существуетъ запрещеніе выступать изъ господствующей церкви. Даже переходъ изъ одного терпимаго христіанскаго вѣроисповѣданія въ другое, напр., изъ протестантства въ католицизмъ, допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. За вступленіе въ такую нѣмецкую секту, какъ, напр., совершенно евангелическаго характера „Штунда“, полагается лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ Сибирь.

Если кто-либо выступаетъ изъ православной церкви, то онъ теряетъ по меньшей мѣрѣ всѣ гражданскія права, а также право на воспитаніе своихъ дѣтей. Помимо этого, какъ показываютъ послѣднія работы извѣстнаго знатока русскаго сектантства, г. Пругавина, существуютъ еще многія другія административныя мѣры. Духовныя власти могутъ каждаго подозрительнаго отправить пожизненно въ монастырскую тюрьму или съ помощью свѣтской власти сослать въ Сибирь; ибо помимо гражданскаго существуетъ еще и церковный судъ и особое церковное матеріальное уголовное право, не опредѣленное точно въ свѣтскихъ

законахъ. — Защ. Либкнехтъ: Каково положеніе русскихъ евреевъ? — Проф. Рейснеръ: Они не имѣютъ права жить у границы, въ деревняхъ, внѣ черты осѣдлости и на сто учащихся русскихъ можетъ быть лишь 3—5 евреевъ, имъ недоступны извѣстныя профессіи и т. д. — Либкнехтъ: А каково положеніе печати? — Проф. Рейснеръ: Министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ право разрѣшать и не разрѣшать основанія газеты; онъ имѣетъ право запретить печатаніе объявленій, розничную продажу и обсужденіе извѣстныхъ вопросовъ. Министръ народнаго просвѣщенія, министръ внутреннихъ дѣлъ, министръ юстиціи и оберъ-прокуроръ святѣйшаго Синода, когда угодно, могутъ закрыть любой органъ печати. Кромѣ того существуетъ еще церковная цензура, придворная, военная, иностранная, особая библіотечная цензура, особая цензура для народныхъ библіотекъ, такъ что нѣкоторыя книги, особенно такія, которыя предназначены для народа, должны пройти три или четыре цензуры, пока онѣ достигнутъ до читателя. Книги, разрѣшенныя для имущихъ классовъ, могутъ быть совершенно запрещены для народа. Лютеранскія и католическія религіозныя книги общаго содержанія должны получить разрѣшеніе православной цензуры. — Либкнехтъ: Какъ обстоитъ дѣло съ правомъ собраній? — Пр. Рейснеръ: Все зависитъ отъ полиціи. Она можетъ разрѣшать и запрещать по своему усмотрѣнію. — Защ. Шварцъ: Можетъ ли извѣстный законъ потерять свое значеніе благодаря тайному указу? — Пр. Рейснеръ: Административнымъ путемъ могутъ быть измѣнены даже вынесенные уже приговоры: присужденнаго къ ссылкѣ въ Си-

бирь могутъ пожизненно заключить въ шлиссельбургскую крѣпость. — Защ. Шварцъ: Можно ли смѣнять чиновниковъ судебнаго вѣдомства? — Пр. Рейснеръ: Нѣтъ, но большею частью назначаются исправляющіе должность и этихъ можно смѣнять бозъ дальнѣйшихъ околичностей. — Либкнехтъ: Допущенны ли мирныя стачки и демонстраціи? — Пр. Рейснеръ: Нѣтъ, это все строго запрещено въ Россіи. — Прокуроръ Шютце: Я слышалъ, что въ послѣднее время разрѣшаются мирныя стачки, имѣющія цѣлью только улучшенія условій труда. — Пр. Рейснеръ: Одинъ изъ крупныхъ чиновниковъ полиціи, г. Зубатовъ, сдѣдалъ попытку объединить рабочихъ, на основаніи тайнаго разрѣшенія правительства, въ рабочіе союзы. Когда же въ Одессѣ вспыхнула стачка и приняла громадныя размѣры, то Зубатовъ былъ уволенъ, а союзы были строго запрещены. — Либкнехтъ: Каково въ общемъ просвѣщеніе въ Россіи? — Предс. Извѣстно, вѣдь, что въ Россіи находится сравнительно очень мало грамотныхъ. — Пр. Рейснеръ: Да, кто безъ особаго разрѣшенія министра учитъ читать и писать, тотъ подвергается суровому наказанію. Правительство опасается злоупотребленія обученіемъ для противозаконныхъ цѣлей. При этомъ школьное дѣло обставлено очень плохо. — Либкнехтъ: Въ какомъ положеніи находится въ Россіи судъ? — Пр. Рейснеръ: Всѣ подозрительные могутъ быть административнымъ путемъ отданы подъ надзоръ полиціи и сосланы въ отдаленнѣйшія губерніи имперіи. Отданные подъ надзоръ полиціи теряютъ право перемѣнять жилище, поступать на службу, квартиры ихъ открыты днемъ и ночью для поли-

цейскихъ обысковъ, въ любой моментъ ихъ можно арестовать, по особому распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ ихъ могутъ лишить права почтовой и телеграфной корреспонденціи, врачи могутъ посѣщать больныхъ лишь съ особаго позволенія. Такія подозрительныя лица ссылаются преимущественно въ полярныя области Сибири или же въ архангельскую губернію. Кромѣ того политическіе преступники могутъ преслѣдоваться и судебнымъ порядкомъ. Въ этомъ случаѣ предварительное слѣдствіе ведется жандармскимъ офицеромъ подъ наблюденіемъ прокуратуры. Затѣмъ донесеніе идетъ въ высшую инстанцію и министръ юстиціи рѣшаетъ какъ долженъ вестись процессъ: судебнымъ или административнымъ порядкомъ. Въ процессахъ о государственныхъ преступленіяхъ образуются особыя коллегіи изъ судей, предводителя дворянства, городскаго головы и волостнаго старшины*). Съ высочайшаго разрѣшенія министръ юстиціи въ состояніи для каждаго отдѣльнаго случая установить особыя изъятія изъ общихъ формъ процесса и особую мѣру наказанія. Наконецъ вотъ уже болѣе десяти лѣтъ какъ вся Россія находится на положеніи объ усиленой охранѣ. Вслѣдствіе этого всякій обвиняемый можетъ быть преданъ губернаторомъ или генералъ-губернаторомъ военному суду. Существуетъ, такимъ образомъ, гражданскій, церковный и военный суды, а въ

*) Въ настоящее время (съ Іюня 1904 г.) дѣйствуютъ новыя правила о судопроизводствѣ по госуд. преступл., которыя опять таки принципіально допускаютъ и жандармское дознаніе и административный порядокъ наказанія. Положеніе о гласномъ надзорѣ оставлено въ полной силѣ.

нихъ въ свою очередь существуетъ обычный и административный порядки судопроизводства. Раздѣленіе между юстиціей и управленіемъ отсутствуетъ. — Защ. Либкнехтъ: Имѣетъ ли силу для административнаго порядка дѣйствующее матеріальное уголовное право или же и здѣсь рѣшаетъ административное усмотрѣніе? Напримѣръ, по отношенію къ родамъ наказанія? — Пр. Рейснеръ: И здѣсь рѣшающимъ является административное усмотрѣніе. — Либкнехтъ: Какъ обстоитъ дѣло съ родами наказаній, особенно съ сѣченіемъ? — Проф. Рейснеръ: Впервые массовое сѣченіе было примѣнено во время крестьянскихъ безпорядковъ въ харьковской и полтавской губерніяхъ и раскрыто защитой крестьянъ. Это насиліе раньше разсматривалось какъ чистый произволъ, но потомъ оказалось, что оно покоится на тайномъ указѣ Александра III. — Либкнехтъ: Извѣстно ли Вамъ, что тѣлесному наказанію подвергаются и политическіе преступники, — и мужчины и женщины? — Пр. Рейснеръ: Лично я этого не наблюдалъ, но знаю, что заключенные часто протестуютъ противъ такого обращенія, устраивая т. н. голодовки. — Либкнехтъ: Извѣстно ли Вамъ, что во время министерства Сипягина неблагонадежные студенты насильственнымъ образомъ отдавались въ солдаты? — Пр. Рейснеръ: Да, не различая больныхъ и калѣкъ, ихъ на неопредѣленное время зачисляли въ войска. Во время войны съ Китаемъ эта мѣра не оправдала надеждъ; послѣ покушенія Карповича это распоряженіе было отмѣнено. — Либкнехтъ: Не дѣлаются ли русскимъ гражданамъ затрудненія при научныхъ занятіяхъ за границей? — Пр. Рейс-

неръ: За недозволенный отъѣздъ заграницу виновный можетъ потерять всѣ права, можетъ подвергнуться изгнанію изъ Россіи и, въ случаѣ возвращенія, ссылкѣ въ Сибирь. Существуетъ много наказаній за политическія дѣянія, которыя включаютъ и конфискацію имущества. Особыя мѣропріятія приняты теперь противъ посѣщенія высшей русской школы въ Парижѣ, которая должна была недавно закрыться вслѣдствіе того, что правительство угрожало профессорамъ конфискаціей. — Либкнехтъ: Извѣстно ли Вамъ существованіе азіатскаго департамента, въ вѣдѣніи котораго находятся всѣ политическія дѣла ближняго и дальняго востока? Знаете ли Вы появившуюся въ 1893 г. у Вильгельми брошюру г. Р. Леонова? Она заключаетъ въ себѣ тайные документы русской восточной политики и издана по предложенію г. Петрова, предсѣдателя болгарскаго національнаго собранія и бургомистра Софіи. Въ ней содержатся тяжелыя обвиненія противъ русскаго правительства, напр., обвиненіе азіатскаго департамента въ возмущеніяхъ противъ болгарскаго правительства и многочисленныхъ покушеніяхъ посредствомъ бомбъ. Извѣстны ли Вамъ также документы русскаго агента на балканскомъ полуостровѣ, Вайсмана, которые недавно были опубликованы двумя буржуазными газетами въ Болгаріи? Новѣйшія публикаціи дѣлаютъ отвѣтственнымъ помянутый департаментъ въ убійствѣ сербской королевской четы.*) — Пр. Рейснеръ: Всѣ эти

*) Часть этихъ интересныхъ документовъ читатель найдетъ въ брошюрѣ г. П. С.: „Тайные документы „восточной политики“ царскаго правительства (1871—1890). Изд. Соц.-Дем. Рабочей Партіи. Женева 1904. Цѣна: 25 cent. = 20 Pf.“ К.

документы тайные, въ оригиналѣ я ихъ не видѣлъ. Но я видѣлъ публикаціи и внѣшняя форма опубликованныхъ документовъ походитъ на настоящіе. — Либкнехтъ: Существуетъ ли въ Россіи возможность добиваться легальнымъ путемъ хотя бы самыхъ незначительныхъ реформъ? — Пр. Рейснеръ: Нѣтъ. Въ Россіи не существуетъ даже права петицій. Земства категорически ограничены мѣстными пользами и нуждами и не должны обращаться къ царю. Дворянскія собранія имѣютъ это право, но они не должны заниматься общими вопросами. Тверское дворянство получило недавно за это порицаніе. — Либкнехтъ: Извѣстны-ли Вамъ предложенные Лорисъ-Меликовымъ реформы? *) Пр. Рейснеръ: Онѣ требуютъ сословнаго представительства, основаннаго на земствѣ съ совѣщательнымъ голосомъ. — Либкнехтъ: я это особенно подчеркиваю, ибо, какъ мы увидимъ позже, даже такой безумный террористъ, какъ Бурцевъ, находитъ терроръ непріемлемымъ средствомъ, разъ будутъ осуществлены хотя-бы эти реформы. Пр. Рейснеръ: Александръ I**) занимался этими реформами, Александръ II подписалъ даже конституцію составленную въ духѣ

*) Документальное изложеніе предложенныхъ Лорисъ-Меликовымъ реформъ читатель найдетъ въ брошюрѣ: „Конституція гр. Лорисъ-Меликова“, изданной фондомъ вольной русской прессы. Лондонъ 1893 г. Цѣна: 30 сантимовъ.

**) Документальнымъ памятникомъ александровскаго конституціонализма является „Государственная Уставная Грамота Россійской Имперіи“ изданная профессоромъ Шиманомъ (Берлинъ 1903 г.). Цѣна: 4 м. 20 пф. Изложеніе и оцѣнку ея см. въ статьѣ Профессора-политика („Освобожденіе“. Книга вторая. Paris 1904. Ц. 3 fr.)

славянофиловъ. — Прокуроръ Шютце: Мнѣ кажется, въ одной изъ прочтенныхъ брошюръ сказано: Николай поклялся ни на шагъ не отступать отъ того пути, которымъ шествовалъ его отецъ?— Либкнехтъ: Это былъ Александръ III, а не Александръ II. Въ инкриминированной брошюрѣ царь обвиняется въ нарушеніи присяги отмѣной финляндской конституціи. Была-ли гарантирована Финляндіи конституція? — Пр. Рейснеръ: Александръ I гарантировалъ Финляндіи конституцію, которою она пользовалась еще по шведскимъ законамъ. Александръ II далъ потомъ особую конституцію. Всякое измѣненіе этой конституціи безъ согласія представителей страны было недопустимо. Измѣненіе ея было нарушеніемъ конституціи, государственнымъ переворотомъ. По господствующему мнѣнію, Финляндія до сихъ поръ была особымъ государствомъ фрагментарнаго типа.*) — Защ. Гаазе: Находятся-ли въ Россіи лица, занимающія высокіе государственные посты, которыя раньше были въ ссылкѣ въ Сибири? — Пр. Рейснеръ: очень много! Прокуроръ Шютце: Вы теперь не состоите больше на государственной службѣ? — Пр. Рейснеръ: я вышелъ въ отставку послѣ студенческихъ безпорядковъ въ Томскѣ. Множество студентовъ было тогда избито нагайками. Совѣтъ университета единогласно постановилъ отправить по телеграфу жалобу г-ну министру народнаго просвѣщенія. Такъ какъ меня считали зачинщикомъ въ дѣлѣ

*) Изъ многочисленной литературы о Финляндіи отмѣчаемъ здѣсь лишь главу въ замѣчательной брошюрѣ знаменитаго московскаго юриста Б. Чичерина: „Россія наканунѣ XX ст.“. Берлинъ 1899 г. Цѣна 2 марки. К.

отправки телеграммы, то мнѣ подъ другимъ предлогомъ пригрозили 3-имъ пунктомъ. Мнѣ дали три дня сроку, чтобы добровольно подать въ отставку. По истеченіи этихъ трехъ дней меня грозили уволить безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Я не подалъ прошенія, а отправился въ Петербургъ. Несмотря на это я не былъ уволенъ по третьему пункту. Министръ призналъ наши дѣйствія неправильными, а въ то же время командиръ корпуса жандармовъ г. ф.-Валь закончилъ дознаніе. Когда по истеченіи мѣсяца, я, на основаніи различныхъ данныхъ, увидѣлъ, что министръ народнаго просвѣщенія солидаренъ съ полиціей и со всякими возможными полицейскими мѣропріятіями, то я добровольно подалъ въ отставку. Но до настоящаго времени еще я имѣю орденъ св. Анны 3 степени.

Свидѣтель Бухгольцъ изъ Шарлоттенбурга родился въ Россіи, учился $3^1/_2$ года въ русскомъ университетѣ, прусскій подданный. Имя его находится въ качествѣ отправителя на пакетахъ, адресованныхъ Мертинсу, но онъ никогда таковыхъ Мертинсу не посылалъ. Свидѣтель объясняетъ такое пользованіе его адресомъ тѣмъ, что русскіе въ Германіи полагаютъ, что за ними слѣдятъ по пятамъ и убѣждены, что въ ихъ отсутствіи квартиры ихъ обыскиваются. Я лично также убѣжденъ, говоритъ свидѣтель, что русскіе полицейскіе агенты пытаются получить свѣдѣнія объ интимнѣйшей жизни русской колоніи въ Берлинѣ. — Защитникъ Гаазе: Имѣли-ли Вы возможность на собственномъ опытѣ въ этомъ убѣдиться? — Свидѣтель: Жена моя, россіянка по происхожденію, была, во время посѣщенія своихъ родныхъ въ Казани, арестована

и четыре мѣсяца пробыла въ петербургскомъ домѣ предварительнаго заключенія. Ей ставилось между прочимъ въ вину, что она распространяла „Искру“ среди русскихъ студентовъ въ Берлинѣ и Шарлоттенбургѣ. При этомъ ей указали на нѣкоторыя замѣчанія объ одной книгѣ, которыя были сдѣланы мною въ самомъ тѣсномъ кругу знакомыхъ. — Защ. Гаазе: я констатирую, что германская подданная была арестована въ Россіи за дѣянія, совершенныя ею въ Германіи. — Предс.: Не брала-ли Ваша супруга литературу съ собой въ Россію? — Свидѣтель: При обыскѣ у нея, правда было найдено нѣсколько нумеровъ „Искры“ но она ихъ не привозила съ собою изъ-заграницы. Эти нумера попали къ ней уже въ самой Россіи, гдѣ эта газета, не смотря на то, что она запрещена, довольно распространена и очень популярна. Однако причиною ареста моей жены было обвиненіе, взведенное на нее по поводу дѣятельности ея противъ русскаго правительства въ Германіи, а не въ Россіи.

Защитникъ Гаазе. Какія мѣры были Вами предприняты для защиты Вашей жены отъ русскаго правительства и какимъ успѣхомъ онѣ увѣнчаны?

Свидѣтель. Когда я узналъ, что принято рѣшеніе выслать мою жену до германской границы этапнымъ порядкомъ, я обратился къ прусскому министерству иностранныхъ дѣлъ съ просьбою о содѣйствіи и послѣднее получило отъ русскаго правительства обѣщаніе отмѣнить высылку по этапу, если ему будутъ посланы деньги, необходимыя для высылки моей жены къ границѣ прямымъ путемъ въ сопровожденіи спеціальнаго конвоя.

Эти деньги мною были доставлены прусскому министерству, а имъ по телеграфу пересланы въ Россію; но русское правительство нарушило свое обѣщаніе, данное прусскому. Оно всетаки сочло нужнымъ подвергнуть мою жену варварскому способу отправки по этапу—ей пришлось вмѣстѣ съ уголовными преступниками странствовать по цѣлому ряду тюремъ, ея деньги были у нея отобраны, поэтому ей пришлось въ пути голодать и послѣ ряда голодныхъ дней и безсонныхъ ночей она была высажена въ Пруссіи безъ одной копѣйки денегъ.

Старшій Прокуроръ: Очевидно, деньги, высланные Вами въ Петербургъ, прибыли туда слишкомъ поздно.

Свидѣтель. Нѣтъ, г. старшій прокуроръ, дѣло обстояло не такъ. Я доставилъ деньги прусскому министерству не теряя ни одной минуты по полученіи отъ него увѣдомленія, что они затребованы, и оно ихъ тотчасъ-же по телеграфу послало къ мѣсту назначенія. Разъ русское правительство затребовало деньги, то оно тѣмъ самымъ взяло на себя обязательство ожидать ихъ прибытія. Нѣтъ сомнѣнія, что русское правительство нарушило данное имъ слово.

На вопросы защ. Гаазе относительно революціонныхъ партій въ Россіи свидѣтель отвѣтилъ:

Я живо интересуюсь русскимъ освободительнымъ движеніемъ, уже давно слѣжу за русской революціонной литературой и лично знакомъ съ русскими соціалистами разныхъ направленій.

Въ организаціонномъ отношеніи я принадлежу къ нѣмецкой соціалдемократіи и состою членомъ Шарлоттенбургскаго соціалдемократическаго ферейна.

Изъ русскихъ направленій я отношусь съ наибольшимъ сочувствіемъ къ направленію „Искры“.

Отношеніе между русскими соціалдемократами и соціалистами-революціонерами такъ обострены, что поддержка ими другъ друга при транспортировкѣ литературы въ Россію, по моему мнѣнію, совершенно невѣроятна. Бурцевъ, какъ представитель опредѣленныхъ революціонныхъ воззрѣній, стоитъ совершенно изолированно отъ всѣхъ русскихъ революціонныхъ направленій. Только какъ собиратель матеріаловъ по исторіи русскаго революціоннаго движенія онъ нашелъ сочувствіе и поддержку со стороны представителей различныхъ направленій. Въ послѣднее время его работы такого характера издаются имъ въ союзѣ съ соціалистами-революціонерами. — Предс.: Не состояли-ли между Бурцевомъ и Надеждинымъ какія нибудь болѣе близкія отношенія? — Свид.: По моему мнѣнію это невозможно, такъ какъ Надеждинъ въ противоположность къ Бурцеву находитъ, что цареубійство является безплоднымъ предпріятіемъ. — Пр.: Что Вы намъ можете сказать объ отношеніяхъ между Надеждинымъ и другими революціонными организаціями? — Свид.: Надеждинъ также имѣлъ за собою лишь небольшую группу. Онъ представляетъ собою нѣчто среднее между соціалистами-революціонерами и соціалдемократами. Со вторыми у него обще убѣжденіе, что пропагандистская и агитаціонная дѣятельность среди рабочихъ составляетъ главнѣйшую задачу соціалистической партіи, но въ противорѣчіи съ русской соціалдемократіей онъ придаетъ большое значеніе эксцитативному, т. е. агитаціонному характеру террора. Во второмъ изданіи своей брошюры о

возрожденіи революціонизма въ Россіи онъ, однако, значительно отступаетъ отъ своихъ прежнихъ взглядовъ на терроръ и придаетъ ему лишь значеніе, какъ способу самозащиты противъ жестокостей правительственныхъ органовъ.

Защитникъ Гаазе. По словамъ Мертинса представители направленія „Искры“ совѣтовали ему не оказывать содѣйствія переправѣ латышской литературы? Чѣмъ, по Вашему мнѣнію, слѣдуетъ объяснить такой совѣтъ? Тѣмъ-ли, что представители „Искры“ считаютъ направленіе латышской соціалдемократіи слишкомъ крайнимъ или-же чѣмъ нибудь другимъ? — Свидѣтель: Всѣ русскіе революціонныя направленія отличаются организаціоннымъ фанатизмомъ; представители направленія „Искры“ также недовольны существованіемъ обособленныхъ организацій, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, благодаря послѣднимъ силы движенія безплодно дробятся и дѣлается возможнымъ проникновеніе оппортунистическихъ теченій. Если вѣрно, что русскіе товарищи предостерегали Мертинса относительно латышской соціалдемократіи, то это по моему мнѣнію можетъ объясняться соображеніями организаціоннаго характера, но не тѣмъ, что направленію „Искры“ латышская соціалдемократія представляется слишкомъ крайней.

Въ это время д-ръ Баллодъ и д-ръ Ростъ успѣли уже установить, что особый § 251 и 252[1] русскаго уложенія о наказаніяхъ предусматриваютъ составленіе и распространеніе преступныхъ сочиненій, воззваній и изображеній и что по этимъ статьямъ также не гарантирована взаимность. Содержаніе этихъ параграфовъ читатель найдетъ въ приложеніи.

Седьмой день.

Экспертъ проф. Ростъ защищаетъ противъ возраженій Либкнехта сдѣланную имъ характеристику россійскихъ партій. „Красное Знамя“ стоитъ, по его мнѣнію, на точкѣ зрѣнія соціалдемократической рабочей партіи. Надеждинъ также въ общемъ соціалдемократъ. Онъ лишь постольку соціалистъ-революціонеръ, поскольку признаетъ при извѣстныхъ условіяхъ необходимость террористическихъ покушеній.

Защ. Либкнехтъ. „Красное Знамя“ издавалось не существующей уже въ настоящее время группой. Если даже этотъ органъ стоитъ на точкѣ зрѣнія соціалдемократіи, то и въ этомъ случаѣ онъ не можетъ служить для характеристики этой партіи. Наконецъ, Надеждинъ стоялъ, какъ было отмѣчено уже нѣсколько разъ, внѣ всякихъ большихъ партійныхъ организацій. — Свид. Бухгольцъ. Относительно „Краснаго Знамени“ г-нъ Либкнехтъ ошибается. Оно издавалось одною частью заграничныхъ представителей партіи россійской соціалдемократіи. Въ то время, когда издавалось „Красное Знамя“ партія была расколота; одно направленіе издавало „Красное Знамя“, другое „Искру“. „Красное Знамя“, слѣдовательно, также представляло одно изъ партійныхъ теченій, хотя и слабѣйшее. Что же касается Надеждина, то его взгляды не могутъ быть приписаны ни одной изъ существующихъ партій. Ни соціалдемократы, ни соціалисты-революціонеры не считаютъ его своимъ, также какъ и онъ самъ не причислялъ себя къ нимъ. — Прокуроръ Каспаръ. Относятся-ли изданія группы „Свобода“ также къ надеждинскому

направленію? — Бухгольцъ. Издательство, въ которомъ Надеждинъ выпускалъ свои сочиненія, называло себя „группа Свободы“. — Либкнехтъ, Но „Красное Знамя“ появилось, вѣдь, въ то время, когда соціалдемократическая партія не имѣла еще нынѣшней организаціи? — Бухгольцъ. Да, нынѣшнюю свою программу и нынѣшнюю организацію россійская соціалдемократическая партія приняла лишь на своемъ второмъ съѣздѣ.

Послѣ этого дѣлается попытка установить, какая литература найдена у каждаго изъ обвиняемыхъ. Экспертъ Ростъ указываетъ, что литература расположена не въ томъ порядкѣ, какъ она была у каждаго взята, а въ томъ, какъ онъ, Ростъ, возвратилъ ее послѣ перевода. Вслѣдствіе этого судъ приступаетъ къ установленію содержанія конфискованной литературы. Раньше всего распаковываются ящики, содержимое которыхъ было найдено исключительно у Мертинса изъ Тильзита и у Кегста изъ Байоръ. Ящики содержатъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ различныхъ нумеровъ „Искры“ и различныя брошюры: 1) „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи“ Плеханова, 2) „Программа работниковъ“ Лассаля, 3) „Разсказы изъ исторіи французской революціи“ 4) „Въ Сибирь и обратно“ Дейча, 5) „Революція и контръ-революція въ Германіи“ Маркса, 6) „Кто чѣмъ живетъ“ Дикштейна и 7) проектъ программы и двѣ небольшихъ прокламаціи.

Экспертъ Ростъ. Вся эта литература относится къ литературѣ россійской соціалдемократической рабочей партіи, отчасти она представляетъ собой прямой переводъ съ нѣмецкихъ соціалдемо-

кратичетких сочиненій. Общая картина представляется въ томъ видѣ, что въ ящикахъ и пакетахъ найдена литература всѣхъ трехъ (?) теченій. Соціалдемократовъ, соціалистовъ-революціонеровъ и террористовъ. — Защ. Гаазе. Въ какомъ соотношеніи находится литература одной группы къ другой? — Д-ръ Ростъ. Большая часть ея принадлежитъ, безъ сомнѣнія, соціалдемократической рабочей партіи. 64 экземпляра „Зари“ были найдены у Кугеля. Надпись на обложкѣ гласитъ: „Заря“, № 1 Соціалдемократическій научно-политическій журналъ. Издается при ближайшемъ участіи Г. В. Плеханова, В. И. Засуличъ и П. Б. Аксельрода. Цѣна 2 рубля. „Stuttgart, Dietz“. Товарищъ Прокурора. Это та самая Засуличъ, которая совершила покушеніе на Трепова? — Защ. Гаазе. Конечно, та-же самая. Но съ того времени она стала самой рѣзкой противницей террора... По предложенію защиты прочитывается конецъ напечатаннаго въ „Зарѣ“ „Гимна соціалиста“.

Въ нашей борьбѣ самодержца короны
Мы не коснемся мятежной рукой,
Кровью народной залитые троны
Рухнутъ когда-нибудь сами собой*).

Въ помѣщенной въ „Зарѣ“ статьѣ: „Чему учитъ харьковская маевка?“ частичная неудача праздника приписывается недостаткамъ организаціи.

---

*) Читатель, знакомый съ соціалдемократической литературой, понимаетъ, что Гаазе былъ введенъ въ заблужденіе. Приводимое стихотвореніе представляетъ собою сатиру, а отнюдь не истинное выраженіе мнѣній русской соціалдемократіи на борьбу съ самодержавіемъ.
Кат.

Затѣмъ слѣдуютъ брошюры: 1) „Царь-голодъ“ Оглавленіе этой брошюры: Сотрудничество. Раздѣленіе труда. Обмѣнъ. Товаръ. Цѣнность товаровъ. Деньги и т. д. показываетъ, что рѣчь идетъ о сочиненіи политико-экономическаго характера. 2) „Истязанія политическихъ ссыльныхъ въ Сибири“, оттискъ изъ „Свободнаго слова“ (?) 3) „Женщина-работница“ — рисуется положеніе работницы въ Россіи (въ деревнѣ, на фабрикѣ, въ мастерской), ея зависимость отъ мужа и указывается, что ея положеніе можетъ измѣниться лишь съ побѣдой пролетаріата. Въ концѣ приложены резолюціи цюрихскаго международнаго соціалистическаго конгресса 1897. 4) „Какъ царь Ахреянъ ходилъ къ Богу жаловаться“. Сказка, написанная А. Барыковой. 5) Л. Дейчъ: „Въ Сибирь и обратно“. Далѣе слѣдуютъ брошюры изъ извѣстнаго собранія „Библіотека Русскаго Пролетарія“, издаваемаго въ Женевѣ г. Куклинымъ, а также нѣсколько сочиненій, изданныхъ „Заграничной Лигой русской революц. соціалдемократіи“.

Затѣмъ идетъ разсказъ А. Машицкаго: „Изъ жизни солдата“. Изд. Лиги. Женева 1903. Брошюра рисуетъ въ формѣ сказки, какъ пьянствуютъ всѣ въ арміи, какъ офицеръ бьетъ фельдфебеля, фельдфебель унтеръ-офицера, а унтеръ-офицеръ солдата. Авторъ рисуетъ затѣмъ картину будущаго, какъ посланный противъ бастующихъ рабочихъ батальонъ солдатъ въ большинствѣ переходитъ на сторону народа. Брошюра заканчивается:

„вездѣ, вездѣ надъ всѣмъ разносился одинъ и тотъ же наболѣвшій побѣдный крикъ: „долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода!“

Изъ брошюры „Въ казармѣ“. Изъ наблюде-

ній соц.-демократа (Изд. „Искры“. Апрѣль 1903) приводится слѣдующая цитата:

„Это дѣло долгой и систематической пропаганды въ самой казармѣ и еще больше среди тѣхъ трудящихся классовъ, изъ молодежи которыхъ рекрутируется наша армія. Каждый нашъ шагъ впередъ на этомъ пути будетъ отражаться и въ казармѣ, пока не настанетъ день, когда армія, рука объ руку съ возставшимъ народомъ, разобьетъ цѣпи его вѣковой неволи и навсегда освободитъ нашу родину отъ позорнаго ярма самодержавія“.

Защ. Либкнехтъ проситъ перевести еще одну цитату и переводчикъ переводитъ ее:

Касаться строгости дисциплины я совершенно не буду, потому что безъ дисциплины немыслима никакая армія, по существу своему основанная на насиліи и подавленіи индивидуальности“. „Но необходима ли сама армія?“ — спрашиваетъ авторъ интересныхъ наблюденій и отвѣчаетъ, что она „конечно, необходима для правительства“, но у народа она „отнимаетъ его лучшія силы, а даетъ ему только новые налоги, да еще развѣ пули и нагайки въ моменты борьбы за свободу и за право на лучшую жизнь“. Авторъ сторонникъ милиціи и требуетъ по меньшей мѣрѣ сокращенія срока службы до одного года. „Отнимать у молодыхъ, сильныхъ, здоровыхъ людей пять лучшихъ лѣтъ жизни вмѣсто одного года нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній; въ этомъ есть своекорыстный расчетъ: создать янычаръ, оторванныхъ отъ жизни народа, готовыхъ броситься на него по первому приказу“. И далѣе: „организованность и дисциплина дѣлаютъ армію неодолимо могучей, и не въ открытомъ бою побѣдитъ ее возставшій народъ, онъ побѣдитъ ее только силой моральнаго вліянія, заразивъ ее любовью къ дѣлу свободы, ненавистью къ угнетенію, взывая къ чувству справедливости. Большую тактическую ошибку дѣлаютъ поэтому стачечники во время стачекъ и демонстрацій, встрѣчая появленіе войска каменьями и кликами презрѣнія. Отражать нападеніе, разумѣется, всегда необходимо, но

не слѣдуетъ самимъ открывать наступленіе на солдатъ".

Изъ брошюры „Къ солдатамъ", изданной партіей соціалистовъ-революціонеровъ, приводится слѣдующее мѣсто":

„Если начальство заставляетъ тебя колоть и рубить толпу—не дѣлай этого. Если оно заставитъ тебя вести въ тюрьму арестованныхъ, отпусти ихъ или дай имъ убѣжать на волю"...

Брошюра Е. Серебрякова „Политика и офицеры" трактуетъ о положеніи офицерства въ Россіи и его задачахъ въ будущемъ. Слѣдующія цитаты характеризуютъ ея содержаніе:

„Теперь — говорится на стр. 14 — по всей Россіи крайнее раздраженіе всѣхъ классовъ населенія противъ правительства; всѣ задыхаются въ обстановкѣ, созданной самодержавіемъ; годъ отъ году становится тяжелѣе жить; годъ отъ году все болѣе разоряется народъ; всѣ чувствуютъ, что необходимо уничтожить возможно скорѣе режимъ насилія и самоуправства.

„Но правительство всѣмъ этимъ мало интересуется; оно хорошо знаетъ, что, имѣя вѣрную армію, при нынѣшнихъ путяхъ сообщенія, ему легко подавить всякій протестъ въ самомъ началѣ. Но, разъ увѣренность правительства въ арміи будетъ поколеблена, правительство волей-неволей пойдетъ на уступки, общество и революціонеры будутъ все энергичнѣе и энергичнѣе вести наступательную войну; народныя волненія, не встрѣчая со стороны арміи энергичнаго отпора, будутъ все разростаться и разростаться. И немного пройдетъ времени, какъ подгнившій режимъ самодержавія рухнетъ".

Роль русскаго офицерства во время борьбы народа съ абсолютизмомъ представляется автору въ слѣдующемъ видѣ:

„Сгруппированные между собою офицеры — друзья народа — очень скоро могутъ представлять изъ себя силу, способную парализовать дѣйствіе арміи въ пользу существующаго режима; при благопріятныхъ обстоятельствахъ они могутъ сдѣлать и болѣе. Разъ революціонная организація среди офицеровъ всей Россіи или того или другого округа достигнетъ серьезныхъ размѣровъ, то при первомъ благопріятномъ случаѣ, какъ напр., народное возстаніе или бунтъ, офицерство сможетъ нанести рѣшительный ударъ правительству, если это происходитъ въ столицѣ, прямо отнявъ отъ него власть, и передать ее въ руки народа, или, если это въ той или другой провинціи, оно такимъ же образомъ можетъ дать возможность поднявшемуся народу овладѣть провинціей и тѣмъ положить начало общему возстанію въ Россіи. Примѣровъ отнятія власти у правительства путемъ военнаго заговора не мало въ русской исторіи. Кто знакомъ съ исторіей декабристовъ, тотъ знаетъ, какъ легко имъ было бы отнять власть у Николая; причины же ихъ неудачи заключались въ ихъ нерѣшительности, въ отсутствіи хорошо составленнаго плана дѣйствія, въ несогласіи между самими заговорщиками, а никакъ не въ силѣ правительства. Для лишенія престола Петра III, потребовалось всего нѣсколько рѣшительныхъ офицеровъ и полкъ солдатъ. Вступленіе на престолъ Елизаветы совершилось также при помощи только одного полка.

„Правительство опирается единственно только

на постоянную армію, а потому, совершенно естественно, офицеръ, желающій освобожденія народа, долженъ стремиться отнять эту силу отъ правительства, парализуя ея дѣйствіе и стараясь перевести ее на сторону народа".

„Безъ арміи правительство безсильно; разъ армія хоть отчасти отвернется отъ него, то весь этотъ режимъ насилія и самоуправства немедленно развалится."

Въ другомъ мѣстѣ авторъ пишетъ о томъ же:

„Антиправительственное движеніе среди офицеровъ не останется безъ вліянія и на само правительство. Поскольку оно усилитъ энергію среди революціонныхъ и другихъ опозиціонныхъ элементовъ, постольку же оно ослабитъ энергію правительства, вызвавъ неувѣренность и нерѣшительность какъ въ немъ самомъ, такъ въ особенности среди исполнителей его воли, чиновниковъ и проч., между которыми не малое число людей, далеко не приверженныхъ ему".

„Развѣ осмѣлилось бы правительство, какъ, напр., въ настоящее время, беззастѣнчиво исключать тысячами студентовъ и сотнями заключать ихъ въ тюрьмы, производить насиліе надъ финляндской конституціей, кровавыя расправы надъ стачечниками и демонстрантами, какъ, напр., въ Ригѣ, Вильнѣ, Петербургѣ и проч., и насмѣхаться надъ требованіями земства? Развѣ осмѣлилось бы оно усчитывать куски хлѣба, которые даются милліонамъ умирающаго съ голода народа и т. п., если бы не было увѣрено въ вѣрности арміи?"

Наконецъ приводимъ еще цитату, изъ которой видно, какъ авторъ относится къ офицерской присягѣ:

„Много, говоритъ онъ, толкуютъ о присягѣ на вѣрность престолу. Но, вопервыхъ, теперь, подъ наблюденіемъ полиціи и той же арміи, къ присягѣ приводятъ насильно всю Россію, а посему, если бы ей стали придавать желательные для царя смыслъ и значеніе, то всѣ обитатели Россіи превратились бы въ стадо барановъ, отказавшихся отъ своихъ правъ. Во-вторыхъ, сами цари менѣе, чѣмъ кто бы то ни было, придаютъ значеніе данной присягѣ на вѣрность: Анна Ивановна присягнула конституціи и сейчасъ же уничтожила ее; Елизавета Петровна присягнула Ивану VI и посадила его въ крѣпость; Екатерина II присягнула своему мужу Петру III и удавила его; Александръ I присягнулъ отцу и далъ свое согласіе на его низверженіе (хотя, какъ утверждаютъ, не на убійство); Николай I присягнулъ Константину и на другой день вступилъ на престолъ. Въ-третьихъ, и сама присяга двусмыслена. Присягаютъ царю и отечеству — ну, а если царь врагъ отечества, если онъ губитъ его, что тогда дѣлать? Русскіе офицеры не опричники Ивана IV, они должны ясно понять, что служить они обязуются именно отечеству, т. е. всему народу, ибо не могутъ же они понимать подъ отечествомъ только людей, обшитыхъ галунами, а потому и всѣ эти толки о присягѣ для офицера, давшаго себѣ трудъ вдуматься въ свою роль въ государствѣ, не могутъ имѣть серьезнаго значенія и служить оправданіемъ производимыхъ надъ народомъ насилій“.

Послѣ этого слѣдуютъ небольшія цитаты изъ различныхъ небольшихъ брошюрокъ, которыя мы за недостаткомъ мѣста пропускаемъ. Характеръ ихъ сходенъ съ уже приведенными выше.

Прокуроръ Шютце: вноситъ предложеніе, чтобы судъ сдѣлалъ оффиціальный запросъ у русскаго правительства относительно существованія обнародованнаго закона объ обоюдной взаимности между Германіей и Россіей. Либкнехтъ отъ имени защиты говоритъ, что послѣдняя ничего не имѣетъ противъ предложенія, но обращаетъ вниманіе суда на то, что принимая во вниманіе точность и любезность русской бюрократіи, судъ долженъ быть готовымъ къ тому, что отвѣтъ можетъ получиться черезъ 3 — 4 недѣли. Какъ бы тамъ ни было, добавляетъ онъ, защита оставляетъ за собою право провѣрки отвѣта, ибо мы имѣемъ много поводовъ для того, чтобы быть осторожными.

Судъ спрашиваетъ проф. Рейснера, гдѣ и какъ обнародовываются въ Россіи законы. Проф. Рейснеръ даетъ требуемое разъясненіе и указываетъ при этомъ, что „собраніе узаконеній“ должно находиться у всѣхъ посольствъ и консульствъ. — Защ. Гейнеманъ: г. экспертъ говоритъ, что въ консульствахъ имѣется „собраніе узаконеній“. Нельзя ли поручить здѣшнему русскому генеральному консулу безпристрастно отыскать требуемый законъ? *(Бурный, долго несмолкаемый хохотъ).* Слѣдуетъ недолгое совѣщаніе, послѣ котораго судьи выносятъ утвердительное постановленіе относительно запроса у русскаго правительства.

Продолжается чтеніе литературы. Изъ брошюры: „Ко всему русскому крестьянству отъ крестьянскаго союза партіи соціалистовъ-революціонеровъ“ приводится слѣдующій отрывокъ: „пора крестьянину вступить въ тай-

ный союзъ для борьбы съ общимъ врагомъ всѣхъ рабочихъ людей города и деревни — съ царскимъ правительствомъ".

Нашъ первѣйшій и сильнѣйшій врагъ — говорится тамъ далѣе — это царское правительство. Оно является опорой народнаго угнетенія. Мы должны низвергнуть его. Отдѣльнымъ лицамъ это трудно сдѣлать, но если мы постараемся это сдѣлать сообща, тогда дѣло приметъ совсѣмъ другой оборотъ. Нужно организовать для этого крестьянскіе союзы, которые соединятся съ союзами городскихъ рабочихъ, вмѣстѣ станутъ распространять запрещенную литературу и бороться противъ царскаго самодержавія.

Брошюра С. Некрасова: Ничего съ нами не подѣлаешь. (Августъ 1903 г., изд. партіи соціалистовъ-революціонеровъ), разсказываетъ о стачкѣ на ткацкой фабрикѣ и ея послѣдствіяхъ. Въ стачку вмѣшиваются войска. 20 человѣкъ безъ разбора правыхъ и виноватыхъ подвергаются тѣлесному наказанію. Слѣдствіемъ этого является покушеніе на губернатора. Снова репрессіи, возстаніе и. т. д.

Изъ брошюры: „Таганрогскій процессъ":

„Повторяемъ, отвѣтомъ на бѣлый терроръ правительства должно быть усиленіе революціонной агитаціи въ массѣ. На этомъ пути намъ придется испытать жесточайшія преслѣдованія, много крови прольется на немъ, много товарищей вырветъ изъ нашихъ рядовъ молохъ въ полицейскомъ мундирѣ. Но мы не покинемъ его, такъ какъ онъ одинъ ведетъ къ побѣдѣ. Держась его мы можемъ быть увѣрены, что силы нашей революціонной арміи будутъ постепенно увеличиваться, что на мѣсто нашихъ борцовъ будутъ становиться новые, все болѣе и болѣе многочисленные рекруты свободы, и что мы

отомстимъ царизму, побѣдивъ его и не оставивъ въ его безобразномъ зданіи камня на камнѣ".

Изъ брошюры Мартова: „Рабочее дѣло въ въ Россіи":

„На мѣсто самодержавной власти царя и назначаемыхъ имъ министровъ и совѣтниковъ должна стать народная воля, выраженная въ парламентѣ, составленномъ изъ лицъ, которымъ самъ народъ довѣрилъ свои интересы и которыхъ народъ всегда можетъ смѣстить, если они плохо защищаютъ его интересы. На мѣсто тиранническаго полицейскаго государства должно стать свободное народное (демократическое) государство".

„Поэтому Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія ставитъ своей ближайшей политической задачей низверженіе царскаго самодержавія и замѣну его республикой на основѣ демократической конституціи".

Либкнехтъ вноситъ предложеніе, чтобы въ качествѣ свидѣтелей были приглашены: 1. Предсѣдатель болгарскаго собранія, д-ръ Петровъ. 2. Бывшій драгоманъ русскаго консульства въ Рущукѣ, д-ръ Якобсонъ. 3. Редакторъ соціалистской газеты „Вечерняя почта". Эти свидѣтели должны, по предложенію Либкнехта, засвидѣтельствовать истинность опубликованныхъ въ 1893 и 1904 тайныхъ документовъ о восточной политикѣ русскаго правительства и показать, что послѣднее явилось подстрекателемъ цѣлаго ряда покушеній на суверенность балканскихъ государствъ, убійства Стамбулова и сербской королевской четы. Для обоснованія своего предложенія Либкнехтъ приводитъ нѣсколько секретныхъ телеграммъ и писемъ, взятыхъ имъ изъ книги Леонова. Въ телеграммѣ отъ 20 января 1888 г., посланной русскимъ посланникомъ въ Букарестѣ директору азіатскаго де-

партамента говорится: „Прибывшій въ Софію купецъ Новиковъ сообщаетъ, что данное ему порученіе относительно удаленія Кобургскаго принца изъ Болгаріи путемъ заговора въ настоящее время невозможно, ибо софійскія власти, особенно теперь, послѣ предпріятія капитана Набокова, приняли строжайшія мѣры къ охранѣ личности принца".

„Для выполненія проектированнаго намѣренія купецъ Новиковъ полагаетъ возможнымъ примѣнить динамитные патроны. Тоже самое совѣтовали ему заслуживающія довѣрія лица, заявившія свою готовность принять дѣятельное участіе. Вслѣдствіе этого имѣю честь покорнѣйше просить Ваше П-о сдѣлать, если возможно, распоряженіе относительно присылки динамитныхъ патроновъ изъ нашихъ складовъ въ Рущукъ, гдѣ ожидается прибытіе принца Кобургскаго."

Либкнехтъ прочитываетъ еще нѣсколько документовъ подобнаго же рода, но судъ находитъ, что предложеніе его не должно быть уважено и отказывается пригласить указанныя имъ лица.

Восьмой день.

Защ. Гейнеманъ: Я раздобылъ въ теченіе послѣднихъ дней оффиціальный матеріалъ, мотивы и коментаріи, къ старому и новому уголовному уложенію. Изъ этого матеріала явствуетъ, что данное намъ проф. Рейснеромъ изложеніе русскаго уголовнаго права, вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ.

Гейнеманъ излагаетъ мотивы и коментаріи, послѣ чего судъ вновь приступаетъ къ чтенію литературы.

Мы пропускаемъ здѣсь за неимѣніемъ мѣста

характеристики и цитаты изъ слѣдующихъ изданій: 1. „Къ вопросу о терроризмѣ“, (Бундъ 1903 г.) 2. „Красное Знамя“, (1903 г.), издававшееся союзомъ русскихъ соціалдемократовъ; 3. „Искра“ (№ 44). 4. „Революціонная Россія“ (№ 22); 5. „Народные листки“ (№ 11); 6. „Отклики“ № 1); „Солдатская памятка“ Толстого; 8. „Народный герой Ѳ. Качуръ“; 9. „За сто лѣтъ“ Бурцева и 10. „Былое“.

Изъ сочиненія г. Надеждина: „Возрожденіе революціонизма въ Россіи“ (изд. 2-е дополненное примѣчаніями и статьями), игравшее на судѣ особую роль, приводимъ здѣсь слѣдующія мѣста. Критикуя „Зарю“, Надеждинъ формулируетъ затѣмъ задачи интеллигента-революціонера въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Задача интеллигента-революціонера, глубоко осмысливающаго нужды настоящаго момента, опредѣляется теперь уже болѣе чѣмъ ясно: нести идею политической борьбы въ среду пролетаріата, пропагандировать ее, развивая политическое самосознаніе рабочихъ и агитировать за нее, ставя передъ рабочими рядъ политическихъ требованій, осуществленія которыхъ нужно добиваться теперь же во всемъ ихъ полномъ объемѣ.

„Это, конечно, только формулировка задачи, формулировка въ самихъ общихъ чертахъ, не дающая еще отвѣта, какъ должна воплощаться въ жизнь эта задача.

„Выполненіе ея должно пойти по нѣсколькимъ, чтобы не сказать по многимъ путямъ, имѣя лишь исходнымъ и конечнымъ пунктомъ одинъ

центръ — рабочее движеніе — одинъ Римъ, куда должны вести всѣ дороги.

„Масса революціонныхъ силъ сосредоточивается теперь въ рабочемъ движеніи. Тутъ онѣ понятно и должны оставаться, чтобы работать непосредственно на рабочемъ дѣлѣ."

Перечисливъ различныя задачи „революціонеровъ-соціалистовъ" г. Надеждинъ говоритъ затѣмъ, что „самой важной изъ нихъ" должно явиться „созданіе центральнаго Рабочаго Комитета Всероссійской Революціонно-Соціалистической Партіи". О цѣляхъ послѣдняго онъ говоритъ слѣдующимъ образомъ.

„Соединеніе мѣстныхъ рабочихъ организацій всевозможными средствами, начиная отъ созыва съѣздовъ и кончая созданіемъ единаго оффиціальнаго органа печати для всей соціалистической партіи, начиная отъ общаго руководства кружковыми занятіями и кончая руководствомъ въ устройствѣ и веденіи демонстраціи — это, конечно, главная, коренная цѣль Центральнаго Рабочаго Комитета. Но этимъ не могутъ исчерпываться его функціи, иначе комитетъ не будетъ стоять на высотѣ своего революціоннаго положенія. Все то, что дѣлается въ средѣ крестьянства и въ разныхъ общественныхъ слояхъ, выступающихъ на борьбу за демократияескій идеалъ, террористическіе факты, необходимость которыхъ выдвигается жизнью, пропаганду въ войскахъ — Центральный Рабочій Комитетъ долженъ взять въ свое вѣдѣніе."

О дѣятельности среди учащейся молодежи въ брошюрѣ сказано, что „здѣсь необходима прежде всего организація массовыхъ протестовъ въ родѣ недавнихъ студенческихъ волненій".

Относительно крестьянства „ходъ нашихъ мыслей долженъ быть таковъ. Революція, въ которой, вѣроятно, крестьянство будетъ играть очень важную роль, и закрѣпленіе результатовъ которой немыслимо безъ энергическаго сочувствія деревни, эта революція должна передать крестьянству возможный максимумъ земли".

Либкнехтъ: я констатирую, что въ переводѣ генеральнаго консула это мѣсто гласитъ: „Революція должна передать въ собственность крестьянъ всю землю, отнятую у помѣщиковъ и казны".

Затѣмъ слѣдуетъ развитіе идей г. Надеждина о террорѣ:

„Противники терроризма, говоритъ Надеждинъ если и сочтутъ нужнымъ бороться противъ него, освѣщать его съ отрицательной стороны, то они же сами выдвинутъ въ качествѣ argumentum heroicum необходимость усиленной политической агитаціи въ массахъ, и скромная политическая пропаганда, не вѣдающая ни дня, ни часа воплощенія въ жизнь своихъ идеаловъ, смѣнится этой непрестанной агитаціей, зовущей на погребеніе существующаго политическаго строя и созданіе новаго.

„А это-то именно и есть та цѣль, которую стремится выдвинуть терроръ. Разъ начнется усиленная, энергичная агитація въ массахъ — его эксцитативная (возбуждающая) роль сыграна, и останется ли онъ тогда уже въ качествѣ дѣйствительнаго террора или сейчасъ же уступитъ мѣсто ряду вооруженныхъ массовыхъ нападеній на правительственные власти — рѣшатъ обстоятельства, рѣшитъ сама жизнь.

„Тронъ самодержца всероссійскаго при сильномъ

броженіи въ массахъ предстанетъ предъ революціонной Россіей въ своемъ настоящемъ безпокровномъ видѣ: это не гранитъ, разубранный позолотой, а всего лишь вызлащенный деревянный обрубокъ, насквозь проѣденный термитами. Не надо гигантскихъ усилій, чтобы своротить его съ мѣста — онъ разсыплется вдребезги при первомъ же массовомъ натискѣ. Ни ограда изъ штыковъ, ни полицейско-жандармскія ищейки, ни кошели крупныхъ капиталистовъ, ни вѣрноподданическіе вопли дворянства, ни авторитетъ „царя-батюшки“ въ глазахъ темныхъ массъ — ничто не спасетъ самодержавнаго трона, какъ ничто не спасло Александру II отъ кровавой расправы съ нимъ террористовъ — народовольцевъ“.

Прокуроръ Шютце: Этотъ переводъ отличается отъ перевода, сдѣланнаго русскимъ консульствомъ. Консулъ перевелъ это мѣсто: „ничто не спасетъ трона императора Николая II отъ судьбы, постигшей Александра II, кровавое дѣло должно совершиться и ничто не спасетъ его отъ народной ярости“. — Экспертъ д-ръ Ростъ: Этого здѣсь нѣтъ. — Прокуроръ Шютце: Господинъ консулъ прибавилъ, вѣроятно только имя царя. Можно-ли однако, подъ самодержцемъ разумѣть кого-либо другого нежели Николая II, по крайней мѣрѣ въ такомъ контекстѣ? — Д-ръ Ростъ: Здѣсь имѣлся въ виду всякій самодержецъ, т. е. царизмъ. — Защ. Гаазе: Конечно. — Предсѣд.: Это какъ понимать. — Либкнехтъ: Въ переводѣ консула сказано: Ничто не спасетъ Николая II „отъ народной ярости“! Консулъ „прибавилъ“ также и „народной ярости“.

Далѣе слѣдуетъ слѣдующая программа для

центральнаго комитета: „Задача современности— организація Центральнаго Рабочаго Комитета Всероссійской Революціонно-Соціалистической Партіи для:

1) планомѣрнаго руководства рабочимъ движеніемъ;

2) для использованія въ революціонныхъ цѣляхъ броженій и активныхъ дѣйствій въ студенческой средѣ;

3) для систематическаго использованія теченій въ оппозиціонныхъ слояхъ русскаго общества;

4) для руководства всѣми силами, попавшими въ деревню или желающими служить главнымъ образомъ ей, этой деревнѣ;

5) для пропаганды и агитаніи въ арміи въ виду все учащающихся усмиреній народа вооруженной силой и въ виду возможности воспитывать и въ войскахъ революціонныхъ работниковъ;

6) для созданія прочнаго союза съ существующими революціонными партіями и оппозиціонными группами среди поляковъ, финляндцевъ и евреевъ;

7) для организаціи систематическаго террора, какъ наиболѣе эксцитативнаго средства къ широкому политическому движенію въ массахъ".

Прокуроръ Шютце: Господинъ Консулъ перевелъ этотъ 7-й пунктъ программы такъ: „организація систематическаго террора, какъ лучшаго эксцитативнаго средства для достиженія революціонныхъ успѣховъ". — Д-ръ Ростъ: По смыслу это одно и то же. — Прокуроръ Шютце: да это, вѣдь, и не переводъ, а только изложеніе. — Либ-

кнехтъ: можно допустить, что это мѣсто консулъ въ видѣ исключенія передалъ приблизительно вѣрно *(веселье)*.

Защ. Гаазе: я позволю себѣ попросить прочесть нѣсколько мѣстъ изъ послѣсловія. Здѣсь говорится:

„Немногія страницы, посвященныя нами вопросу о террорѣ, вызвали очень много недоразумѣній — и въ литературѣ, и въ революціонныхъ собраніяхъ и кружкахъ; намъ были приписаны такія мысли, сторонниками которыхъ мы никогда не могли бы быть, съ нашими построеніями связали такіе выводы, противъ которыхъ мы первые всегда бы сочли нужнымъ вести энергичную борьбу. Кто виноватъ въ этомъ? Вдумываясь въ полемику и въ собственную брошюру, мы не можемъ сказать, чтобы наши противники были совершенно неправы: нѣтъ есть вещи — и очень существенныя, — въ которыхъ они безусловно правы. Мы сами подали поводъ къ крайне нежелательнымъ истолкованіямъ нашихъ мыслей и, слѣдовательно, сами — беря вопросъ съ другой стороны, — способствовали распространенію ихъ въ ложномъ свѣтѣ, и, по скольку это могло оказаться вреднымъ при рѣшеніи вопросовъ молодежью, постольку намъ приходится взять на себя отвѣтственность за причиненный вредъ, Объяснимся.

„Въ предисловіи ко 2-му изданію „Возрожденія“, охарактеризовавши моментъ, въ который писалась брошюра, мы говоримъ: если бы намъ пришлось писать ее теперь, мы не написали бы ее такъ, какъ тогда“.

„Начнемъ съ того, что по общей структурѣ брошюры терроръ никакимъ образомъ не долженъ

былъ занять въ ней отдѣла. Дѣятельность въ рабочемъ классѣ, дѣятельность въ крестьянскихъ массахъ, дѣятельность въ средѣ учащейся молодежи — таковы отдѣлы брошюры. Это все извѣстныя сферы, въ связи съ которыми стоитъ вопросъ о выработкѣ и примѣненіи тѣхъ или иныхъ средствъ борьбы".

„По нашему глубокому убѣжденію, заниматься пропагандой терроризма, чтобы вызвать его появленіе, съ одной стороны, безплодное дѣло, а съ другой — вредное. Безплодное оно потому, что не только серьезнаго террористическаго теченія, но и даже серьезнаго единоличнаго акта нельзя вызвать никакой горой печатной бумаги.

„Эксцитативная роль террора по отношенію къ интеллигенціи у насъ разраслась не только вширь, легши своею тѣнью на рабочій классъ, но такъ сказать, и вдоль.

„Та необходимость эксцитативнаго удара, которая чувствовалась въ данный моментъ, была обобщена безъ всякихъ оговорокъ въ эксцитативное значеніе террора для неопредѣленно-длительнаго будущаго. Это, несомнѣнно, наша ошибка".

„Но мы имѣемъ дѣло со средою, постоянно развивающей жизнь, движеніе, борьбу, и эта среда, полная своей активностью, нуждается не въ возбужденіяхъ, а въ матеріалѣ для переработки его своей мыслью. И этимъ матеріаломъ и въ то же время, если хотите, возбужденіемъ является все—положительно всѣ факты политической борьбы. Если это такъ, то нѣтъ никакой нужды выдѣлять особо значеніе террористическихъ фактовъ для рабочей среды, нѣтъ никакой возможности приписывать имъ спеціально эксцитативное значеніе. Мало

того, надо сказать еще вотъ что: тамъ, гдѣ къ совершеннымъ террористическимъ фактамъ проявляется въ рабочей средѣ не только интересъ, но гдѣ они возымѣли и эксцитативное спеціальное воздѣйствіе, тамъ это воздѣйствіе имѣетъ отрицательные результаты. Рабочіе начинаютъ ставить передъ собой вопросъ объ убійствѣ шпіоновъ, кровавой расправѣ съ мастерами и т. д. Развивается крайне нежелательное и вредное — за исключеніемъ особыхъ, отдѣльныхъ случаевъ — тяготѣніе къ фабричному террору".

„Мы не можемъ подчеркнуть эксцитативнаго значенія террора для интеллигенціи такъ, какъ въ то время, когда мы писали „Возрожденіе". Мы просимъ вспомнить цитированныя нами мѣста изъ брошюры, съ одной стороны, о томъ, что ростъ политическаго рабочаго движенія еще не настолько даетъ о себѣ знать, чтобы поднять дѣйственное настроеніе интеллигенціи, а съ другой стороны — о томъ, что эксцитативная роль террора кончается тамъ, гдѣ начинается усиленная агитація въ массахъ. Рабочее движеніе успѣло за это время проявить себя грандіознѣйшими фактами — и если эти факты не въ состояніи подѣйствовать эксцитативно на интеллигенцію, то о соотвѣтственномъ воздѣйствіи террора нѣтъ смысла и говорить... Если бы пришлось его противопоставить эффектамъ рабочаго движенія и на его сторонѣ оказались бы преимущества для интеллигенціи, тутъ мы имѣли бы несомнѣнное свидѣтельство ея разрыва съ рабочимъ движеніемъ, ея тяготѣнія къ партизанской борьбѣ... Разъ ея усиленная агитація въ массахъ не начинается послѣ свершившихся крупнѣйшихъ демонстрацій рабочаго движенія, — къ ней нельзя

дать толчка никакимъ террористическимъ ударомъ. Начатый съ этой цѣлью терроръ, скоро же, на полпути увидѣвъ всю невѣрность своихъ разсчетовъ, отброситъ ихъ прочь, но не будучи въ силахъ остановиться, пойдетъ дальше „устрашать“ „созидать“, „агитировать“ и дойдетъ вплотную до безплоднаго цареубійства „авангардомъ“ безъ арміи, дойдетъ до него, чтобы потомъ остановиться и не знать, что дѣлать, ибо и дѣйствительно авангарду — если онъ не сгибнетъ — будетъ дѣлать нечего, кромѣ того, какъ опять „плести заговоръ“... Если выстрѣлъ Карповича въ свое время имѣлъ несомнѣнное эксцитативное дѣйствіе, если въ цѣпи событій найдется еще такое положеніе вещей, когда наилучшимъ выходомъ изъ него будетъ новый выстрѣлъ новаго Карповича, то, вообще говоря, всѣ обстоятельства теперь таковы, что приходится думать не объ эксцитаціи террористическими ударами, разъ замѣчается ослабленіе энергіи, притупленность воспріятій, вялость чувствъ интеллигенціи. Тутъ ужъ надо искать другихъ средствъ, находить иные исходы“.

Прокуроръ Шютце: Противъ этого пункта я указываю на слѣдующее мѣсто:

„Перейдемъ къ изложенію и аргументаціи нашихъ взглядовъ на терроръ. Въ сущности слѣдуетъ выразиться точнѣе: нашихъ взглядовъ на политическія убійства. Нужны ли они въ современной борьбѣ пролетаріата съ царскимъ правительствомъ? На нашъ взглядъ отвѣтъ можетъ быть только одинъ: утвердительный. И что онъ долженъ быть именно такимъ, это очень не дурно доказывается и мнѣніями противниковъ „террора“.

Далѣе слѣдуетъ выраженіе изъ рѣчи Плеха-

нова, сказанной имъ въ Женевѣ и приводимой Надеждинымъ: „въ каждомъ изъ насъ, соціалдемократовъ, сидитъ и долженъ сидѣть террористъ à la Робеспьеръ“, и, комментируя эту мысль, онъ прибавилъ: „я самъ террористъ въ душѣ, но предпочитаю, чтобы Николай II умеръ не отъ пули, а на Казанской площади на эшафотѣ“.

Прокуроръ Шютце *(тріумфируя)*: это мѣсто находится также въ переводѣ консула. — Защ. Либкнехтъ: Нужно обратить вниманіе на то, что это мѣсто, которое между прочимъ гласитъ совершенно иначе, нежели въ переводѣ консула, принадлежитъ вовсе не Надеждину. Господинъ консулъ не сказалъ намъ, что противъ этого мѣста ведется рѣзкая полемика и что эта цитата изъ Плеханова, достовѣрность которой мы между прочимъ энергично оспариваемъ, отвергается разсужденіями Надеждина. Въ этомъ какъ разъ и заключается самая большая неправильность консульскаго перевода“.

Въ самомъ дѣлѣ д-ръ Ростъ констатируетъ, что авторъ прибавляетъ къ этой цитатѣ слѣдующія замѣчанія:

„По правдѣ сказать, мы не только ни о какомъ „предпочтеніи“ не думаемъ, но даже и вообще о смерти Николая II. Въ 1848 году Людовику-Филиппу, когда пролетаріатъ одержалъ побѣду, удалось уѣхать изъ Парижа въ наемномъ фіакрѣ съ той самой площади, на которой былъ казненъ его отецъ, и изъ толпы народа побѣдителя въ него не полетѣло ни одного камня, народъ былъ такъ благодушенъ, что одна изъ принцессъ нашла даже происшедшее „занятнымъ“, разнообразіемъ въ придворной жизни... Уѣдетъ-ли Николай II въ каретѣ съ Казанской площади или

Семеновскаго плаца, увезутъ-ли его въ телегѣ съ грязнымъ бѣльемъ, какъ увезли когда-то одного изъ главарей реакціи во время революціи, или убѣжитъ онъ въ женскомъ платьѣ, какъ убѣжалъ другой магистръ мракобѣсія — это насъ очень мало интересуетъ: исторія сама опредѣлитъ на царскую долю эшафотъ Людовика XVI или юбку Гизо — это дѣло будущаго".

Либкнехтъ: Авторъ выводитъ изъ этого, что въ качествѣ боевого средства терроризмъ безсмысленъ. Къ чему говорить о терроризмѣ, если— такъ говоритъ Надеждинъ—хорошо организованному рабочему классу остается стукнуть только молотомъ по трону и коронѣ, и они разлетятся въ щепки. Д-ръ Ростъ: Да, но съ другой стороны приводится, что политическія убійства совершенно излишни, если народъ раньше достигнетъ власти. „Бѣшенныхъ собакъ убиваютъ и убиваютъ тогда, когда онѣ грызутъ людей, а не послѣ того, какъ онѣ, наткнувшись на колъ, сами пропарываютъ себѣ животъ". Но такъ какъ народъ еще не достигъ власти, и такъ какъ въ настоящее время мы имѣемъ дѣло съ режимомъ бѣшенства, то слѣдовательно, нельзя также еще отказаться отъ террора. Далѣе авторъ продолжаетъ:

„Представители такого режима въ своихъ кровавыхъ и гнусныхъ актахъ не могутъ оставаться безнаказанными, ихъ нельзя держать живыми на русской землѣ — они дошли до такого неистовства, что не только Рабочей Партіи долгъ убирать ихъ вонъ, но скоро и всякій прохожій сочтетъ это своею обязанностью. Дикая и дерзкая реакція должна платить за себя своими Валями и Богдановичами. Отвѣчать политическими убійствами въ

случаяхъ пòрокъ и кровавыхъ побоищъ мы должны даже внѣ всякой мысли о новыхъ политическихъ прибыляхъ для движенія. Какимъ бы холоднымъ расчетомъ ни руководилась Партія, но за свое безчестье, за поруганіе надъ народомъ она должна платить также, какъ платитъ отдѣльный человѣкъ, возмущенный и оскорбленный до глубины души".

„Если мы не будемъ отвѣчать политическими убійствами на разгулъ правительственной реакціи, если мы будемъ подавлять въ себѣ чувство немедленной расплаты, самое естественное при азіатскихъ условіяхъ жизни — это въ концѣ концовъ приведетъ къ пониженію нравственнаго уровня революціонеровъ, къ притупленному, доктринерскому отношенію къ дѣйствительности".

Либкнехтъ: Въ общемъ, я полагаю, взгляды Надеждина можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: онъ исходитъ съ точки зрѣнія эксцитативнаго террора и приходитъ къ защитѣ чести посредствомъ политическаго убійства. Насиліе является для него не какъ особое боевое средство, а какъ средство защиты противъ моральнаго униженія. Очевидно, именно это думаетъ Надеждинъ, приводя стихи Генкеля:

Wir sind die Vandalen der Milde
Wir sind die Barbaren des Rechts,
Wir führen die Freiheit im Schilde,
Die Freiheit des Menschengeschlechts.

Защ. Шварцъ: Г-нъ прокуроръ нѣсколько разъ коснулся перевода, сдѣланнаго консуломъ. Гдѣ находится слѣдующее приводимое имъ мѣсто: „Объединеніе соціалистовъ-революціонеровъ въ центральномъ комитетѣ должно поставить себѣ цѣлью пропаганду революціи среди русскихъ лю-

дей, посредствомъ террора оно должно достигнуть переворота и произнести смертный приговоръ надъ тѣми людьми, которыхъ онъ (комитетъ) осудитъ"? Это должно находиться на 37 стр. Находится-ли тамъ нѣчто подобное? — Д-ръ Ростъ: я нахожу лишь указаніе на основаніе центральнаго комитета. Другой фразы я не нахожу. — Д-ръ Баллодъ находитъ якобы такое мѣсто на слѣдующей страницѣ, о которой возникаетъ продолжительный разговоръ.

Судъ переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію сочиненій Владиміра Бурцева и начинаетъ съ брошюры „Долой царя" (1901, Лондонъ), отпечатанной также тремя отдѣльными оттисками. На обложкѣ этой брошюры эпиграфъ: „Ecrasser l'infame" Вольтера и знаменитый отрывокъ изъ знаменитой защитительной рѣчи Желябова:

„Если Вы г.г. судьи, взглянете въ отчеты о политическихъ процессахъ, въ эту открытую книгу бытія, то вы увидите, что русскіе народолюбцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами, что въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная, и, если она прошла, то не мы тому виною".

Первый оттискъ: „отъ издателей „Народовольца" рисуетъ тѣ обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ партія „Народной Воли" была оттѣснена на задній планъ, затѣмъ какъ въ 90-хъ г.г. узкоограниченная программа соціалдемократіи превратила революціонную борьбу въ Россіи въ почти исключительно экономическое движеніе и исключила терроръ и какъ впослѣдствіи, съ 98 г., подъ давленіемъ обстоятельствъ стали появляться новые голоса, проповѣдывавшіе терроръ въ „Народовольцѣ", „Наканунѣ" и другихъ изданіяхъ.

Издатели высказываются за терроръ, формулируя свое отношеніе къ нему въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Политическій терроръ долженъ стать доминирующимъ факторомъ при установленіи отношеній между группами, признавшими его важное значеніе. Всѣ защитники политическаго террора должны, независимо отъ разногласій по другимъ вопросамъ, чувствовать себя членами одной семьи и тѣмъ или инымъ путемъ объединиться въ лигу политическаго террора".

Въ другомъ мѣстѣ обсуждается статья „Революціонной Россіи" о террорѣ, въ которой сказано, что можно удовольствоваться ролью повивальной бабки при рожденіи россійской свободы, если при тяжелыхъ родахъ можно будетъ прибѣгнуть къ „кесаревому сѣченію" (sectio caesarea). Издатели дѣлаютъ при этомъ такое замѣчаніе: „Мысль о sectio caesarea правильна. Уже въ евангеліи сказано: отдайте кесарю кесарево". Но мы не можемъ не замѣтить, что мысль эта въ „Револ. Россіи" брошена такъ сказать случайно или преднамѣренно выражена въ такой неясной формѣ. Это прискорбно; ибо гдѣ нѣтъ ясности въ выраженіи мыслей, тамъ нѣтъ и твердой рѣшимости достигнуть своей цѣли". Далѣе сказано: „Ни время ни борьба современныхъ террористовъ не вознаградятъ ихъ за потери, которыя они понесутъ, если они откажутся отъ наслѣдства, оставшееся имъ отъ ихъ предшественниковъ, отъ „народовольцевъ".

При обсужденіи убійства министра Сипягина говорится о Балмашевѣ, что имя его останется святымъ для всякаго честнаго русскаго человѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ русскіе революціонеры признаютъ его героемъ. Мы же прибавляемъ еще:

Балмашевъ не только герой; онъ превосходный общественный дѣятель новѣйшей русской исторіи и имя его будетъ всегда стоять рядомъ съ именами Желябова, Перовской, Халтурина, Карповича.

Въ другой статьѣ, озаглавленной „къ вопросу что дѣлать?“ дается обзоръ развитія рус. революціоннаго движенія съ 1880 г. Въ введеніи говорится: „Александръ III благополучно процарствовалъ цѣлыхъ 14 лѣтъ, а теперь, вотъ уже 7 лѣтъ какъ властуетъ не менѣе беззаботно Николай II — и это въ то время, какъ реакція, повидимому, должна была вызвать противъ себя сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны революціонеровъ и направить ихъ боевыя программы къ одному пункту: убійству царя, а если необходимо, то и цѣлому ряду цареубійствъ и къ систематическому террору“. Въ концѣ статьи слѣдуетъ призывъ къ образованію организацій, которыя смогли бы вызвать къ жизни партію „Народной Воли“.

Въ слѣдующей статьѣ, носящей названіе: „Правда-ли, что терроръ дѣлаютъ, но о террорѣ не говорятъ?“ Бурцевъ говоритъ:

„Возобновленіе террористической борьбы въ Россіи, по нашему мнѣнію, является теперь не только наиболѣе настоятельной потребностью революціоннаго движенія, но и его неизбѣжнымъ условіемъ“.

Далѣе онъ приводитъ цитату изъ одной статьи Степняка-Кравчинскаго, въ которой послѣдній говоритъ:

„Я принадлежу къ разряду болѣе мирныхъ „постепеновцевъ“ въ вопросѣ собственно переустройства политическаго строя. Я очень желалъ бы, чтобы это произошло возможно мирно и, съ

своей стороны, всегда бы одобрилъ принятіе мирныхъ условій со стороны предержащей власти, если только эти условія заключаютъ въ себѣ отреченіе отъ самодержавной власти и народное представительство, хотя бы и плохенькое, но имѣющее право на самоулучшеніе посредствомъ легальной агитаціи и выборовъ. Но на такую уступку надеждъ никакихъ не питаю, а потому, практически, надѣюсь на политическій терроръ и политическіе военные заговоры, когда оные будутъ возможны, вообще на насильственныя дѣйствія". По поводу этой цитаты Бурцевъ замѣчаетъ:

„Въ хаосѣ отзывовъ, какіе дошли до насъ по поводу 1-го № „Народовольца" были, между прочимъ, и упреки въ томъ, что говоря о необходимости террора, мы, не ограничившись своей формулировкой, привели слова Степняка: „Мы революціонеры не только до прямого народнаго возстанія, но до военныхъ заговоровъ, до ночныхъ вторженій во дворецъ до бомбъ и динамита". Намъ кажется, не трудно понять, почему мы ссылаемся именно на Степняка. Его біографія — блестящая страница въ исторіи террористическаго движенія. Степнякъ — одинъ изъ самыхъ сильныхъ и симпатичныхъ революціонеровъ, съ какими намъ приходилось сталкиваться. Его мнѣнія для насъ дороги, и мы очень рады, когда наши отношенія къ извѣстнымъ революціоннымъ вопросамъ совпадаютъ съ его взглядами".

„Мы будемъ первыми, кто выскажется за полное прекращеніе террористической борьбы, разъ только правительство честно захочетъ отказаться отъ нынѣшней своей разбойничьей политики. Мы теперь за терроръ не потому, что онъ намъ нра-

вится, а единственно потому, что, по нашему мнѣнію, въ настоящее время нѣтъ другихъ средствъ борьбы съ правительствомъ, которыя могли бы — безъ помощи террора — заставить его пойти на уступки. Когда въ Россіи будетъ возможна честная, увѣренная въ себѣ политика, независимая ни отъ какихъ Побѣдоносцевыхъ, хотя бы такая, какая начиналась подъ давленіемъ революціонеровъ при Лорисъ-Меликовѣ, и будетъ открыто заявлено, съ достаточными гарантіями, о наступленіи новой эры свободнаго развитія, мы тоже, подобно Степняку, „одобримъ принятіе мирныхъ условій, и будемъ тогда противъ террора такъ-же, какъ мы и теперь противъ него въ свободныхъ странахъ.“

„Мы считаемъ необходимыми условіями успѣшной политической борьбы: свободу печати, сходокъ, личности. При наличности этихъ условій мы и безъ террора дойдемъ до всѣхъ своихъ завѣтныхъ идеаловъ“.

Далѣе г. Бурцевъ рисуетъ будущій ходъ вещей, въ значительной мѣрѣ уже оправданный исторіей, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Если будетъ создана необходимая атмосфера среди революціонеровъ и общества, ничто не помѣшаетъ возникновенію такой террористической борьбы, какая была въ 1879 году и даже въ большихъ размѣрахъ. Одна половина этой задачи съ излишней роскошью выполнена уже Николаемъ II, о второй должны позаботиться сами революціонеры“.

По прочтеніи этихъ и нѣкоторыхъ другихъ отрывковъ изъ бурцевскихъ сочиненій, председатель спрашиваетъ у эксперта д-ра Роста о лич-

ности Степняка-Кравчинскаго и получаетъ въ отвѣтъ, что Степнякъ — убійца генерала Мезенцева и соредакторъ бурцевскаго сборника: „За сто лѣтъ (1800—1896). Сборникъ по исторіи политическихъ и общественныхъ движеній въ Россіи".

На этомъ кончается въ этотъ день анализъ литературы.

Предсѣдатель: Получилась телеграмма отъ судебнаго слѣдователя въ Ригѣ. Такъ какъ было высказано пожеланіе отказаться отъ допроса Скубика, то телеграмма, повидимому, не представляетъ больше никакого интереса *(намѣревается отложить телеграмму въ сторону)*. — Защита настаиваетъ, однако, на прочтеніи, и предсѣдатель, медленно и съ недовольнымъ видомъ говоритъ, что телеграмма отвѣчаетъ на сдѣланный запросъ въ томъ смыслѣ, что допросъ Скубика назначенъ въ Ригѣ на 5-е августа, 1904 г., въ 10 часовъ утра. Защитникамъ не разрѣшается присутствіе при допросѣ; обвиняемые же наоборотъ такое разрѣшеніе могутъ при желаніи получить. *(Продолжительное ироническое веселье)*.

Девятый день.

Экспертъ д-ръ Ростъ сообщаетъ свѣдѣнія относительно участія въ покушеніяхъ нѣкоторыхъ лицъ, одобрительно упомянутыхъ у Бурцева. Свои свѣдѣнія онъ черпаетъ изъ своихъ собственныхъ воспоминаній о пребываніи своемъ въ Россіи во время покушенія на Александра II, а также изъ тѣхъ сочиненій, которыя ему пришлось прочесть во время процесса. — Либкнехтъ требуетъ, чтобы были изслѣдованы также причины покушеній, и

судъ выражаетъ на это свое согласіе. — Д-ръ Ростъ: Степнякъ-Кравчинскій убилъ въ 1878 шефа жандармовъ Мезенцева, котораго очень не любили за его строгія мѣры противъ революціоннаго движенія; мотивъ неизвѣстенъ (?). Кіевскій студентъ Балмашевъ убилъ 2 апрѣля 1902 г. министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина. Не выяснилось, дѣйствовалъ ли Балмашевъ по порученію какой нибудь боевой организаціи или же по собственному почину. Убитый министръ считался однимъ изъ столповъ реакціи. Желябовъ участвовалъ непосредственно въ цѣломъ рядѣ покушеній на Александра II и посредственно виновенъ въ убіеніи императора. Товарищъ Желябова, Халтуринъ былъ главнымъ дѣятелемъ при взрывѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, происшедшемъ 5 февраля 1880 г. Восемнадцатаго марта 1882 онъ убилъ одного прокурора. Перовская участвовала во многихъ покушеніяхъ на Александра II. Гриневицкій былъ однимъ изъ участниковъ въ покушеніи 1 марта 1881 г. Всѣ эти покушенія — слѣдствіе недовольства строгими мѣрами, принятыми правительствомъ для подавленія всякаго свободнаго движенія. Карповичъ убилъ въ 1901 году министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова, вслѣдствіе того, что послѣдній былъ виновенъ въ изданіи указа относительно отдачи студентовъ въ солдаты. Лаговской покушался 8 марта 1901 г. на жизнь Побѣдоносцева, а Леккертъ на жизнь виленскаго губернатора фонъ-Валя, виновнаго въ тѣлесномъ истязаніи крестьянъ (?)“. . .

Вслѣдствіе того, что г. Ростъ не въ состояніи дать болѣе подробныхъ указаній относительно причинъ помянутыхъ покушеній, свидѣтель Бух-

гольцъ показываетъ по просьбѣ Либкнехта слѣд.: „Мои свѣдѣнія, говоритъ онъ, относительно покушеній и ихъ причинъ я черпаю отчасти изъ тѣхъ-же источниковъ, что и д-ръ Ростъ, отчасти же изъ цѣлаго ряда другихъ, не только нелегальныхъ, но и легальныхъ русскихъ произведеній. Начало террористическихъ актовъ конца 70-хъ и начала 80-хъ гг. нельзя свести къ литературной пропагандѣ терроризма. Введеніемъ къ нимъ послужилъ выстрѣлъ Вѣры Засуличъ, который былъ вызванъ однимъ мѣропріятіемъ петербургскаго градоначальника Трепова, вызвавшемъ большое волненіе во всей Россіи. Треповъ приказалъ высѣчь одного находящагося подъ слѣдствіемъ политическаго арестанта (Боголюбова) за то, что послѣдній при встрѣчѣ съ нимъ, Треповымъ, не поклонился ему. Нѣсколько человѣкъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи готовились отомстить за истязаніе Боголюбова. Вѣра Засуличъ предупредила ихъ, выстрѣливъ въ Трепова и ранивъ его. Ее предали суду присяжныхъ. Во время разбирательства — въ то время политическіе процессы разбирались при открытыхъ дверяхъ — было установлено, что Треповъ приказалъ высѣчь Боголюбова и Засуличъ была оправдана. Жандармерія сдѣлала было попытку арестовать ее при выходѣ изъ зданія суда, но товарищи спрятали ее и отправили потомъ заграницу, гдѣ она впослѣдствіи стала соціалдемократкой. — Либкнехтъ: Что можете Вы сообщить намъ относительно покушенія, произведеннаго Степнякомъ? — Бухгольцъ: Полгода спустя послѣ выстрѣла Засуличъ, Кравчинскій убилъ генерала Мезенцева. Въ качествѣ начальника политической полиціи послѣдняго во всей Россіи счи-

тали отвѣтственнымъ за всѣ насилія противъ политическихъ арестантовъ. Послѣ побѣга своего заграницу Кравчинскій очень много писалъ подъ псевдонимомъ „Степнякъ“. Его сочиненія появились на различныхъ европейскихъ языкахъ и его очень цѣнили, какъ писателя. Замѣчу кстати, что сотрудничество Степняка при составленіи бурцевскаго историческаго сборника было чисто литературнаго (редакціоннаго) характера и нельзя заключать изъ этого факта объ ихъ взаимной политической дѣятельности. — Либкнехтъ: Что Вы можете сказать относительно покушеній Желябова и другихъ лицъ на жизнь Александра II? — Бухгольцъ: Въ своей защитительной рѣчи Желябовъ разсказываетъ, что онъ и его друзья вначалѣ занимались мирной пропагандой соціалистическихъ идей. Лишь вслѣдствіе преслѣдованій правительства, сдѣлавшихъ невозможной такую пропаганду, они стали на путь террористической борьбы. — Либкнехтъ: Какъ обстоитъ дѣло съ покушеніемъ Карповича? — Бухгольцъ: Послѣ продолжительнаго перерыва, выстрѣломъ Карповича въ министра Боголѣпова была открыта новая эра террористическихъ покушеній. Слѣдуетъ отмѣтить и здѣсь, что толчкомъ къ этому поступку послужила не террористическая пропаганда въ литературѣ, а опять таки поведеніе правительства, вызвавшаго въ странѣ большое возбужденіе своимъ распоряженіемъ относительно отдачи студентовъ въ солдаты.

„8 февраля, въ годовщину основанія петербургскаго университета, устраивается обычно въ актовой залѣ университета торжественный актъ. Нѣсколько дней передъ 8 февраля 1899 г. ректоръ

Сергѣевичъ посредствомъ объявленія сдѣлалъ предостереженіе студентамъ относительно безчинствъ въ общественныхъ мѣстахъ въ пьяномъ видѣ и обратилъ вниманіе на тѣ наказанія, которыя возлагаются за такія проступки. Студенты почувствовали себя оскорбленными этимъ объявленіемъ и постановили освистать ректора при появленіи его во время акта. Такъ и было сдѣлано; ректоръ не былъ въ состояніи слова сказать вслѣдствіе поднявшагося шума. Когда онъ ушелъ, студенты успокоились и, по окончаніи акта, намѣревались спокойно разойтись. У дворцоваго моста они, однако, увидѣли, что путь далѣе загражденъ и вслѣдствіе этого направились большими массами къ Николаевскому мосту. Въ это время на нихъ вдругъ напали конные городовые и стали бить нагайками. Это вызвало среди студенчества громадное возбужденіе. Студенты постановили требовать наказанія того полицейскаго офицера, по приказу котораго было сдѣлано нападеніе и гарантій въ томъ, что въ будущемъ такія происшествія больше не повторятся. Для поддержанія своихъ требованій они постановили устроить забастовку, т. е. не посѣщать болѣе лекцій. Въ теченіе ближайшихъ дней почти всѣ высшія учебныя заведенія Петербурга рѣшили устроить забастовку, а вслѣдъ за Петербургомъ пошли почти всѣ высшія учебныя заведенія всей Россіи. Произошли многочисленные аресты и высылки. Вся образованная Россія пришла въ сильное волненіе. Даже тогдашній министръ финансовъ Витте составилъ докладную записку, въ которой онъ все движеніе приписывалъ безтактности полицейскихъ чиновъ. Царь поручилъ бывшему военному мини-

стру Ванновскому сдѣлать тщательное разслѣдованіе всего этого дѣла; послѣдній также нашелъ виновной полицію. Повсюду ожидалось, что полицейскіе чиновники будутъ наказаны и что будутъ приняты мѣры къ предотвращенію въ будущемъ полицейскаго произвола. Вмѣсто этого появилось распоряженіе: если въ будущемъ опять произойдутъ студенческіе безпорядки, то виновные въ томъ, независимо отъ ихъ пригодности, будутъ на неопредѣленное время зачислены въ войска.

„Зимою 1900/901 гг. въ Кіевѣ опять произошли безпорядки, которые имѣли послѣдствіемъ зачисленіе значительнаго числа кіевскихъ студентовъ въ войска. Ихъ разослали въ различные небольшіе гарнизоны. Вскорѣ распространился слухъ, что вслѣдствіе какихъ-то конфликтовъ съ начальствомъ, нѣкоторые изъ нихъ разстрѣляны. Слухъ оказался впослѣдствіи невѣрнымъ, но вначалѣ всѣ вѣрили, ибо при отсутствіи свободы печати долгое время нельзя было провѣрить его. Подъ впечатлѣніемъ этого слуха Карповичъ — который учился тогда въ Берлинѣ, — рѣшился отправиться въ Петербургъ и убить министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова. Изъ петербургской тюрьмы ему удалось послать своимъ друзьямъ заграницей письмо, въ которомъ онъ проситъ извиненія за то, что никому изъ нихъ не сообщилъ о своемъ намѣреніи.

„Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ поступка Карповича рѣшился Лаговской предпринять покушеніе на Побѣдоносцева — руководителя духовнаго вѣдомства. Побѣдоносцева всѣ считали человѣкомъ, который имѣлъ громадное вліяніе на Александра III. Передъ своей кончиною Александръ II былъ

готовъ подписать т. н. лорисъ-меликовскую конституцію, т. е. онъ желалъ учредить постоянный институтъ изъ выборныхъ представителей населенія, правда, лишь съ совѣщательнымъ голосомъ. Предполагаютъ, что Побѣдоносцевъ отсовѣтовзлъ Александру III проведеніе этой реформы и его считаютъ авторомъ манифеста, въ которомъ Александръ III выразилъ свою волю неуклонно сохранять самодержавный режимъ.

„Послѣ смерти Боголѣпова правила относительно отдачи студентовъ въ солдаты за участіе въ безпорядкахъ было отмѣнено, а Ванновскій сталъ преемникомъ покойнаго министра. Царь издалъ рескриптъ на имя новаго министра, въ которомъ онъ говорилъ, что съ учащейся молодежью слѣдуетъ обращаться съ „сердечнымъ попеченіемъ“. Вслѣдствіе этого въ Россіи говорили, что наступила „эра сердечнаго попеченія“. Однако радость была непродолжительна. Вмѣсто того, чтобы ввести академическую свободу по западно-европейскому образцу, Ванновскій началъ свою дѣятельность усиленіемъ ограниченій для учащихся евреевъ. Вскорѣ еще изъ ряда другихъ мѣропріятій всѣмъ стало ясно, что ничего не измѣнилось, и студенчество, а также и рабочіе устроили рядъ уличныхъ демонстрацій. Правительство опять прибѣгло къ нагайкамъ, а Сипягинъ распорядился, чтобы войска, въ случаѣ повторенія демонстрацій, стрѣляли въ демонстрантовъ. Въ то же время онъ запретилъ всякую частную помощь голодающимъ крестьянамъ. Слѣдствіемъ этого было убійство его бывшимъ студентомъ Кіевскаго университета Балмашевымъ.

„Толчкомъ къ покушенію Леккерта послужило слѣдующее. Перваго мая 1902 г. была сдѣлана

въ Вильнѣ попытка устроить демонстрацію. Полиція приняла широкія мѣры и вслѣдствіе этого участниковъ въ демонстраціи было немного. Небольшая группа демонстрантовъ восклицала „долой самодержавіе“ и развернула красное знамя. Начались аресты. Въ тотъ же вечеръ, въ театрѣ были разбросаны билетики съ надписью: „поздравляемъ съ 1 мая“. Обычно такія демонстраціи кончались тѣмъ, что часть демонстрантовъ выпускалась на волю, часть же задерживалась для того, чтобы потомъ подвергнуться тюремному заключенію или ссылкѣ. На этотъ разъ, однако, губернаторъ фонъ-Валь лично явился въ тюрьму, собралъ всѣхъ арестованныхъ и сказалъ: „для васъ у меня есть нѣчто совершенно особенное“. Послѣ этого всѣ арестованные, даже тѣ, которые случайно были на улицѣ и вовсе не принимали участія въ демонстраціи, были раздѣты и получили каждый около 30 ударовъ розгой. Кто послѣ первыхъ десяти ударовъ падалъ въ обморокъ, того оставляли на время, пока онъ приходилъ въ себя. Даже тюремные надзиратели и тѣ не могли выдержать душу раздирающаго крика истязуемыхъ. Валь же говорилъ: „поздравляю съ 1 мая“. — Либкнехтъ: Я позволю себѣ попросить прочесть упомянутое письмо Карповича; это захватывающій душу документъ относительно состоянія души и мотивовъ Карповича. — Пр. *(нетерпѣливо)*: мнѣ кажется, что это поведетъ насъ очень далеко. — Либкнехтъ: не можетъ ли свидѣтель сообщить намъ для объясненія хода мысли Бурцева тѣ факты, которые были приведены на его процессѣ въ Лондонѣ? — Бухгольцъ: въ защитительной рѣчи, сказанной лордомъ Кольриджемъ въ защиту Бурцева, онъ

указалъ между прочимъ на исторію съ Сигидой, которая имѣла мѣсто на карійскомъ рудникѣ въ 80-хъ годахъ, когда Бурцевъ былъ въ Сибири. Чтобы достигнуть перемѣщенія начальника каторжной тюрьмы, госпожа Сигида ударила его по лицу, — за что могла ожидать смертной казни. Вмѣсто того она была присуждена къ 100 ударамъ розгами и это наказаніе было приведено въ исполненіе въ присутствіи одного изъ высшихъ тюремныхъ чиновниковъ. Нѣсколько дней спустя Сигида умерла. Заключенные протестовали посредствомъ покушеній на самоубійство. Однако, они могли добыть лишь слабый ядъ и вслѣдствіе этого нѣкоторые до трехъ разъ пытались отравить себя. Въ своей книгѣ о Сибири Дейчъ захватывающимъ образомъ изображаетъ сцены прощанія съ жизнью и друзьями, повторявшіяся нѣсколько разъ подрядъ. Двое мужчинъ и три женщины обрѣли желанную смерть.

Относительно повода къ покушенію Качуры на князя Оболенскаго, нынѣшняго генералъ-губернатора Финляндіи, я могу сообщить слѣдующее. Подъ руководствомъ князя были подавлены крестьянскіе безпорядки въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ. Крестьянъ сѣкли розгами, а жены ихъ во множествѣ случаевъ подвергались насилію со стороны солдатъ. Одинъ изъ подчиненныхъ Оболенскому офицеровъ, имени котораго я сейчасъ не припомню — оно, однако, сообщено „Освобожденіемъ“, которое особенно осторожно относится къ корреспонденціямъ — сказалъ солдатамъ: „вы справились съ мужьями, теперь примитесь за женъ“.

Защитникъ Либкнехтъ проситъ прочесть изъ сборника „за сто лѣтъ“: 1. Письмо исполнительнаго комитета Народной Воли къ Александру III и 2. Заявленіе исполнительнаго комитета по поводу убійства Гарфильда*). Первый документъ гласитъ: „Ваше Величество! Вполнѣ понимая то тягостное настроеніе, которое Вы испытываете въ настоящія минуты, Исполнительный Комитетъ не считаетъ однако себя вправѣ поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, можетъ быть, для нижеслѣдующаго объсненія выждать нѣкоторое время. Есть нѣчто высшее, чѣмъ самыя законныя чувства человѣка: это долгъ передъ родной страной, долгъ, которому гражданинъ принужденъ жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами другихъ людей. Повинуясь этой всесильной обязанности, мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ немедленно, ничего не выжидая, такъ какъ не ждетъ тотъ историческій процессъ, который грозитъ намъ въ будущемъ рѣками крови и самыми тяжелыми потрясеніями.

„Кровавая трагедія, разыгравшаяся на Екатерининскомъ каналѣ, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. Послѣ всего происшедшаго въ теченіе послѣдняго десятилѣтія она являлась совершенно неизбѣжной, и въ этомъ ея глубокій смыслъ, который обязанъ понять человѣкъ, поставленный судьбою во главѣ правитель-

*) Для многихъ читателей будетъ, вѣроятно, не безынтересно узнать, что замѣчательное письмо исполнительнаго комитета приписывается перу покойнаго Михайловскаго. Кат.

ственной власти. Объяснять подобные факты злоумышленіемъ отдѣльныхъ личностей или хотя бы „шайки“ можетъ только человѣкъ, совершенно неспособный анализировать жизнь народовъ. Въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ мы видимъ, какъ у насъ, несмотря на самыя строгія преслѣдованія, несмотря на то, что правительство покойнаго императора жертвовало всѣмъ — свободой, интересами всѣхъ классовъ, интересами промышленности и даже собственнымъ достоинствомъ — безусловно всѣмъ жертвовало для подавленія революціоннаго движенія, оно все-таки упорно разросталось, привлекая къ себѣ лучшіе элементы страны, самыхъ энергичныхъ и самоотверженныхъ людей Россіи, и вотъ уже три года вступило въ отчаянную партизанскую войну съ правительствомъ. Вы знаете, Ваше Величество, что правительство покойнаго императора нельзя обвинять въ недостаткѣ энергіи. У насъ вѣшали праваго и виноватаго, тюрьмы и отдаленныя губерніи переполнялись ссыльными. Цѣлые десятки такъ называемыхъ „вожаковъ“ переловлены, перевѣшаны: они гибли съ мужествомъ и спокойствіемъ мучениковъ, но движеніе не прекращалось, оно безостановочно росло и крѣпло. Да, Ваше Величество, революціонное движеніе не такое дѣло, которое зависитъ отъ отдѣльныхъ личностей. Это процессъ народнаго организма, и висѣлицы, воздвигаемыя для наиболѣе энергичныхъ выразителей этого процесса, такъ же безсильны спасти отживающій порядокъ, какъ крестная смерть Спасителя не спасла развратившійся античный міръ отъ торжества реформирующаго христіанства.

„Правительство, конечно, можетъ еще перело-

вить и перевѣшать многое множество отдѣльныхъ личностей. Оно можетъ разрушить множество отдѣльныхъ революціонныхъ группъ. Допустимъ, что оно разрушитъ даже самыя серьезныя изъ существующихъ революціонныхъ организацій. Но, вѣдь, все это нисколько не измѣнитъ положенія вещей. Революціонеровъ создаютъ обстоятельства, всеобщее неудовольствіе народа, стремленіе Россіи къ новымъ общественнымъ формамъ. Весь народъ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его недовольство посредствомъ репрессалій: неудовольствіе, напротивъ, растетъ отъ этого. Поэтому, на смѣну истребляемыхъ постоянно выдвигаются изъ народа все въ большемъ количествѣ новыя личности, еще болѣе озлобленныя, еще болѣе энергичныя. Эти личности, въ интересахъ борьбы, разумѣется, организуются, имѣя уже готовый опытъ своихъ предшественниковъ; поэтому революціонная организація съ теченіемъ времени должна усиливаться и количественно и качественно. Это мы видимъ въ дѣйствительности за послѣднія 10 лѣтъ. Какую пользу принесла гибель долгушинцевъ, чайковцевъ, дѣятелей 74-го года? На смѣну ихъ выступили гораздо болѣе рѣшительные народники. Страшныя правительственныя репрессаліи вызвали затѣмъ на сцену террористовъ 78—79 гг. Напрасно правительство истребляло Ковальскихъ, Дубровиновъ, Осинскихъ, Лизогубовъ. Напрасно оно разрушало десятки революціонныхъ кружковъ. Изъ этихъ несовершенныхъ организацій, путемъ естественнаго подбора, вырабатываются только болѣе крѣпкія формы. Появляется, наконецъ, Исполнительный Комитетъ, съ которымъ правительство до сихъ поръ не въ состояніи справиться.

„Окидывая безпристрастнымъ взглядомъ пережитое нами тяжелое десятилѣтіе, можно безошибочно предсказать дальнѣйшій ходъ движенія, если только политика правительства не измѣнится. Движеніе должно расти, увеличиваться, факты террористическаго характера повторяться все болѣе обостренно; революціонная организація будетъ выдвигать на мѣсто истребляемыхъ группъ все болѣе и болѣе совершенныя, крѣпкія формы. Общее количество недовольныхъ въ странѣ между тѣмъ увеличивается; довѣріе къ правительству въ народѣ должно все болѣе падать, мысль о революціи, о ея возможности и неизбѣжности — все прочнѣе будетъ развиваться въ Россіи. Страшный взрывъ, кровавая перетасовка, судорожное революціонное потрясеніе всей Россіи завершитъ этотъ процессъ разрушенія стараго порядка.

„Чѣмъ вызывается, обусловливается эта страшная перспектива? Да, Ваше Величество, страшная и печальная. Не примите это за фразу. Мы лучше, чѣмъ кто-либо другой, понимаемъ, какъ печальна гибель столькихъ талантовъ, такой энергіи — на дѣлѣ разрушенія, въ кровавыхъ схваткахъ, въ то время, когда эти силы при другихъ условіяхъ могли бы быть потрачены непосредственно на созидательную работу, на развитіе народа, его ума, благосостоянія, его гражданскаго общежитія. Отчего-же происходитъ эта печальная необходимость кровавой борьбы?

„Оттого, Ваше Величество, что теперь у насъ настоящаго правительства, въ истинномъ его смыслѣ, не существуетъ. Правительство, по самому своему принципу, должно только выражать народныя стремленія, только осуществлять

народную волю. Между тѣмъ у насъ — извините за выраженіе — правительство выродилось въ чистую камарилью и заслуживаетъ названія узурпаторской шайки гораздо болѣе, чѣмъ Исполнительный Комитетъ.

„Каковы бы ни были намѣренія государя, но дѣйствія правительства не имѣютъ ничего общаго съ народной пользой и стремленіями. Императорское правительство подчинило народъ крѣпостному праву, отдало массы во власть дворянству; въ настоящее время оно открыто создаетъ самый вредный классъ спекулянтовъ и барышниковъ. Всѣ реформы его приводятъ лишь къ тому, что народъ впадаетъ все въ большее рабство, все болѣе эксплуатируется. Оно довело Россію до того, что въ настоящее время народныя массы находятся въ состояніи полной нищеты и раззоренія, не свободны отъ самаго обиднаго надзора даже у своего домашняго очага, не властны даже въ своихъ мірскихъ, общественныхъ дѣлахъ. Покровительствомъ закона и правительства пользуется только хищникъ, эксплуататоръ; самые возмутительные грабежи остаются безъ наказанія. Но зато какая страшная судьба ждетъ человѣка, искренно помышляющаго объ общей пользѣ. Вы знаете хорошо, Ваше Величество, что не однихъ соціалистовъ ссылаютъ и преслѣдуютъ. Что же такое — правительство, охраняющее подобный „порядокъ“? Неужели это не шайка, неужели это не проявленіе полной узурпаціи?

„Вотъ почему русское правительство не имѣетъ никакого нравственнаго вліянія, никакой опоры въ народѣ; вотъ почему Россія порождаетъ столько революціонеровъ; вотъ почему даже такой фактъ,

какъ цареубійство, вызываетъ въ огромной части населенія радость и сочувствіе. Да, Ваше Величество, не обманывайте себя отзывами льстецовъ и прислужниковъ. Цареубійство въ Россіи очень популярно.

„Изъ такого положенія можетъ быть два выхода: или революція, совершенно неизбѣжная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращеніе Верховной власти къ народу. Въ интересахъ родной страны, во избѣжаніе напрасной гибели силъ, во избѣжаніе тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыя всегда сопровождаютъ революцію, Исполнительный Комитетъ обращается къ Вашему Величеству съ совѣтомъ избрать второй путь. Вѣрьте, что какъ только Верховная власть перестанетъ быть произвольной, какъ только она твердо рѣшится осуществлять лишь требованія народнаго сознанія и совѣсти, Вы можете смѣло прогнать позорящихъ правительство шпіоновъ, отослать конвойныхъ въ казармы и сжечь развращающія народъ висѣлицы. Исполнительный Комитетъ самъ прекратитъ свою дѣятельность и организованныя около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работѣ, на благо родного народа. Мирная, идейная борьба смѣнитъ насиліе, которое противно намъ болѣе, чѣмъ Вашимъ слугамъ, и которое практикуется нами только изъ печальной необходимости.

„Мы обращаемся къ Вамъ, отбросивши всякія предубѣжденія, подавивши то недовѣріе, которое создала вѣковая дѣятельность правительства. Мы забываемъ, что Вы представитель той власти, которая столько обманывала народъ, сдѣлала ему столько зла. Обращаемся къ Вамъ, какъ гражда-

нину и честному человѣку. Надѣемся, что чувство личнаго озлобленія не заглушитъ въ Васъ сознанія своихъ обязанностей и желанія знать истину. Озлобленіе можетъ быть и у насъ. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцовъ, но еще братьевъ, женъ, дѣтей, лучшихъ друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требуетъ благо Россіи. Ждемъ того же и отъ Васъ.

„Мы не ставимъ вамъ условій. Пусть не шокируетъ Васъ наше предложеніе. Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой, созданы не нами, а исторіей. Мы не ставимъ, а только напоминаемъ ихъ.

„Этихъ условій, по нашему мнѣнію два:

„1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени, такъ какъ это были не преступленія, но исполненіе гражданскаго долга.

„2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями.

„Считаемъ необходимымъ напомнить однако, что легализація Верховной власти народнымъ представительствомъ можетъ быть достигнута лишь тогда, если выборы будутъ произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при слѣдующей обстановкѣ:

„1) Депутаты посылаются отъ всѣхъ классовъ и сословій безразлично и пропорціонально числу жителей;

„2) никакихъ ограниченій ни для избирателей, ни для депутатовъ не должно быть;

„3) избирательная агитація и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно въ видѣ временной мѣры, впредь до рѣшенія народнаго собранія допустить:

а) полную свободу печати,

б) полную свободу слова,

в) полную свободу сходокъ,

г) полную свободу избирательныхъ программъ.

„Вотъ единственное средство къ возвращенію Россіи на путь правильнаго и мирнаго развитія. Заявляемъ торжественно, предъ лицемъ родной страны и всего міра, что наша партія со своей стороны безусловно подчинится рѣшенію Народнаго Собранія, избраннаго при соблюденіи выше изложенныхъ условій, и не позволитъ себѣ впредь никакого насильственнаго противодѣйствія правительству, санкціонированному Народнымъ Собраніемъ.

„Итакъ, Ваше Величество, рѣшайте. Передъ Вами два пути. Отъ Васъ зависитъ выборъ. Мы же затѣмъ можемъ только просить судьбу, чтобы Вашъ разумъ и совѣсть подсказали Вамъ рѣшеніе, единственно сообразное съ благомъ Россіи, съ Вашимъ собственнымъ достоинствомъ и обязанностями передъ родной страной.

Исполнительный Комитетъ.

10. марта 1881 г.“

Заявленіе исполнительнаго комитета по поводу убійства Гарфильда гласитъ слѣдующимъ образомъ: „Выражая американскому на-

роду глубокое соболѣзнованіе по случаю смерти президента Джемса Авраама Гарфильда, Исполнительный Комитетъ считаетъ долгомъ заявить отъ имени русскихъ революціонеровъ свой протестъ противъ насильственныхъ дѣйствій, подобныхъ покушенію Гито.

Въ странѣ, гдѣ свобода личности даетъ возможность честной идейной борьбы, гдѣ свободная народная воля опредѣляетъ не только законъ, но и личность правителей — въ такой странѣ политическое убійство, какъ средство борьбы — есть проявленіе того же духа деспотизма, уничтоженіе котораго въ Россіи мы ставимъ своей задачей. Деспотизмъ личности и деспотизмъ партіи одинаково предосудительны и насиліе имѣетъ оправданіе только тогда, когда оно направляется противъ насилія.

Исполнительный Комитетъ.

10. сентября 1881 г.“

Послѣ этого прочитывается еще по просьбѣ Либкнехта прокламація исполнительнаго комитета къ европейскому обществу:

„1 марта — говорится въ этой прокламаціи — совершена была, по постановленію Исполнительнаго Комитета Русской соціально-революціонной партіи, казнь надъ русскимъ императоромъ Александромъ II.

Долгіе годы тираническаго правленія завершились достойной карой. Исполнительный Комитетъ, отстаивающій права личности и права русскаго народа, обращается къ общественному мнѣнію Западной Европы съ разъясненіемъ по поводу совершившагося событія. Проникнутая идеалами человѣчности и правды, русская революціонная партія долгіе годы стояла на почвѣ мирной пропаганды своихъ убѣжденій; ея дѣятельность не выходила

изъ границъ, допускаемыхъ для частной и общественной дѣятельности во всѣхъ, безъ исключенія государствахъ Европы. Поставивъ себѣ первою обязанностью трудъ вмѣстѣ съ русскимъ рабочимъ и крестьянствомъ, развитіе созданія и подъема экономическаго благосостоянія русскаго народа, русская революціонная партія закрывала глаза на политическій гнетъ и безправіе, царившіе въ ея родной странѣ и окончательно игнорировала политическія формы, политическій вопросъ. Русское правительство отвѣтило на такого рода дѣятельность страшными гоненіями. Не отдѣльныя личности, не десятки и сотни, а тысячи лицъ замучены въ тюрьмахъ, ссылкѣ и каторгѣ, тысячи семей подвергнуты разоренію и брошены въ омутъ безысходнаго горя. Параллельно съ этимъ русское правительство размножило, усилило до невѣроятныхъ размѣровъ бюрократію и рядомъ мѣръ, направленныхъ противъ народа, дало широкое развитіе плутократіи. Народное обнищаніе, голодъ, развращеніе народа примѣрами легкой наживы и измѣненіе этимъ путемъ народнаго міровоззрѣнія, основаннаго на трудѣ, на эгоистически-стяжательное мѣровоззрѣніе плутократіи — все это вмѣстѣ съ страшнымъ притѣсненіемъ народнаго духа было результатомъ политики правительства. Вездѣ во всѣхъ странахъ гибнутъ личности, но нигдѣ онѣ не гибнутъ по такимъ ничтожнымъ поводамъ, какъ въ Россіи, вездѣ интересы народа принесены въ жертву господствующихъ классовъ, но нигдѣ эти интересы не попираются съ такой жестокостью, и цинизмомъ, какъ въ нашей странѣ. Гонимая, подвергнутая травли, поставленная при существующихъ условіяхъ въ невозможность проводить свои идеи, революціонная партія медленно повернула на путь активной борьбы съ правительствомъ, ограничиваясь сначала отраженіемъ съ оружіемъ въ рукахъ нападенія правительственныхъ агентовъ. Правительство отвѣтило на это казнями. Жить стало невозможно. Пришлось выбирать между гибелью нравственной или физической. Пренебрегая постыднымъ существованіемъ рабовъ, русская революціонная партія рѣшилась или погибнуть, или сломить вѣковой деспотизмъ,

задушающій русскую жизнь. Въ сознаніи правоты и величія своего дѣла, въ сознаніи вреда системы россійскаго самодержавія, — вреда не только для русскаго народа, но и для всего человѣчества, надъ которымъ эта система виситъ угрозою истребленія всѣхъ правъ, вольностей и изобрѣтеній цивилизаціи, Русская соціально-революціонная партія приступила къ организаціи борьбы съ основами деспотическаго строя. Катастрофа съ Александромъ II есть одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы. Исполнительный Комитетъ не сомнѣвается, что мыслящіе и честные элементы западно-европейскаго общества понимаютъ все значеніе этой борьбы и не отнесутся съ осужденіемъ къ той формѣ, въ какой она ведется, такъ какъ эта форма была вызвана безчеловѣчіемъ русскихъ властей, такъ какъ другого исхода, кромѣ кровавой борьбы, нѣтъ для русскаго человѣка.

Исполнительный Комитетъ.

8. марта 1881 г,

На вопросъ защ. Либкнехта свидѣтель Бухгольцъ удостовѣряетъ, что извѣстный революціонеръ Чайковскій правильно охарактеризировалъ въ лондонскихъ „Летучихъ Листкахъ“ одиночество Бурцева, назвавъ его сочиненія „терроризмомъ безъ террористовъ“.

Послѣ этого слѣдуетъ анализъ конфискованнаго журнала „Народоволецъ“ (№ 4 отъ августа 1904 г.). Въ послѣднемъ встрѣчаются такія мѣста:

(Стр. 2): „Мы прежде всего — антицаристы и борьба съ царемъ и царизмомъ вообще у насъ всегда будетъ стоять на первомъ планѣ. Мы будемъ убѣждать всѣ русскія политическія партіи направить въ настоящее время свои главныя силы въ эту сторону и никогда не забывать, что мы не въ состояніи сдѣлать ни одного сколько-нибудь замѣтнаго шага впередъ, пока мы не замѣнимъ

деспотическій, царскій режимъ свободными политическими учрежденіями".

(Стр. 2): „Николай II и послѣдній, Обмановъ, палачъ шлиссельбургскій, петропавловскій, сибирскій и прочая, прочая, прочая..." И затѣмъ эпиграфъ изъ Рылѣева: „Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!".

(Стр. 3): „Николай II — самый злостный, народный грабитель, первый въ Россіи Разуваевъ и Колупаевъ. Онъ — крупнѣйшій землевладѣлецъ, заводчикъ, капиталистъ. Какъ и вся остальная царская орава, которая ютится около него и имъ держится, онъ — трутень, неспособенъ ни на какую полезную работу и живетъ только жизнью піявки, сосущей народную кровь. Николай не только получилъ отъ своего родителя оставшіеся ему милліоны, но и самъ „честнымъ путемъ", „бережливостью", „жизнью по завѣтамъ Божьимъ", о чемъ онъ недавно говорилъ курскимъ крестьянамъ, пріумножилъ свои капиталы".

(Стр. 5): „Онъ, если и эпилептикъ, то вовсе не въ такой степени, чтобы не быть отвѣтственнымъ за свои поступки. Съ неба звѣздъ онъ не хватаетъ, но онъ достаточно свѣдущъ и сообразителенъ, чтобы понимать сущность современныхъ событій".

(Стр. 8): „Вотъ почему революціонеры, культурники, реакціонеры, словомъ, представители всѣхъ политическихъ партій въ Россіи, желающіе видѣть торжество своихъ идей, должны всегда внимательно смотрѣть на русскій престолъ, — гдѣ въ данную минуту сидитъ Николай II. Тамъ главная разгадка нашей политической борьбы, тамъ находится гордіевъ узелъ современной русской

исторіи, его надо развязать или... разсѣчь!“

(Стр. 9): „Мы должны сдѣлать въ Россіи вездѣ: среди общества, рабочихъ, крестьянъ, возможно болѣе популярнымъ взглядъ на Николая II, какъ на главнаго, сознательнаго виновника всѣхъ современныхъ несчастій въ Россіи. Надо, чтобы крикъ: „Долой царя!“ сдѣлался бы девизомъ всей сознательной Россіи“.

„Николай держится цензурой, жандармами, полиціей, тюрьмами, розгами, ссылками, висѣлицами. Едва онъ вступилъ на престолъ, какъ въ Ярославлѣ лизнулъ рабочей крови, — это было ему по душѣ, и съ тѣхъ поръ кровь русскихъ рабочихъ и крестьянъ льется безостановочно изъ года въ годъ... Недавно она лилась въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, въ Ростовѣ на Дону, Златоустѣ и т. д.

„Нѣтъ, съ Николаемъ II Левъ Толстой цѣловаться не могъ. Онъ долженъ былъ ему сказать: „Руки и губи оботри сначала: онѣ у тебя въ народной крови“.

„Николай можетъ, сколько ему угодно, цѣловаться съ Зубатовыми и Плеве. Это — люди одинаковыхъ съ нимъ взглядовъ и одного нравственнаго калибра. Николай II и Зубатовъ — два сапога пара“.

(Стр. 10): „Придетъ пора иная“...

(Изъ студенческихъ пѣсенъ.)

Что за странная нелѣпость:|
Отъ Петра до нашихъ дней
Въ Петропавловскую крѣпость
Тащатъ мертвыхъ лишь царей.

Но придетъ пора иная,
Давно жданная пора,
Въ Петропавловскую крѣпость
Стащимъ мы живьемъ царя.

(Стр. 12): „Года ужъ прошли... оглянитесь кругомъ. Всюду стоитъ густая зеленая стѣна борцовъ, выросшая на братскихъ могилахъ. Она ужъ шумитъ и шумъ ея приводитъ въ ужасъ врага... Скоро шумъ ея перейдетъ въ грозный ревъ бури, а тогда...

„Берегись царь и опричина!“

(Стр. 20): „Это прекрасно поняла Народная Воля — и это составляетъ ея главную заслугу въ исторіи: первое постановленіе Исп. Ком. было постановленіе казнить царя, какъ главнаго представителя русскаго правительства. Безъ борьбы съ царемъ въ Россіи не можетъ быть серьезной политической борьбы“.

„Защищая террористическую программу въ 1897 г., мы въ 1 № „Народовольца“ говорили: „наша боевая программа должна сводиться къ одному пункту — цареубійству, — а если оказалось бы нужнымъ, то къ цѣлому ряду цареубійствъ и къ систематическому политическому террору“. Это для современныхъ русскихъ революціонеровъ и до сихъ поръ должно оставаться программой—минимумомъ“.

(Стр. 25): Это энергичный протестъ рабочей Россіи противъ всего преступнаго правительства Николая II, противъ безправія и угнетенія всей Россіи. Настроеніе рабочихъ крайне возбужденное. Они безпрерывно устраиваютъ манифестаціи, бьютъ стекла, гдѣ это слѣдуетъ, жгутъ заводы, каменьями осыпаютъ казаковъ... Да, каменьями, потому что ничего лучшаго у нихъ нѣтъ... Нѣтъ ни ружей, ни револьверовъ, ни бомбъ — того, что есть, напр., у македонцевъ. По извѣстіямъ, доходящимъ изъ Россіи, рабочіе въ большинствѣ случаевъ

предоставлены сами себѣ. Они рвутся на бой, а ихъ сдерживаютъ. Ни одинъ мѣстный комитетъ не рѣшился еще или не смогъ взять на себя инициативу вооружить рабочія массы для борьбы съ правительствомъ. Какъ бы то ни было, важнѣйшая задача революціонеровъ по отношенію къ рабочему движенію ими до сихъ поръ не выполнена".

(Стр. 27): „Революціонеры должны нести въ рабочую и народную среду, гдѣ накопилось столько горючаго матеріала, призывъ къ активной, истинно-революціонной борьбѣ. Надо вооружить народъ въ его борьбѣ и вооружить не книжками только, а тѣмъ, что сдѣлало бы народныя массы дѣйствительно грозными для правительства".

Въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Браво, сербы, браво!" говорится:

(Стр. 28): „Въ Бѣлградѣ недавно произошло замѣчательное событіе, по поводу котораго съ упрекомъ можно сказать только одно: почему оно произошло такъ поздно? Существованіе Александра въ Сербіи давно стало уже „странною нелѣпостью", но, наконецъ, „пришла давно желанная пора"... Конечно, лучше поздно, чѣмъ никогда. Армія вообще рѣдко дѣлаетъ что-либо хорошее для народа, но на этотъ разъ сербская армія, опираясь на общее сочувствіе народа, оказала огромную услугу для Сербіи, да и не для одной Сербіи".

(Стр. 30): „Народная Воля широко понимала борьбу съ правительствомъ. Она не опускала изъ виду никакой возможности для нападенія на него и признавала въ борьбѣ всѣ средства. Народная Воля по отношенію къ русскому царю и его правительству держалась гладстоновскаго правила: „всякая палка хороша для того, чтобы бить

собаку". Члены военной организаціи Н. В., совмѣстно съ Исп. Ком., не разъ обсуждали планы ареста царя и нападенія на дворецъ".

Послѣдней вещью Бурцева, прочитанной на судѣ, является прокламація:

Къ товарищамъ по убѣжденію отъ группы народовольцевъ.

Прокламація гласитъ:

„3-то мая въ Петербургѣ съ вѣдома и по приказу Николая II былъ повѣшенъ Степанъ Валерьяновичъ Балмашевъ.

Вступая на престолъ, Николай II далъ клятву идти по стопамъ своего отца Александра III — вѣшателя, и онъ, въ свою очередь, сталъ вѣшателемъ. Въ Россіи не можетъ быть царей не-вѣшателей. Безъ висѣлицъ, безъ тюремъ, розогъ, нагаекъ, безъ цензуры въ Россіи болѣе не можетъ существовать царизмъ. Поэтому, кто хочетъ для своей родины свободы, кто противъ висѣлицъ, тюремъ, нагаекъ, цензуры, тотъ долженъ быть противъ царизма, противъ Николая II, противъ николаевскихъ мерзавцевъ.

На совѣсти Николая — если только можно говорить объ его совѣсти — бездна кровавыхъ преступленій. За его царствованіе кровь крестьянъ, рабочихъ, революціонеровъ лилась безъ мѣры... Это, въ полномъ смыслѣ слова, кровавое царствованіе... Русскій историкъ будетъ потомъ вспоминать съ проклятіемъ имя Николая II-го и его помощниковъ... Засѣкали на смерть розгами, палками, нагайками... Разстрѣливали безоружную толпу рабочихъ и крестьянъ... Убивали по тюрьмамъ и въ застѣнкахъ... Цѣлая свора негодяевъ, въ родѣ Плеве, Валя, Сипягина, Оболенскаго, Келлера, издѣвалась надъ русскимъ народомъ... Народъ умиралъ съ голоду, какъ никогда раньше... И впредь, пока будетъ существовать царизмъ, Россіи нечего

ждать отъ самодержавія другого, кромъ нагаекъ, висѣлицъ, розогъ.

Съ каждымъ мѣсяцемъ все тяжелѣе и тяжелѣе становится жить русскимъ людямъ, а революціонерамъ все тяжелѣе и тяжелѣе становится бороться за свои идеалы, за народное дѣло. Наглое торжество реакціи, не знающее удержу, наконецъ, должно привести революціонеровъ къ мысли, что въ ихъ современной борьбѣ съ правительствомъ, заключаются крупные недостатки какъ въ теоріяхъ, такъ и на практикѣ, такъ какъ правильная постановка революціонной борьбы никогда не могла бы позволить реакціи такъ нагло развернуться въ русской жизни.

Революціонная борьба за послѣднее десятилѣтіе не была собственно нападеніемъ на правительство, а сводилась лишь исключительно къ агитаціи и пропагандѣ. Она мало тревожила правительство и совсѣмъ не служила сдерживающимъ средствомъ противъ его изувѣрства. Правительство дѣлалось день ото дня все наглѣе, болѣе безчеловѣчнѣе, реакціоннѣе и дошло до Сипягиныхъ, Валей, Оболенскихъ, Николаевъ II-хъ.

Послѣ висѣлицы Балмашева, послѣ виленскихъ и полтавскихъ ужасовъ русскіе революціонеры должны снова поставить передъ собой вопросъ, что дѣлать теперь въ Россіи? Очевидно, такъ вести борьбу, какъ она велась до сихъ поръ, — нельзя. Революціонеры, если они, дѣйствительно, хотятъ бороться съ правительствомъ и свергнуть самодержавіе, должны отъ многаго отказаться въ своей дѣятельности за послѣдніе годы и многое принять, что до сихъ поръ они игнорировали. Нужна иная литература, иные пути борьбы, иное отношеніе другъ къ другу, иное отношеніе къ врагу.

Въ Россіи нужна теперь партія, которая занялась бы не только агитаціей и пропагандой, а которая сорганизовала бы нападеніе на правительство и въ ближайшемъ будущемъ положила бы предѣлъ его существованію.

Въ Россіи въ настоящее время масса революціонныхъ силъ. Та революціонная партія, которая су-

мѣетъ собрать силы и направить ихъ въ должную сторону, имѣетъ возможность въ короткое время покончить съ царизмомъ.

Намъ нужна теперь борьба съ правительствомъ, подобная той, какая двадцать лѣтъ тому назадъ велась Исполнительнымъ Комитетомъ Народной Воли. Другой борьбы для русскаго народа нѣтъ. Мы зовемъ поэтому русскихъ революціонеровъ встать подъ знамя Желябова, Перовской, Халтурина, Суханова, Гриневицкаго, подъ знамя Исполнительнаго Комитета Народной Воли 1879—81 годовъ. Широкая, истинно революціонная программа Народной Воли знакома современнымъ революціонерамъ. За послѣднее время о ней мы напомнили на страницахъ „Народовольца“, „Былого“ и „Долой Царя!“, а соціалисты-революціонеры на страницахъ своихъ изданій, особенно въ № 3 „Летучихъ листковъ Революціонной Россіи“. Наши товарищи по убѣжденію: Карповичъ, Лаговскій, Лекертъ, Балмашевъ, своей геройской борьбой напомнили русскимъ революціонерамъ лучшія традиціи, завѣщанныя Народной Волей, — ихъ террористическая борьба — урокъ и совѣтъ длл современныхъ революціонеровъ.

Правительство Александра II на мирную соціалистическую пропаганду революціонеровъ 70-хъ годовъ отвѣтило въ свое время треповскими сѣченіями, каторгой, висѣлицами, военными генералъ-губернаторами. Тогдашніе революціонеры поняли, что къ своей широкой агитаціонной и пропагаторской дѣятельности они должны добавить, между прочимъ, систематическій терроръ, и они отвѣтили реакціи казнями Мезенцева, Кропоткина, взрывами Зимняго Дворца и царскихъ поѣздовъ, цареубійствомъ.

Въ дѣятельности революціонеровъ того времени современные революціонеры должны почерпнуть указанія, что имъ дѣлать теперь. Революціонеры должны понять, что у нихъ изъ всѣхъ немногочисленныхъ средствъ для нападенія на правительство и вліянія на него, на ряду съ вооруженными нападеніями и заговорами, самое могучее —

терроръ и притомъ систематическій терроръ, прямое нападеніе съ оружіемъ въ рукахъ на главныхъ представителей реакціи, въ томъ числѣ на царя, на Николая II-го.

Пропаганда, агитація, демонстраціи, свободное печатное слово, созданіе революціонныхъ организацій — все это важнѣйшія средства для воспитанія и революціонизированія рабочихъ массъ и общества, для возбужденія въ нихъ протеста противъ реакціи. Этого рода дѣятельности революціонеры должны отдать много своихъ силъ, какъ это дѣлали въ свое время и народовольцы 1879—81 годовъ. Но этимъ революціонная борьба не можетъ ограничиваться. Надо съ револьверомъ и бомбой въ рукахъ начать борьбу съ представителями системы современной реакціи и бить этихъ негодяевъ безъ пощады, наказывать ихъ за каждое ихъ преступленіе. Надо ихъ сдѣлать отвѣтственными передъ революціонерами, заставить ихъ трепетать: пусть они поймутъ, что отнынѣ они будутъ своими шкурами расплачиваться за стремленіе къ благамъ жизни, ради которыхъ они продали свою совѣсть, свой стыдъ, пьютъ народную кровь, сѣкутъ мирныхъ демонстрантовъ, душатъ свободную мысль... Такой энергично веденной борьбы долго не выдержатъ Николай и его николаевскіе мерзавцы. Они любятъ то, что даетъ имъ преступная дѣятельность, но собственная жизнь для нихъ дороже всего на свѣтѣ. Теперь они свои преступленія совершаютъ на волѣ, съ развязанными руками, не встрѣчая никакихъ препятствій, — при систематическомъ, политическомъ террорѣ, организованномъ по всей Россіи, дамокловъ мечъ будетъ висѣть надъ головами всѣхъ главныхъ реакціонныхъ дѣятелей. Они почувствуютъ себя отвѣтственными передъ революціонной партіей. Они поймутъ, что имъ болѣе не найти спасенія въ реакціи и что при систематическомъ террорѣ имъ уже не удастся боголѣповскими, сипягинскими, побѣдоносцевскими, витгевскими подлостями отсрочивать паденіе самодержавія въ Россіи.

Террористическая борьба будетъ понята самыми широкими слоями общества и народа и, какъ во

времена Народной Воли, расширитъ русло революціонной борьбы, возбудитъ энергію во всѣхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ слояхъ и сослужитъ огромную службу для возбужденія агитаціи и пропаганды во всей странѣ.

Безъ террора революціонная борьба въ Россіи обойтись не можетъ. Терроръ — одно изъ главныхъ средствъ борьбы съ правительствомъ. Теперь въ Россіи должна наступить въ самомъ серьезномъ смыслѣ этого слова эпоха террористической борьбы революціонеровъ съ реакціоннымъ правительствомъ Николая II. Необходимо возможно скорѣе создать спеціальную террористическую организацію, которая, подобно Исполнительному Комитету Народной Воли, взяла бы на себя иниціативу систематической террористической борьбы и способствовала бы всѣмъ отдѣльнымъ террористическимъ группамъ создавать по собственной иниціативѣ такого же рода факты. Надъ этой задачей должны работать представители всѣхъ революціонныхъ партій, какъ они работаютъ надъ созданіемъ свободной литературы, надъ ея распространеніемъ, пропагандой среди рабочихъ, надъ манифестаціями и т. д. Созданіе такой организаціи — первая потребность русскихъ революціонеровъ всѣхъ фракцій. Этого требуетъ защита нашей чести отъ нападеній разсвирѣпѣвшей реакціи и насущный интересъ революціоннаго движенія въ Россіи. Терроръ долженъ быть систематическій, повсемѣстный, — всюду, гдѣ есть свои Вали и Сипягины, надо всѣмъ этимъ мерзавцамъ доказать, что ихъ ремесло теперь стало невыгоднымъ.

Соціалисты-революціонеры выступили за послѣднее время съ своей спеціальной „боевой организаціей“, которая рукой замѣчательнѣйшаго русскаго героя-революціонера Балмашева казнила Сипягина и тѣмъ оказала русской исторіи и всему современному русскому обществу огромную услугу. Другія революціонныя партіи должны продолжать борьбу соціалистовъ-революціонеровъ, въ параллель съ ними образовать свой боевыя группы и начать совмѣстную общими силами террористическую борьбу, а въ будущемъ, при первой возможности, образовать лигу русскихъ террористовъ.

Съ настоящимъ воззваніемъ мы обращаемся ко всѣмъ товарищамъ по убѣжденію и ко всему сочувствующему намъ обществу. Мы говоримъ отъ имени тѣхъ лицъ, кто по своему революціонному прошлому имѣетъ право звать революціонеровъ на террористическую борьбу.

Наши товарищи должны помнить, что наша борьба трудна, но она вполнѣ возможна, — она требуетъ только серьезнаго отношенія къ себѣ и солидарности между террористами. Техника намъ дала могущественныя средства для нападенія на враговъ, какихъ не знали народовольцы. Дѣятельность народовольцевъ намъ послужитъ драгоцѣннымъ указаніемъ для нашей террористической дѣятельности. Современные террористы въ своей борьбѣ съ правительствомъ будутъ теперь опираться на сочувствующія имъ огромныя массы народа, рабочихъ и общества, на которыя не могли разсчитывать народовольцы. Аресты, ссылки, убійства, совершенныя правительствомъ Николая II за послѣдніе годы въ средѣ революціонеровъ, студентовъ, рабочихъ, народа, одѣло полъ-Россіи въ трауръ и нанесло всѣмъ никогда незабываемыя оскорбленія. Благодаря всему этому, каждый ударъ террористовъ будетъ вызывать въ странѣ „злобную радость“, о которой говорилъ еще Пушкинъ, и вслѣдъ за Карповичемъ русское общество будетъ высылать Лаговскаго, вслѣдъ за Лаговскимъ — Балмашева, Лекерта. Русскіе революціонеры и общество должны понять всю ту ужасную реакціонную роль, которую теперь разыгриваютъ революціонеры не-террористы и революціонеры-антитеррористы своей отрицательной антитеррористической пропагандой, и рѣшительно встать на сторону защитниковъ систематическаго террора. Карповичи, Лекерты, Балмашевы и ихъ друзья должны встрѣчать себѣ сочувствіе и поддержку не только послѣ совершенія ими террористическихъ фактовъ, а главнымъ образомъ до этого — для того, чтобы ихъ борьба была легче и успѣшнѣе. Сколько среди русскихъ революціонеровъ сошло со сцены Карповичей и Балмашевыхъ прежде, чѣмъ они смогли проявить и свою отвагу

и рѣшимость отдать свою личность на общее дѣло, только благодаря тому, что для своей цѣли они встрѣчали въ революціонной средѣ слишкомъ много препятствій и слишкомъ мало помощи? Сколько было пропущено случаевъ нанести правительству тяжелые террористическіе удары опять-таки по той-же причинѣ? Сколько можно было бы за послѣдніе годы дать импульсовъ для возрожденія широкаго и могучаго террористическаго движенія въ Россіи, если бы революціонная мысль работала правильно, а не блуждала бы въ области ортодоксальной схоластики?...

Еще разъ мы обращаемся къ товарищамъ террористамъ съ призывомъ приступить къ немедленной, систематической террористической борьбѣ, потому что она для Россіи теперь неизбѣжное и одно изъ главныхъ средствъ борьбы за дѣло русской свободы. Въ нашей народовольческой группѣ всѣ террористы найдутъ товарищей, съ которыми они смогутъ идти рядомъ рука объ руку.

Смерть Николаю II! Смерть всѣмъ николаевскимъ мерзавцамъ! Да здравствуетъ Народная Воля!

Группа народовольцевъ. 25-е іюня 1902 года.

По истеченіи десяти минутъ судъ приступаетъ къ чтенію брошюры о *кишиневскомъ погромѣ*, изданной группой „Свобода“. Либкнехтъ передаетъ суду брошюру „Кишиневскій погромъ“, изданную редакціей „Освобожденія“, изъ которой приводятся обширныя выдержки. Полагая, что брошюра эта всѣмъ извѣстна, мы за неимѣніемъ мѣста считаемъ возможнымъ опустить здѣсь эти цитаты.

Послѣ „Кишиневскаго погрома“ прочитываются еще выдержки изъ 49 № „Искры“, гдѣ сообщается о пребываніи въ Вѣнѣ Эдуарда VII, Вильгельма II и Николая II (Ника), и приводится резолюція славянскихъ соціалдемократовъ, въ ко-

торой царь и его помощники называются „величайшимъ позорнымъ пятномъ славянства и славянской культуры“.

Прочтеніемъ этихъ выдержекъ заканчивается анализъ конфискованной литературы.

Послѣ того прочитываются еще нѣкоторые документы, не имѣющіе особаго интереса для русскаго читателя, которые мы поэтому здѣсь и опускаемъ. Этимъ заканчивается судебное разбирательство и судъ расходится до слѣдующаго дня, который долженъ начаться рѣчью прокурора Шютце.

Конецъ первой части.

Приложеніе.

Статьи изъ „Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“.

§ 120. Подговорщики или подстрекатели даже когда они не были въ числѣ зачинщиковъ, приговариваются къ высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленнаго за преступленіе, къ коему они подговаривали или подстрекали. Если они впослѣдствіи старались остановить приведеніе преступнаго умысла въ дѣйствіе, но не донесли о томъ своевременно начальству, то подвергаются наказанію одною степенью ниже.

§ 241. Всякое злоумышленіе и преступное дѣйствіе противъ жизни, здравія или чести Государя Императора и всякій умыселъ свергнуть Его съ Престола, лишить свободы и Власти Верховной, или же ограничить права оной, или учинить Священной Особѣ Его какое-либо насиліе, подвергаютъ виновныхъ въ томъ: лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни.

§ 242. Злоумышленіе во всѣхъ вышеозначенныхъ видахъ почитается дѣйствительнымъ преступленіемъ не только въ случаѣ, когда виновнымъ сдѣлано уже покушеніе для приведенія своихъ преступныхъ намѣреній въ исполненіе, но и тогда, когда онъ, чрезъ предложеніе другому принять въ нихъ участіе, или чрезъ составленіе на сей конецъ заговора или сообщества, или вступленіе въ таковое сообщество или заговоръ, или-же чрезъ словесное или письменное изъявленіе своихъ о томъ мыслей и предположеній, или инымъ образомъ, приступилъ къ какому-либо для сего приготовленію.

§ 245. Изобличенные въ составленіи и распространеніи письменныхъ или печатныхъ сочиненій или изображеній, съ цѣлію возбудить неуваженіе къ Верховной Власти, или же къ личнымъ качествамъ Государя, или къ управленію его государствомъ, приговариваются, какъ оскорбители Величества:

къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу на время отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ.

Участвовавшіе въ составленіи или злоумышленномъ распространеніи такихъ сочиненій или изображеній, подвергаются:

тому-же наказанію.

Виновные въ составленіи сочиненій или изображеній сего рода, но не изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи оныхъ, приговариваются за сіе, какъ за преступный умыселъ:

къ заключенію въ крѣпости на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ, по статьѣ 50 сего Уложенія, особенныхъ правъ и преимуществъ.

Имѣвшіе у себя такія сочиненія или изображенія и равномѣрно не изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи оныхъ, если ими не будетъ доказано, что они имѣютъ у себя сіи сочиненія или изображенія по особому распоряженію или дозволенію надлежащаго высшаго начальства, подвергаются за сіе:

аресту на время отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ и потомъ могутъ быть отдаваемы подъ надзоръ полиціи на время отъ одного года до трехъ лѣтъ.

§ 246. Кто осмѣлится произнести, хотя и заочно, дерзкія оскорбительныя слова противъ Государя Императора, или съ умысломъ будетъ повреждать, искажать или истреблять выставленные въ присутственномъ или публичномъ мѣстѣ портреты, статуи, бюсты или иныя изображенія Его, тотъ за сіе оскорбленіе Величества присуждается:

къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу на время отъ шести до восьми лѣтъ.

Дозволившій себѣ означенные въ сей статьѣ

дерзкіе слова и поступки заочно, безъ прямаго намѣренія возбудить неуваженіе къ Священной Особѣ Государя Императора, приговаривается:

къ заключенію въ крѣпости на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ.

Если же виновный совершилъ сіе преступленіе по неразумію или невѣжеству, либо въ состояніи опьяненія, то онъ подвергается:

заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ;

или аресту отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ.

§ 249. За бунтъ противъ Власти Верховной, то есть возстаніе скопомъ и заговоромъ противъ Государя и государства, а равно и за умыселъ ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ или въ нѣкоторой онаго части, или же перемѣнить образъ правленія, или установленный законами порядокъ наслѣдія Престола, и за составленіе на сей конецъ заговора или принятіе участія въ составленномъ уже для того заговорѣ, или въ дѣйствіяхъ онаго, съ знаніемъ о цѣли сихъ дѣйствій, или въ сборѣ, храненіи или раздачѣ оружія и другихъ приготовленіяхъ къ бунту, всѣ, какъ главные въ томъ виновные, такъ и сообщники ихъ, подговорщики, подстрекатели, пособники, попустители и укрыватели, подвергаются:

лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни.

Тѣ, которые, знавъ о такомъ злоумышленіи и приготовленіи къ приведенію онаго въ дѣйство и, имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія Правительства, не исполнили сей обязанности, приговариваются:

къ тому же наказанію.

§ 250. Когда означенное въ статьѣ 249 злоумышленіе открыто правительствомъ заблаговременно, такъ что ни покушеній, ни смятеній, ни иныхъ вредныхъ послѣдствій не произошло, однако виновные обнаружили умыселъ дѣйствовать для достиженія своей преступной цѣли насильственно, то они, вмѣсто смертной казни, приговариваются, смотря по большей или меньшей важности преступнаго ихъ умысла, по степени ихъ участія въ заговорѣ и другимъ обстоятельствамъ дѣла:

къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на время отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, или же на время отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ.

Если же виновные не обнаружили умысла дѣйствовать насильственно, но составили сообщество, направленное къ достиженію, хотя бы и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, цѣлей, указанныхъ въ статьѣ 249, или вступили въ подобное сообщество, то они, смотря по степени ихъ участія въ сообществѣ и другимъ обстоятельствамъ дѣла, подвергаются:

или лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на время отъ четырехъ до шести лѣтъ;

или лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; или лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь, или отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по одной изъ степеней статьи 31 сего Уложенія;

или же лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ крѣпости на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до четырехъ лѣтъ.

§ 251. Виновные въ составленіи и распространеніи письменныхъ или печатныхъ объявленій, воззваній или же сочиненій или изображеній, съ цѣлью возбудить къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, приговариваются:

къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на время отъ восьми до десяти лѣтъ.

Тому же наказанію подвергаются изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи такихъ сочиненій, и вообще всѣ участвовавшіе завѣдомо въ семъ преступленіи, а равно и тѣ, которые въ какомъ-либо мѣстѣ будутъ, съ тою же преступною цѣлію, говорить публично рѣчи.

Виновные въ составленіи такихъ объявленій, воззваній, или же сочиненій или изображеній, хотя и не изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи

оныхъ, подвергаются за сіе, какъ за приготовленіе и начало покушенія къ возбужденію бунта:

заключенію въ крѣпости на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ, по статьѣ 50 сего уложенія, правъ и преимуществъ.

Имѣвшіе у себя объявленія, воззванія или же сочиненія или изображенія сего рода, и равномѣрно не изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи оныхъ, если ими не будетъ доказано, что они имѣютъ ихъ по особому распоряженію или дозволенію надлежащаго высшаго начальства, подвергаются за сіе:

аресту на время отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ, и потомъ могутъ быть отдаваемы подъ надзоръ полиціи на время отъ одного года до трехъ лѣтъ.

§ 252. За составленіе и распространеніе письменныхъ или печатныхъ сочиненій и за произнесеніе публично рѣчей, въ коихъ, хотя и безъ прямаго и явнаго возбужденія къ возстанію противъ Верховной Власти, усиливаются оспаривать или подвергать сомнѣнію неприкосновенность правъ ея, или же дерзостно порицать установленный государственными законами образъ правленія, или порядокъ наслѣдія Престола, виновные въ томъ подвергаются:

лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на время отъ четырехъ до шести лѣтъ.

Тому же наказанію подвергаются изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи такихъ сочиненій и вообще всѣ участвовавшіе завѣдомо въ семъ преступленіи.

Виновные въ составленіи сочиненій сего рода, не изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи оныхъ, приговариваются за сіе, какъ за преступный умыселъ:

къ заключенію въ крѣпости на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ.

Имѣвшіе у себя такія сочиненія и равномѣрно не изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи оныхъ, если ими не будетъ доказано, что они имѣютъ ихъ по особому распоряженію или дозволенію надле-

жащаго высшаго начальства, подвергаются за сіе, какъ за недонесеніе о извѣстномъ преступленіи или преступномъ умыслѣ:

аресту на время отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ и потомъ могутъ быть отдаваемы подъ надзоръ полиціи на время отъ одного года до трехъ лѣтъ.

§ 252 [1]. Когда распространеніе указанныхъ въ статьяхъ 251 и 252 преступныхъ объявленій, воззваній, сочиненій или изображеній, или же означенное въ сихъ статьяхъ публичное произнесеніе рѣчей, послѣдовали въ средѣ войска, а равно когда упомянутыя объявленія, воззванія, сочиненія или изображенія составлены съ цѣлью распространенія ихъ среди военнослужащихъ, то наказанія, опредѣленныя за сіи преступленія, возвышаются на двѣ степени.

§ 260. Въ случаѣ учиненія одного изъ означенныхъ выше сего въ статьяхъ 241, 242, 243, 249, 250 и 253 преступленій противъ иностраннаго государства, съ которымъ, на основаніи трактатовъ, или обнародованныхъ о томъ узаконеній, постановлена надлежащая въ семъ отношеніи обоюдная взаимность, или же противъ верховной того государства власти, виновные, буде къ сему не присоединяется и преступленіе, подлежащее другому, болѣе тяжкому наказанію, приговариваются:

къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь или къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по четвертой или пятой степени статьи 31 сего Уложенія;

когда-жъ сіе преступленіе учинено съ увеличивающими вину обстоятельствами, то

къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, въ мѣста не самыя отдаленныя.

N. B. Вторая часть „Кенигсбергскаго процесса“ содержитъ рѣчи прокуроровъ и защитниковъ и отзывы европейской печати о судѣ.

Типографія Левента, Берлинъ SW. 68.